

16+

ISSN 2310-5453

№ 2 (5)

2015

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Редактор выпуска

Л.С. Заморщикова

Редакционная коллегия:

Варвара Белолюбская (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Виктория Михайлова (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Дженан Фергюсон (Университет Аризоны, США)

Ответственный секретарь

В.Ю. Кузин

Технические секретари:

Д.И. Осипов, И.А. Матвеев

Адрес редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,
СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб.508.
sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	4

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ. РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА НА СЕВЕРЕ

Romain Rollot, Sébastien Gadat, Yuri Danilov. Remote Sensing and GIS's Multi-Criteria Analysis of Urban Flooding Debaacle Exposure of Yakutsk (Lena River, Russia)	5
Didier Ramousse. Les défis de la patrimonialisation des «paysages culturels» face à la prédominance des activités extractives	14
Замятин Д.Н. Стратегии репрезентации и интерпретации культурно-географических образов	27
Кусков А.Н. Туризм в пространстве культурных ландшафтов: зарубежный опыт и российская практика	36
Тотонова Е.Е. Перспективы развития туризма в арктических районах Республики Саха (Якутия)	45
Данилов Ю.Г., Платонов П.П. Крупномасштабная ландшафтная карта северо-западной части РРРЗ «Сунтар-Хаята»	55
Гнатюк Г. А., Дегтева Ж. Ф. Историко-географические особенности формирования этнокультурных ландшафтов Якутии	62
Пахомова Л.С. Ландшафты как отражение топонимов Якутии	70
Филиппова В.В. Топонимия региональных культурных ландшафтов (на примере Верхоянского района Республики Саха (Якутия)	74

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Nakhodkina A. Cultural heritage in a current context: case of Olonkho translation	86
Романова Е.Н. Ландшафт в культуре памяти	93
Содномпилова М.К. Сакральное пространство бурят: реконструкция и моделирование образов	99
Кузьменко О.Н. Русский Архипелаг. Париж Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой	106
Саввинова А.Н. Изучение топонимов в якутском героическом эпосе олонхо	114
Данилова Н.К. Концепт «Север/Хоту» в представлениях народа саха и долган	121

Самсонова М.В., Шапошникова В.И. Пространство олонхо: перевод эпических формул мироздания	127
Курилова С.Н. Концепт «река» как актуальная ментальная единица водного пространства ландшафтной концептосферы в лингвокультуре лесных юкагиров	135
Румянцева Л.И. К вопросу поэтики пространства русской прозы 1920-х годов (на материале произведений И.И. Катаева)	143

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛАНДШАФТ В НАРРАТИВЕ ПАМЯТИ.
РЕАЛЬНОСТЬ. ОБРАЗ. МОДЕЛИРОВАНИЕ»**

Дьячковская В.Г. Образность эпического ландшафта: стратегии передачи на английский язык (сравнительный аспект)	150
Стручкова Ф.Д. Лингвопрагматические характеристики рекламного дискурса событийного туризма (на примере франкоязычных веб-сайтов)	156
Васильева А.А. Социальная экологическая реклама во франкоязычном веб-пространстве: прагматический аспект	159

Слово редактора

Специальный выпуск журнала составлен по материалам научной конференции «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование», которая состоялась 25-26 июня на базе Северо-восточного федерального университета имени М.К.Аммосова при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».

Организаторами данной конференции выступили Институт зарубежной филологии и регионоведения СВФУ, Институт естественных наук СВФУ, сектор этнографии народов Северо-востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Якутии Сибирского отделения РАН, Международная Тематическая сеть Университета Арктики «WorldimagesofindigenouspeopleoftheNorth».

На конференции были обсуждены вопросы и проблемы, связанные с понятием этнокультурного ландшафта как совокупности языковых, исторических, сакральных, функциональных образов, его релевантности для традиционного общества в эпоху глобализации и широкомасштабного промышленного освоения, а также вопросы, связанные с пониманием, интерпретацией и моделированием культурного ландшафта (на примере территорий туристического кластера Республики Саха (Якутия).

Новизна конференции в междисциплинарном подходе к изучению вышеназванной проблематики, а также в прикладной ориентированности результатов исследования, в решении конкретных задач, в частности, относящихся к туристическому кластеру Якутии, в том числе вопросы подготовки кадров для данной отрасли.

Материалы конференции печатаются в авторской редакции.

Редактор выпуска
Людмила Заморщикова

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ. РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА НА СЕБЕРЕ

УДК 912.64

Romain Rollot¹, Sébastien Gadal², Yuri Danilov³

REMOTE SENSING AND GIS'S MULTI-CRITERIA ANALYSIS OF URBAN FLOODING DEBACLE EXPOSURE OF YAKUTSK (LENA RIVER, RUSSIA)*

** This paper is presented at Scientific conference "Landscape in narrative memory. Reality. Image. Modeling" supported by Russian Foundation for Humanities –Fondation Maison de Sciences de l'homme (France). Project №15-22-08501.*

This research is supported by RSF project №15-18-20047 "Landscape ontology: semantics, semiotics, and remote sensing».

This paper proposes a vulnerability assessment of the Yakutsk areas exposed to the spring breakup flood. The approach is based on the use of remote sensing and a GIS's multi-criteria analysis. Before assessing the vulnerability, potential flood-prone areas have been model with data from Global Digital Elevation Model (GDEM) ASTER v.2 (USGS/METI) and, next, correlated with the categorisation of the urban areas at risk of flooding by image processing with EO-1 ALI satellite images. The methodology developed permitted to build a typology of vuln caca merable areas and consequently to supply information and data to assess with criteria the vulnerability in several dimensions. In this study, the multi-criteria analysis evaluates the vulnerability in three component and as a whole. Results of this work are focused on the geographic understanding of the vulnerability to the spring breakup flood risk than on the consequences.

Key words: Flood exposure, Debacle, Remote Sensing, GIS, DEM, Multi-criteria Analysis, Yakutsk, Lena River.

¹ PhD Student in Aix-Marseille Université. E-mail: romain.rollot.pro@outlook.fr

² PhD, Professor in Aix-Marseille Université (France), M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia). E-mail: sebastien.gadal@univ-amu.fr

³ D.Sc., Professor. Head of Department of Geography, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia). E-mail: dan57sakha@mail.ru

1. Introduction

The Lena River, 7th biggest watershed of the World, ice break-up is an expected, a feared and an unavoidable annual moment. The spring break-up is an important natural phenomenon in hydrological regime of northern river (Beltaos, 1997). It is characterised by rupture of the ice of a river, driven by the current, causing a fast increase in flow and generating floods. River ice break-up takes place in high latitudes where winter is cold and long enough to freeze the water on substantial thicknesses. On the Lena in Yakutsk, the ice break-up happens every year in May. Due to the meridian outline of the river, breakup process begins in April in the upstream part of the river, gains Yakutsk in mid-May, to reach the mouth in June. Between the beginning and the end of the spring break-up, it may take about fifty days (Costard and Gautier, 2008). It is difficult to predict and to manage, ice breakup floods are a real risk for the populations living within the Lena valley, as is the case of Yakutsk's inhabitants. Indeed, the capital of Sakha Republic is partly build in the flooding plain. If the city center is on the alluvial terrace and protected by a dyke, a main part of the suburbs are under the flood plain. The level of the flooding risk is important and recurrent, particularly in the suburban areas of Yakutsk.

The geographic context accentuates the exposure of the urban flooding generated by the debacle of the Lena River: metropolisation with the transformation of the urban lifestyle, important urban growth, opacity of land use policies, permafrost, continental Arctic climate, limited access to social and economic data, or misreading of the research for this territory. The question of the vulnerability of Yakutsk is strong and the exposure of the different urban districts heterogonous. The recognition and the evaluation of the risk of flooding of the different urban areas of Yakutsk is made by remote sensing, geographic information system (GIS) and sampling techniques.

2. An approach by remote sensing and geographic information system

2.1. Spatial approach of the urban flood risk exposure

The methodology developed can be separated in 2 phases: (1) determine flood-prone areas with data from Global Digital Elevation Model (GDEM) ASTER v2 (USGS/METI). (2) Make a typology of the urban areas at ice breakup flood risk in Yakutsk by the use of the Earth Observing Advanced Land Imager (EO-1 ALI) satellite images of 10x10 meters spatial resolution in panchromatic mode and sampling techniques. Remote sensing imagery and local knowledge from sampling techniques established the typology of urban areas under flooding risk.

Two calculus are made to process geographic and spatial information in GIS to evaluate the vulnerability levels of flooding zones. A multi-criteria analysis has been created to assess the level of the vulnerability of the different urban areas recognised (urban typology made by remote sensing analysis). These geographic criteria are environment, built-ups and territory. These 3 criteria of vulnerability constitute a geographic base to evaluate the vulnerability of exposed areas on ice breakup flood risk in Yakutsk.

2.2. Modelling of the potential flood areas

The calculus and the modelling of the potential flood areas are processed with two Global Digital Elevation Model (GDEM) ASTER v2 (USGS/METI) assembled in GIS with a maximal horizontal resolution up to 30x30 meters for covering Yakutsk. A grid with 100x100 meters spatial resolution was built in GIS to “smooth” the DEM information, to reduce effects of grain caused by ASTER GDEM and to have a standardised model. From each square of the grid, we extracted the average altitudes of pixels from ASTER GDEM to model the potential flood areas. The maximum potential extension of the Lena River debacle flooding was calculi according of the flood of the century in 2001. The water river rises of 10 meters because of a huge ice jam downstream of the city (Cabanne and Tchistiakova, 2005); (Costard and Gauthier, 2008); (Dmitry et al., 2005). Lena River altitude is of 85 meter and was extracted grid pixels of 95 meters altitude maximum for the delimitation of floods expansion areas.

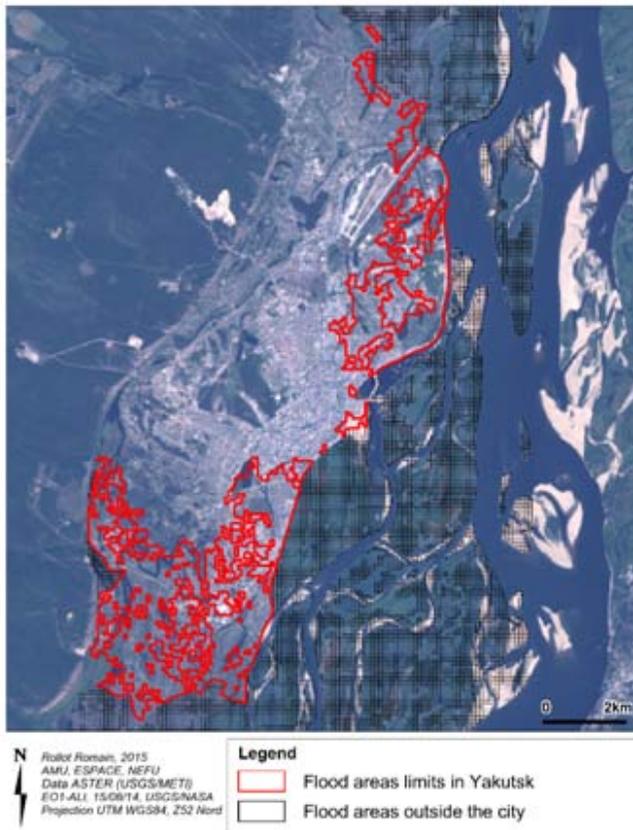

Figure 1: Map of the potential flood areas in Yakutsk using ASTER GDEM v.2. Modelled in a grid with 100x100 meters spatial resolution

2.3. Categorisation of the vulnerable urban areas

EO-1 ALI satellite images of the 15th of August 2014 acquired between 1h14 a.m. and 1h19 a.m. was used for the categorisation of the different urban districts. August is considered as the best period to analyse and map the urban structures of Yakutsk: absence of snow coverage during the winter time, and flooding in May. The image processing methodology developed is based on the use of “high-pass” convolution filter as Laplacien enhancement in a 3*3 window on the panchromatic band (Gadal, 2003/ Gadal, 2005), and next on supervised classification (Distance minimum) which allows a mapping categorisation of urban areas based on “training” regions of interest. The results of the convolution filtering and supervised classification are merged by ensemblist image processing (Gadal, 2003) (Gadal, 2005), (Gadal, 2011).

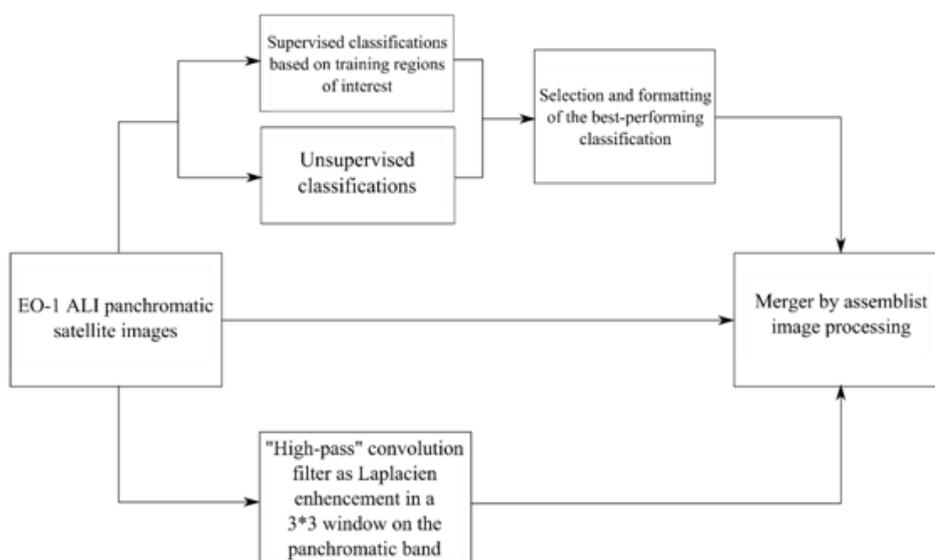

Figure 2: Image processing pattern

2.4. Evaluation of the vulnerability by multi-criteria analysis

Multifactor dimension of vulnerability requires an evaluation taking various criteria that “*multi-criteria analysis allows to weight and aggregate into a synthetic indicator*” (Grivault and Barczak, 2007). Because of the absence of socio-economic data for the districts or any other at the intra-urban scale, the multi-criteria analysis is based into three dimensions of vulnerability: the environmental vulnerability, the built-up vulnerability and vulnerability of the territory. This approach is founded on the research initiated by the National Program of Coastal Environment in France: “the vulnerability of coastal territories: assessment, challenges and public policy” (Meur-Férec et al. 2003), including the “*Analyse et évaluation*

de la vulnérabilité aux inondations du bassin de l'orge aval [Analysis and evaluation of the flooding vulnerability of the Orge-Aval basin] (Lefort, 2004; Berroca, Potter, Lefort, 2005). A specific grid was developed for the ice breakup flood in Yakutsk.

The developed tool process vulnerability in all three dimensions described earlier: environmental vulnerability, building vulnerability and the vulnerability of the territory. Through the grid, analysis is done in four steps: (1) the selection of the criteria of vulnerability; (2) the assessment of the vulnerability criteria; (3) the calculation of synthetic indices; (4) the construction of an overall indicator of vulnerability.

Vulnerabilities	Vulnerability criteria	Evaluation of vulnerability criteria	Synthetic index of vulnerability	Global indicator of vulnerability
Environmental vulnerability	Altitude	1 (low vulnerability), 2 (medium) or 3 (Important vulnerability)	weighted mean of vulnerability criteria	The weighted mean of the synthetic index of vulnerability
	Wetlands and lakes	1, 2 or 3		
	Permafrost	1, 2 or 3		
	Vegetation	1, 2 or 3		
Vulnerability of the built-up area	Building type	1, 2 or 3	Arithmetic mean of vulnerability criteria	
	Building material	1, 2 or 3		
	Building quality	1, 2 or 3		
Territorial vulnerability	Accessibility	1, 2 or 3	Arithmetic mean of vulnerability criteria	
	Basic infrastructures	1, 2 or 3		
	Density of the built fabric	1, 2 or 3		
	Function of territory	1, 2 or 3		

Figure 3: Vulnerability assessment grid

3. Typology of vulnerable urban areas

3.1. Urban clusters

Eight categories were chosen to represent the diversity of urban landscapes potentially exposed to ice breakup flood. These eight categories of urban spaces figured on the map have similar characteristics in terms of building morphology, location in space and urban environment.

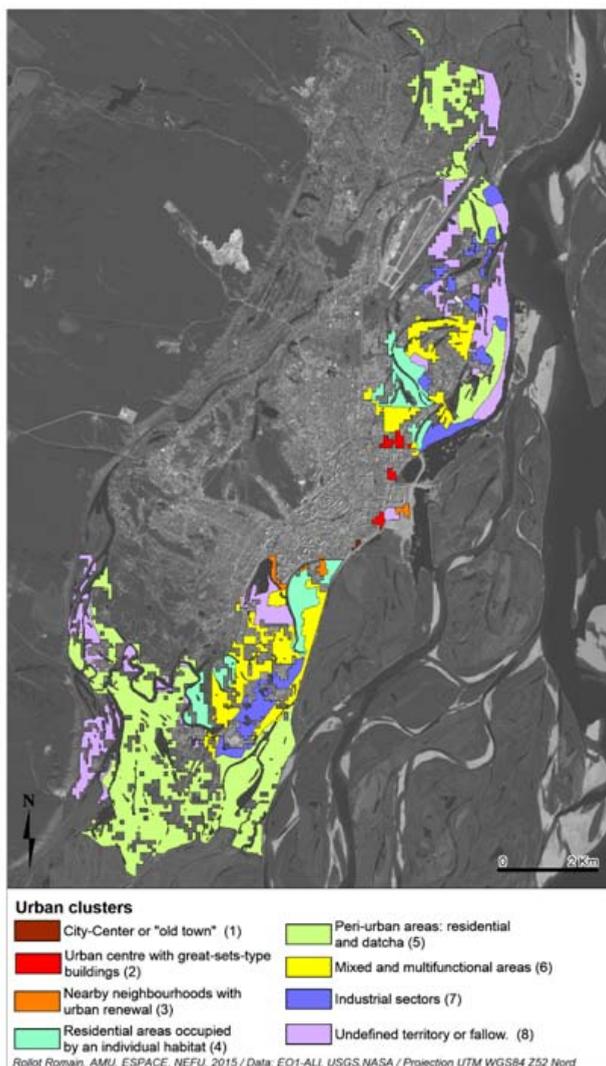

Figure 4: Clustering of urban areas potentially exposed to the flood risk

3.2. Assessment of the Vulnerabilities

The environmental vulnerability dimension is evaluated by one hectare cell using the 100m² spatial resolution grid covering the whole of potentially flood areas. «Built-ups vulnerability» and «the vulnerability of the territory» dimensions are estimated with the urban typology of the flood areas in Yakutsk. The synthetic index are calculated accordingly to these areas and reported in the grid. Following the same calculus, the global indicator of vulnerability is *itself* applied to the grid.

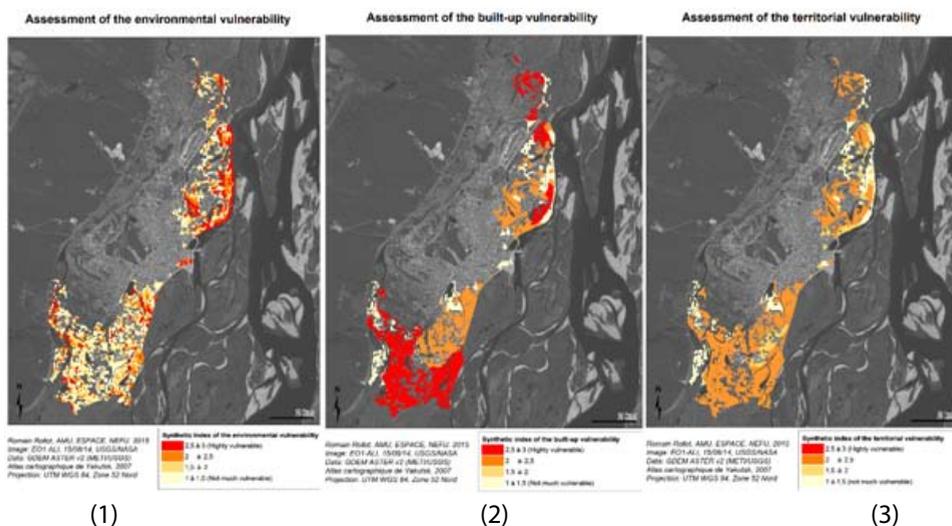

Figure 5: Assessment of the vulnerabilities

(1) Synthetic index of the environmental dimension of vulnerability: the North East part of the Yakutsk is more vulnerable than the southern part. There are also significant disparities of one case to another with variations on a very local scale.

(2) Synthetic index of the built-up vulnerability: growth gradient of vulnerability from the center of Yakutsk to the suburban areas.

(3) Synthetic index of territorial vulnerability: Any districts is categorised as very vulnerable. The whole built territory has a territorial vulnerability rated as medium and homogeneous because despites differences that exist between the urban categories, most of these areas are located in the suburbs areas of the territory.

3.3. Vulnerability assessment

Indicator of the global vulnerability is the weighted mean of the synthetic index of vulnerability permits the modelling of the overall vulnerability of flood areas in Yakutsk at risk of spring breakup flood. The average overall vulnerability of all floodplains (4205 squares in the grid) of Yakutsk is 1.98 on an index calibrated between 1 (not vulnerable) and 3 (very vulnerable). The standard deviation is 0.39 which highlights a degree of uniformity of the dispersion of the values. The highest overall vulnerability is 2.75 and the lowest is 1.05. It also notes that 12.1% of the values are greater than 2.5 that is to say an important vulnerability. Unlike, 10.8% of the values are less than 1.5, that being is a low vulnerability.

The calculation of the correlation coefficient between these three variables allows: First, there is only a very weak negative correlation between environmental vulnerability and the two other dimensions of vulnerability. The second thing that reveals the correlation matrix is that there is a very strong positive correlation (> 0.9) between the vulnerability of buildings and territorial vulnerability. This figure means that there is a tendency to find a strong built-up area vulnerability where the territorial vulnerability is strong too.

Data indicate that the standard deviation is well below half the average, could then be precisely that the values are just a little scattered. In practice, this means that there are no strong variations between average global vulnerabilities of different areas.

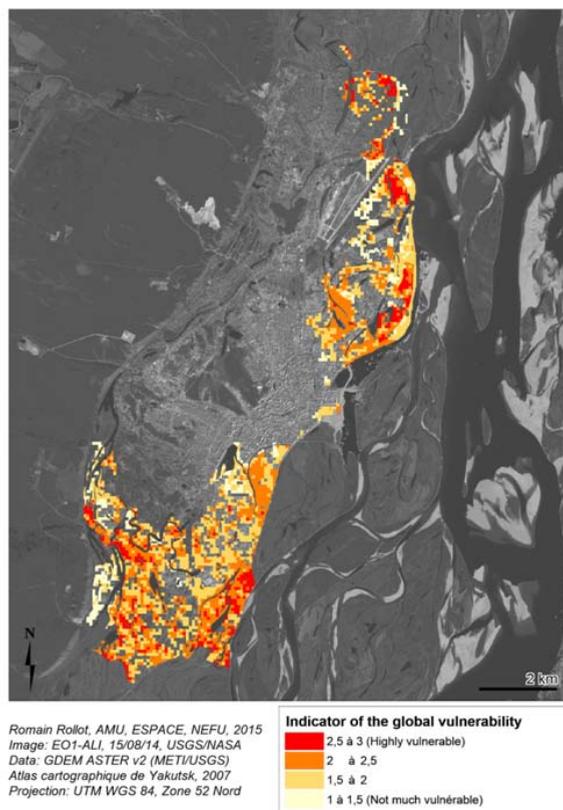

Figure 6: Assessment of the Yakutsk global vulnerability to the flood risk

4. Conclusion

All Yakutsk flood areas are not equal. Analyses and spatial models present, a multitude of situations. The vulnerability is not limited to exposure to a hazard but can be environmental, built-ups and territorial. Some other dimensions could be taken implemented with the access of socio-economic and demographic databases. Other data with news vulnerability criteria (including socioeconomic), more accurate, with better estimated weights can improve the precision and the accuracy of the approach and the results. Overall, the average vulnerability of Yakutsk flood potential areas is estimated as medium. But at local level, there are significant differences, with little vulnerable areas and other highly vulnerable districts.

Indeed, areas with a same overall of vulnerability can be explained by the vulnerability criteria selected and implemented in the model. New criteria could provide the accuracy

and the spatial resolution to a better understanding and mapping of the vulnerability of areas exposed at spring breakup flood. Thus, the purpose was to study the patterns of vulnerability, to understand the risk and not the consequences. This approach of the urban vulnerability analysis constitutes a part of the risk management. Modelling and conclusions can be used for the land management and urban planning.

References

1. Beltaos, S. Onset of river ice breakup / S.Beltaos // *Cold Regions Science and Technology*. – 1997. – N°25. – P. 183-196.
2. Berroca, B., Pottier, N., Lefort, E. Analyse et évaluation de la vulnérabilité aux inondations du bassin de l'orge aval / B.Berroca, N.Pottier, E.Lefort // *Septièmes Rencontres de Théo Quant*. – janvier 2005
3. Cabanne, C., Tchistiakova, E. La Russie : perspectives économiques et sociales. – Paris, 2005. – 304 p.
4. Costard, F., Gautier, S. The Lena River: Hydromorphodynamic features in a deep pergélisol zone / F.Costard, S.Gautier // in Gupta, A. *Large Rivers: Geomorphology and Management*. – 2008.
5. Dmitry, A.B, Yuliya, V.A, Vera, F.K. Floods in Siberian river basins / A.B. Dmitry, V.A. Yuliya, F.K. Vera // in VASILIEV O.F. and al. *Extreme Hydrological Events: New Concepts for Security* – 2005 – P. 111–124.
6. Gadal, S. Méthodes de reconnaissance symbolique intermédiaire pour l'identification et la représentation des formes de bâtis/ S.Gadal // *Colloque « Pixels et cités »* – ENSG, Marne-la-Vallée, 26-28 novembre 2003.
7. Gadal, S. Urban Multilevel Geographical Information Satellite Generation / S.Gadal // in Campagna, M. *GIS for sustainable development*, – 2005 – P. 313-327.
8. Gadal, S. Métropolisations, territoires émergents et systèmes géographiques d'informations et de modélisation territoriale: Habilitation memory. vol. 1. University of Paris Diderot Paris 7. 2011.
9. Gautier, E., Costard, F. Les systèmes fluviaux à chenaux anastomosés en milieu périglaciaire : la Léna et ses principaux affluents (Sibérie centrale) / E.Gautier, F.Costard // *Géographie physique et Quaternaire*. – 2000 – vol. 54, n° 3. – P. 327-334.
10. Grivault, C., Barczak, A. Evaluation multicritère de la vulnérabilité des territoires aux risques de transport routier de matières dangereuses : Une application à l'agglomération dijonnaise / C.Grivault, A.Barczak // *SAGEO'2007*.
11. Lefort, E. Évaluation des vulnérabilités aux inondations dans le cadre de la gestion opérationnelle des risques et du développement local (application au bassin versant de l'Orge aval) : DEA thesis. Sciences and environment technics, ENPC-ENGREF-PVM. 2004.
12. Meur-Ferec, C. (Dir.), Beaurain, C., Deboudt, P., Deldreve, V., Flanquart, H., Hellequin, P., Herbert, V., Longuepee, J., Morel, V. La vulnérabilité des territoires côtiers : évaluation, enjeux et politiques publiques, Programme National « Environnement Côtier ». – Contrat IFREMER, 2002 – rapport final.

Didier Ramousse¹

LES DÉFIS DE LA PATRIMONIALISATION DES «PAYSAGES CULTURELS» FACE À LA PRÉDOMINANCE DES ACTIVITÉS EXTRACTIVES*

** Cette communication a été présentée au colloque «Paysage dans la mémoire narrative. Réalité. Image. Modélisation» organisé avec le soutien financier de la Fondation russe pour les sciences humaines (RGNF) et la Fondation Maison des Sciences de l'homme (FMSH) (projet N°15-22-08501).*

Il s'agit d'activités extractives considérées comme une menace pour les éléments du patrimoine naturel et culturel qui participent à la construction des paysages culturels.

L'implication des populations locales dans le processus de patrimonialisation et de valorisation du potentiel touristique des territoires est censée importante pour le développement durable.

Les paysages de désolation, saccagés par l'extraction et abandonnés par leur population, comme certaines zones pétrolières de la Côte Orientale du Lac de Maracaïbo, ne sont plus porteurs d'aucune valeur humaine ou culturelle.

Mots-clés: patrimoine culturel, valeur touristique, patrimonialisation, activités extractives, développement durable.

Cet article se réfère plus spécialement à un projet de recherche sur les aléas du processus de patrimonialisation et les obstacles à la mise en tourisme dans un pays pétrolier, le Venezuela, où prédominent les activités extractives (projet ECOS Venezuela 2010-2013 «Pétrole, tissu productif et tourisme dans le bassin de l'Orénoque. Quelles options pour un développement durable des territoires?»). L'exemple du Venezuela sera remplacé ici dans un cadre plus général, afin de pouvoir établir des correspondances avec d'autres lieux autour de la notion de paysage culturel et de sa confrontation avec les implications d'une économie fondée sur l'exploitation des ressources du sous-sol.

Il s'agit donc de vérifier dans quelle mesure les activités extractives peuvent être considérées comme une menace pour les éléments du patrimoine naturel et culturel qui participent à la construction des paysages culturels selon l'approche de l'UNESCO.

¹ Didier Ramousse, Professeur, Centre d'études sur la mondialisation, les conflits, les territoires et les vulnérabilités (CEMOTEV), UVSQ.E-mail: didier.ramousse@uvsq.fr

Après avoir évoqué les caractéristiques des économies rentières liées à l'exploitation des hydrocarbures et analysé la place toute relative qui y est accordée à la protection du patrimoine, l'attention sera focalisée sur le bassin de l'Orénoque et le cas de Ciudad Bolivar. Cette ville historique, implantée sur un site remarquable au bord de l'Orénoque, possède un riche patrimoine qui a justifié en 2002 le dépôt d'une candidature en vue de son inscription sur la Liste du Patrimoine Mondial de l'UNESCO comme «paysage culturel», avec l'ambition de concrétiser sa vocation de ville touristique. Or, Ciudad Bolivar s'inscrit dans le périmètre du Projet Socialiste Orinoco (PSO) et est donc à ce titre concernée par les retombées de l'exploitation de la Ceinture Pétrolière de l'Orénoque (CPO). Dans un pays rentier où l'exploitation pétrolière génère en moyenne des revenus cent fois plus importants que ceux du tourisme, la surévaluation de la monnaie, la désarticulation du tissu productif, les conflits d'usage liées aux activités extractives, l'insécurité résultant de tant de richesses si mal réparties, l'absence d'une culture de service aux personnes, ne constituent pas un contexte propice pour un tourisme soutenable. Comment relever le défi de la patrimonialisation et de la mise en tourisme dans ce contexte?

Les paysages culturels confrontés aux activités extractives

La notion de «paysage culturel» a été introduite en 1992 par l'UNESCO comme une nouvelle catégorie de la Liste du Patrimoine Mondial. Selon cette institution internationale les «paysages culturels sont le produit des œuvres conjuguées de l'homme et de la nature, dont l'interaction explique l'évolution des établissements humains au cours des âges et la façon dont ils ont modelé leur environnement». Au début de l'année 2015, 88 sites étaient classés dans cette catégorie sur la base de sept critères (quatre critères culturels et trois critères naturels). Ces sites reflètent la grande diversité de paysages représentatifs des différentes cultures dans le monde: le Val de Loire en France (ses châteaux et ses vignobles...), les systèmes de rizières en terrasses irriguées de Bali en Indonésie (avec les croyances qui y sont associées...), la ville de Rio de Janeiro, entre mer et montagne (avec le Christ Rédempteur et ses favelas...), etc. On trouve même sur la Liste du Patrimoine Mondial plusieurs anciens sites miniers recensés comme paysages culturels par l'UNESCO: deux au Royaume-Uni, un au Japon, ainsi que le bassin houiller du Nord-Pas-de-Calais (France) dont l'inscription remonte seulement à 2012.

Le paradoxe est que les activités extractives sont plutôt considérées comme une menace pour les éléments constitutifs du patrimoine antérieur dont ils ont tendance à effacer les traces dans les paysages, même si les croyances et les valeurs du passé sont plus difficiles à éradiquer des mentalités. Ainsi, les Etats pétroliers rentiers sont plutôt sous-représentés sur la Liste du Patrimoine Mondial: l'Arabie Saoudite et les petits Etats du Golfe Persique y sont seulement apparus au cours des dix dernières années avec un nombre très limité de sites classés. Le Venezuela, après un siècle d'histoire pétrolière, compte seulement trois sites reconnus par l'UNESCO et se positionne parmi les pays les plus mal lotis en Amérique latine. Mais il y a des contre-exemples comme l'Iran, où

l'exploitation pétrolière n'a pas corrompu l'héritage d'une très vieille civilisation forte de ses dix-sept sites culturels inscrits sur la Liste du Patrimoine Mondial.

En général, l'irruption d'activités pétrolières ou minières bouleverse les paysages et les modes de vie, d'autant plus fortement que les sociétés locales ne sont pas préparées à absorber ce choc. Cela a été le cas du Venezuela, au début du XXe siècle, dans un pays affaibli par les guerres civiles, en proie à la misère, à l'analphabétisme et aux maladies, lorsque l'exploitation pétrolière se développe sur la Côte Orientale du Lac de Maracaïbo (COLM). Sous l'impulsion des compagnies étrangères, la société traditionnelle et les villages sur pilotis des bords du lac ont été absorbés dans un maelström qui a radicalement transformé la configuration des lieux (Mene, Ramon Diaz Sanchez). Les métamorphoses paysagères subies par les zones pétrolières de la COLM, tant sur le plan environnemental que de l'occupation de l'espace, avec l'incorporation des anciens campements pétroliers érigés par les compagnies étrangères dans une urbanisation anarchique, ont fait table rase des anciens établissements humains le long du lac. Cela s'est accompagné de changements profonds dans les modes de vie et les structures mentales de la population en faisant tâche d'huile. Faut-il y voir la disparition d'un patrimoine à jamais perdu, à l'image de celui de l'écosystème lacustre dont l'altération après un siècle d'exploitation pétrolière semble irréversible? Mais, dans ce cas, on peut aussi s'interroger sur la soutenabilité des nouvelles formes d'occupation de l'espace induites par l'exploitation pétrolière, alors que dans plusieurs villes pétrolières de la COLM des quartiers fortement contaminés sont sous la menace d'une submersion par les eaux du lac, due à la subsidence côtière aggravée au fil du temps par l'extraction de millions de barils sur la terre ferme.

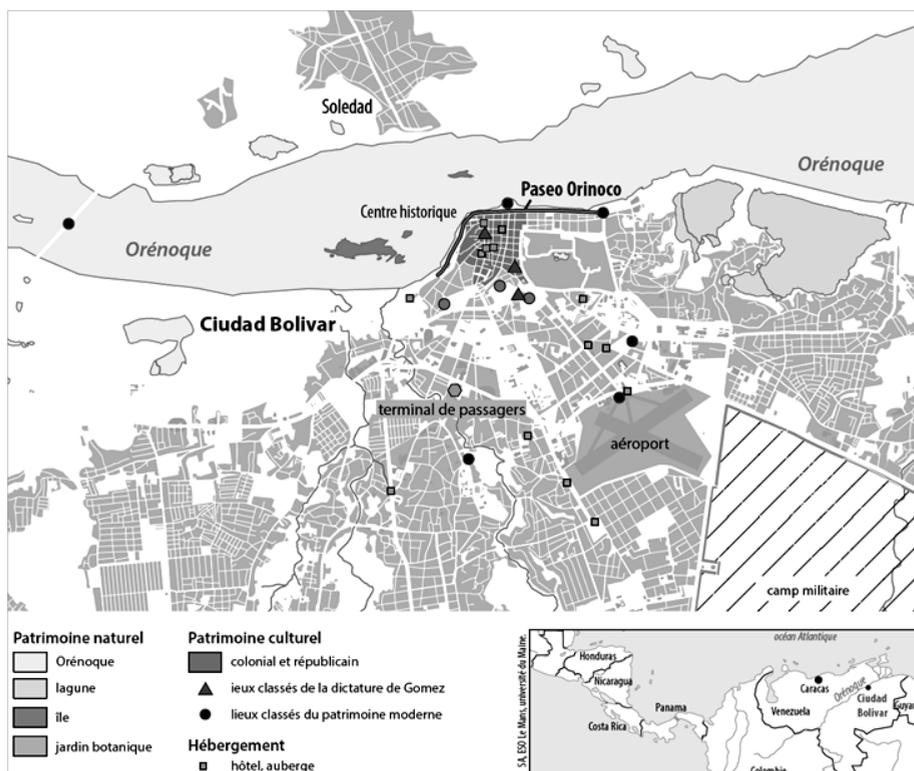
Selon le sociologue Rodolfo Quintero, la «culture» associée au pétrole s'est diffusée au Venezuela comme une culture de conquête, porteuse d'une modernité radicale dans un pays aux structures archaïques, et aurait contribué à effacer en partie la conscience que la société vénézuélienne a de son passé. Il semblerait que cette culture importée n'ait pu remplir les fonctions attribuées par Benedetto Croce aux cultures historiques qui *«ont pour finalité de maintenir vivante la conscience que les sociétés humaines ont de leur propre passé, c'est-à-dire d'elles-mêmes; de leur fournir ce dont elles ont besoin pour suivre le chemin qu'elles ont choisi, en mettant à profit ce qui peut leur servir dans le futur»* (Croce, 1979). Cette intuition transparait d'ailleurs dans le roman de Ramón Díaz Sánchez, *Mene* (1936), qui propose la vision d'un ordre économique et social révolu pour lequel le pétrole apparaît comme une mutilation et une malédiction. Le choc culturel lié à l'irruption du pétrole dans la façon de parler et la forme de penser d'une majorité de Vénézuéliens aurait donc contribué à affaiblir leur conscience patrimoniale.

Le cas de Ciudad Bolivar sur le «détroit» de l'Orénoque.

L'histoire pourrait d'ailleurs se répéter aujourd'hui à l'autre extrémité du Venezuela, où la candidature de Ciudad Bolivar à l'inscription sur la Liste du Patrimoine Mondial de l'UNESCO comme «paysage culturel» est paralysée depuis treize ans, alors que la mise en

production des immenses réserves d'huile lourde de la Ceinture Pétrolifère de l'Orénoque (CPO), sur l'autre rive du fleuve, prenait son essor. Faut-il voir dans l'initiative du gouverneur de l'Etat de Bolivar Antonio Rojas Suarez de proposer cette candidature en 2002, comme c'est souvent le cas face à la perspective de bouleversements conséquents, une tentative pour préserver le riche patrimoine de cette ville historique des impacts directs et indirects de l'exploitation pétrolière ?

Le patrimoine urbain de Ciudad Bolivar (candidature à l'UNESCO)

Ramousse et Salin, 2015

Jusqu'au milieu du XXe siècle Ciudad Bolívar avait échappé aux transformations induites par l'économie pétrolière du Venezuela et conservait la mémoire d'un passé révolu où plongent les racines d'une société vénézuélienne ayant perdu ses repères.

Composantes du paysage culturel de Ciudad Bolivar

L'implantation définitive de Santo Tomé de la Nueva Guayana en 1764 (devenue Ciudad Bolivar en 1846, en hommage au Libérateur Simon Bolivar) sur un site remarquable dominant l'Orénoque, à l'endroit où le fleuve est le plus étroit, a contribué à façonner

l'identité locale et influence «l'esprit du lieu»¹. Celui-ci résulte d'un incessant va-et-vient entre les processus naturels et leur explication mythologique ou symbolique – comme en témoigne la légende transmise par les indigènes selon laquelle les crues de l'Orénoque sont dues à un serpent à sept têtes (le «monstre du fleuve») qui aspire d'énormes quantités d'eau pour ensuite les rejeter. D'autres espèces animales, bien réelles, constituent un patrimoine menacé (dauphin d'eau douce) ou en voie de disparition (crocodile de l'Orénoque, lamantin). Le jardin botanique, où sont conservées de nombreuses variétés d'arbres, plantes et arbustes de la flore guyanaise, de même que les lagunes del Medio et de los Francos, font aussi partie du patrimoine urbain dans la mesure où ces lieux ont été intégrés dans les pratiques de la population (promenade, pêche), malgré un mauvais entretien et l'insécurité qui prévaut dans leurs parages.

Avant l'arrivée des Espagnols les rives de l'Orénoque étaient occupées par divers groupes indigènes, comme en attestent de nombreux pétroglyphes et gisements archéologiques. Puis, à l'époque coloniale, Santo Tomás a été un poste de défense avancé sur le fleuve défendu par des ouvrages de fortification militaire, dont il subsiste des vestiges remaniés ultérieurement (fortin El Zamuro). Les premières constructions civiles s'organisent autour de la cathédrale, où l'on retrouve des édifices tels que la maison du Congrès d'Angostura où fut proclamée en 1819 la Constitution de la Grande Colombie, le Palais du Gouverneur, la maison du *Courrier de l'Orénoque* (créé par Simon Bolivar pour diffuser les idées émancipatrices). D'autres bâtiments publics, des maisons de commerce et des demeures patriciennes, construites durant la période républicaine, complètent la configuration du centre historique où se combinent plusieurs styles architecturaux: le style espagnol à terrasse et patio prévaut dans la partie haute de la ville, tandis que les constructions de la partie basse sont de style antillais à l'image des anciennes maisons de commerce à colonnes et galeries implantées sur le Paseo Orinoco, dont la présence rappelle l'activité du port fluvial lorsque les bateaux à vapeur et les goélettes venaient charger leurs cargaisons de caoutchouc, quina, noix de sarrapia, or ou diamants.

Selon le chroniqueur officiel de la ville, Américo Fernandez (Fernandez, 2013), Ciudad Bolivar a conservé toutes les traces de ce passé jusqu'au milieu du XXe siècle, avant que ne s'ouvre une période de déclin qui coïncide avec l'apparition de Ciudad Guayana, la ville du fer et de l'acier, située à une centaine de kilomètres en aval où les eaux du Caroni rejoignent celles de l'Orénoque. Plusieurs maisons du centre historique, délaissées par leurs propriétaires et habitants, ont alors été remodelées ou ont cédé la place à des constructions modernes. Mais le patrimoine culturel de Ciudad Bolivar s'est encore enrichi au XXe siècle avec l'apport d'artistes contemporains, parmi lesquels émergent quelques figures de proue comme Jesús Soto, un maître de l'art cinétique qui a légué à sa ville de naissance plusieurs œuvres rassemblées dans un Musée d'Art Moderne, dont

¹ La notion « d'esprit des lieux » est une notion reconnue par l'UNESCO et l'ICOMOS qui en fait la valeur fondatrice des hauts lieux du patrimoine en référence aux génies, à la fois gardiens et expressions des lieux de l'Antiquité. L'esprit du lieu est défini comme étant « constitué d'éléments matériels (sites, paysages, bâtiments, objets) et immatériels (mémoires, récits oraux, documents écrits, rituels, festivals, métiers, savoir-faire, valeurs, odeurs), qui servent tous de manière significative à marquer un lieu et à lui donner un esprit » (ICOMOS, 2008).

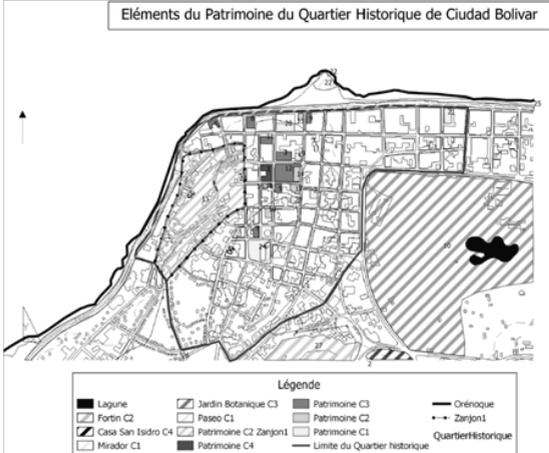
la conception est due à Carlos Raúl Villanueva, pionnier et représentant de l'architecture moderne au Venezuela. Aujourd'hui encore des peintres, des sculpteurs et autres artistes plasticiens continuent à laisser leur trace dans la ville comme témoignage pour les générations futures.

En tant que construction intellectuelle correspondant à un système de représentations qui changent selon les époques et les groupes sociaux, le patrimoine urbain peut résulter de deux processus d'identification qui tendent parfois à coïncider: par désignation, comme c'était le cas par le passé pour les biens figurant sur la liste du patrimoine mondial et, de plus en plus, par appropriation collective (Vernières, 2012). A Ciudad Bolívar aucune des deux formes d'identification ne s'est concrétisée jusqu'à présent. La ville conserve en son sein un noyau social organisé autour des élites traditionnelles et des nostalgiques d'un passé plus reluisant, attachés à leur histoire et à leur patrimoine mais, avec le temps, la plupart d'entre eux ont disparu ou ont abandonné le centre historique. Plusieurs indices, comme la dégradation de maisons devenues inhabitables ou l'usage administratif de certains édifices, conduisent à penser que cette zone patrimoniale continue à perdre des habitants, tandis que de nouveaux occupants d'origine arabe ont transformé en bazars les anciennes maisons de commerce du Paseo Orinoco. L'enracinement relatif de populations plus modestes correspond aussi à une réalité dans certains quartiers surplombant le fleuve dont les premiers habitants ont participé à la construction du centre historique. La ville possède plusieurs fondations ou cercles culturels (musique, danse, théâtre, arts plastiques, poésie) qui témoignent de l'existence d'une culture populaire foisonnante, la mobilisation citoyenne pour la sauvegarde du patrimoine urbain n'a guère été active malgré la création récente de réseaux de collectifs pour la défense de l'architecture urbaine patrimoniale (CODAUP) à l'initiative du pouvoir politique.

Evaluation du patrimoine urbain et de sa valeur touristique		Fiche de hiérarchisation n°XXX (méthodologie OEA-CICATUR)													
		Nom de la ressource patrimoniale													
		Catégorie: patrimoine architectural, archéologique, espace public													
<table border="1"> <thead> <tr> <th>Hiérarchisation de la valeur touristique</th> <th>Caractérisation de la ressource touristique</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>IV</td> <td>Ressource exceptionnelle, capable d'attirer à elle seule un flux important de visiteurs internationaux</td> </tr> <tr> <td>III</td> <td>Ressource remarquable, capable d'attirer un flux de visiteurs nationaux en moindre proportion que le niveau IV</td> </tr> <tr> <td>II</td> <td>Ressource aux caractéristiques particulières, susceptible d'intéresser les visiteurs venus dans la zone pour d'autres motivations touristiques</td> </tr> <tr> <td>I</td> <td>Éléments architecturaux de caractère banal participant à la cohérence de l'ensemble du patrimoine urbain</td> </tr> </tbody> </table>		Hiérarchisation de la valeur touristique	Caractérisation de la ressource touristique	IV	Ressource exceptionnelle, capable d'attirer à elle seule un flux important de visiteurs internationaux	III	Ressource remarquable, capable d'attirer un flux de visiteurs nationaux en moindre proportion que le niveau IV	II	Ressource aux caractéristiques particulières, susceptible d'intéresser les visiteurs venus dans la zone pour d'autres motivations touristiques	I	Éléments architecturaux de caractère banal participant à la cohérence de l'ensemble du patrimoine urbain	Type et sous-type: architecture militaire, religieuse, résidentielle, institutionnelle, etc.			
		Hiérarchisation de la valeur touristique	Caractérisation de la ressource touristique												
		IV	Ressource exceptionnelle, capable d'attirer à elle seule un flux important de visiteurs internationaux												
		III	Ressource remarquable, capable d'attirer un flux de visiteurs nationaux en moindre proportion que le niveau IV												
		II	Ressource aux caractéristiques particulières, susceptible d'intéresser les visiteurs venus dans la zone pour d'autres motivations touristiques												
		I	Éléments architecturaux de caractère banal participant à la cohérence de l'ensemble du patrimoine urbain												
		Code	Critère d'évaluation	Valeur	Total										
A	Caractère + ou - unique														
B	Représentativité														
C	Etat de conservation														
D	Degré de reconnaissance														
E	Type d'usage														
F	Incorpore à l'offre touristique														
	Synthèse (évaluation globale)														

Au-delà de la valeur symbolique du patrimoine urbain, celui-ci a aussi une valeur d'usage en fonction des services pouvant être comptabilisés en termes monétaires. Cette dimension économique regroupe des actifs physiques constitués par les immeubles, les infrastructures, les équipements collectifs et les fonds de commerce, ainsi que des flux de services rémunérés liés aux activités engendrées par les structures productives du centre historique – y compris les actifs culturels qui peuvent être à l'origine de revenus particuliers (Throsby, 2012).

Voici un exemple d'évaluation touristique du patrimoine urbain selon la méthodologie proposée par le Centre Interaméricain de Formation Touristique de l'Organisation des Etats Américains (OEA-CICATUR), qui propose une classification de ses différentes composantes en fonction de plusieurs critères. Cette méthodologie a été appliquée au centre historique de Ciudad Bolivar dans le cadre d'une étude sur sa valorisation touristique (Theillac, 2013).

Eléments du Patrimoine du Quartier Historique de Ciudad Bolivar																																																														
Légende ■ Laguna ▨ Fortin C2 ▨ Casa San Isidro C4 ▨ Mirador C1 ▨ Jardin Botanique C3 ▨ Paseo C1 ▨ Patrimoine C2 Zanjon1 ▨ Patrimoine C4 ▨ Patrimoine C3 ▨ Patrimoine C2 ▨ Patrimoine C1 ▨ Orénoque ▨ Zanjon1 ▨ QuartierHistorique ▨ Limite du Quartier historique	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Catégorie</th> <th>Número (carte)</th> <th>Element du Patrimoine</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td rowspan="4">4</td> <td>1</td> <td>Casa Congreso de Angostura</td> </tr> <tr> <td>2</td> <td>Casa San Isidro</td> </tr> <tr> <td>3</td> <td>Casa Prisión del Piar</td> </tr> <tr> <td>4</td> <td>Casa Doce Ventanas</td> </tr> <tr> <td rowspan="12">3</td> <td>5</td> <td>Casa de los Gobernadores</td> </tr> <tr> <td>6</td> <td>Palacio del Gobierno</td> </tr> <tr> <td>7</td> <td>Centro de las Artes</td> </tr> <tr> <td>8</td> <td>Casa del Coreo del Orinoco</td> </tr> <tr> <td>9</td> <td>Antigua Cárcel</td> </tr> <tr> <td>10</td> <td>Jardin Botánico</td> </tr> <tr> <td>11</td> <td>Casa de la Cruz Roja</td> </tr> <tr> <td>12</td> <td>Plaza Bolivar</td> </tr> <tr> <td rowspan="8">2</td> <td>13</td> <td>Casa Kouri</td> </tr> <tr> <td>14</td> <td>Catedral Metropolitana</td> </tr> <tr> <td>15</td> <td>Barrio el Zanjon</td> </tr> <tr> <td>16</td> <td>Casa Antonio Lauro</td> </tr> <tr> <td>17</td> <td>Casa Parroquial</td> </tr> <tr> <td>18</td> <td>Casa Sifontes</td> </tr> <tr> <td>27</td> <td>Fortin el Zamuro</td> </tr> <tr> <td rowspan="10">1</td> <td>19</td> <td>Casa de la Cultura Carlos Raúl Villanueva</td> </tr> <tr> <td>20</td> <td>Casa Granatti</td> </tr> <tr> <td>21</td> <td>Casa Paschen</td> </tr> <tr> <td>22</td> <td>Casa Residencia Tomas Heres</td> </tr> <tr> <td>23</td> <td>Mirador Angostura</td> </tr> <tr> <td>24</td> <td>Plaza Miranda</td> </tr> <tr> <td>25</td> <td>Paseo Orinoco</td> </tr> <tr> <td>26</td> <td>Cementerio Centurión</td> </tr> </tbody> </table>	Catégorie	Número (carte)	Element du Patrimoine	4	1	Casa Congreso de Angostura	2	Casa San Isidro	3	Casa Prisión del Piar	4	Casa Doce Ventanas	3	5	Casa de los Gobernadores	6	Palacio del Gobierno	7	Centro de las Artes	8	Casa del Coreo del Orinoco	9	Antigua Cárcel	10	Jardin Botánico	11	Casa de la Cruz Roja	12	Plaza Bolivar	2	13	Casa Kouri	14	Catedral Metropolitana	15	Barrio el Zanjon	16	Casa Antonio Lauro	17	Casa Parroquial	18	Casa Sifontes	27	Fortin el Zamuro	1	19	Casa de la Cultura Carlos Raúl Villanueva	20	Casa Granatti	21	Casa Paschen	22	Casa Residencia Tomas Heres	23	Mirador Angostura	24	Plaza Miranda	25	Paseo Orinoco	26	Cementerio Centurión
	Catégorie	Número (carte)	Element du Patrimoine																																																											
	4	1	Casa Congreso de Angostura																																																											
		2	Casa San Isidro																																																											
		3	Casa Prisión del Piar																																																											
		4	Casa Doce Ventanas																																																											
	3	5	Casa de los Gobernadores																																																											
		6	Palacio del Gobierno																																																											
		7	Centro de las Artes																																																											
		8	Casa del Coreo del Orinoco																																																											
		9	Antigua Cárcel																																																											
		10	Jardin Botánico																																																											
		11	Casa de la Cruz Roja																																																											
		12	Plaza Bolivar																																																											
		2	13	Casa Kouri																																																										
			14	Catedral Metropolitana																																																										
			15	Barrio el Zanjon																																																										
			16	Casa Antonio Lauro																																																										
	17		Casa Parroquial																																																											
	18		Casa Sifontes																																																											
	27		Fortin el Zamuro																																																											
	1		19	Casa de la Cultura Carlos Raúl Villanueva																																																										
		20	Casa Granatti																																																											
		21	Casa Paschen																																																											
		22	Casa Residencia Tomas Heres																																																											
		23	Mirador Angostura																																																											
24		Plaza Miranda																																																												
25		Paseo Orinoco																																																												
26		Cementerio Centurión																																																												

Au cours des dernières années, l'occupation d'édifices remarquables par des administrations publiques s'est souvent opérée aux dépens de leurs fonctions culturelles, par exemple quand le Centre des Arts et plusieurs bâtiments du quadrilatère historique ont été transformés en dépendances administratives. Le centre historique est ainsi devenu une zone morte après la fermeture des bureaux, désertée par les rares touristes à la nuit tombée. Les auberges du centre historique ne représentent guère plus de 1/10e de la capacité d'hébergement de Ciudad Bolivar évaluée à 1335 lits marchands, pour des séjours d'une durée moyenne de deux jours (Pirela, Le Gargasson, 2012). Comme la gratuité est la règle dans les musées et autres sites publics d'intérêt culturel, la valorisation économique du patrimoine demeure plus que modeste.

Obstacles au processus de patrimonialisation du paysage culturel de Ciudad Bolivar

Le centre historique de Ciudad Bolivar a été déclaré presque simultanément patrimoine régional (décret n°314 du 8/4/1976) et monument historique national (Gazette officielle n° 31017 du 7/7/1976). Mais une lente dégradation de celui-ci a conduit le gouvernement régional à signer une convention avec l'Institut de Coopération Ibéroaméricaine en vue de sa réhabilitation, à l'occasion de la célébration du cinquième centenaire de la découverte des Amériques. Le diagnostic effectué à cette époque a recensé dans le centre historique de Ciudad Bolivar 1208 immeubles, parmi lesquels 16 % d'édifices originels intacts, 33% présentant des altérations importantes et 51 % remplacés par des constructions récentes. Une revitalisation intégrale de cet ensemble urbain a été alors entreprise, en liaison avec la création d'un Office Technique du Centre Historique et l'adoption de réglementations en vue de sa protection par la municipalité de Heres. Cette politique a été financée par la coopération espagnole qui a injecté plus de deux millions d'euros dans l'opération jusqu'en 1995. Si le processus de revitalisation du centre historique de Ciudad Bolivar a été initié sur ces bases, il n'a pu être mené à son terme car des dissensions sont assez vite apparues entre les différents partenaires, à cause d'un manque de continuité dans la gestion administrative du programme de réhabilitation. Par ailleurs, la mise en sommeil de l'Office Technique du Centre Historique a ouvert la voie à des initiatives mettant à profit les friches urbaines et les démolitions de maisons pour construire des édifices en rupture avec l'architecture traditionnelle, à l'image du théâtre inachevé de sept étages adossé à l'ancien Centre des Arts situé sur la place Miranda. Cela a été rendu possible par les lacunes de la Loi de Protection et de Défense du Patrimoine Culturel (Gazette Officielle n° Ext 4623, 3/9/1993), dont la promulgation a coïncidé avec la création de l'Institut du Patrimoine Culturel (IPC) comme organe national de protection. Cette loi n'a pu garantir la conservation des édifices ayant une valeur architecturale ou historique, certains aspects particuliers devant faire l'objet de réglementations locales spécifiques (Vásquez & Pérez, 2002).

C'est dans ce contexte, sans véritable programme pour freiner le processus de détérioration du centre historique, que le gouverneur Antonio Rojas Suarez a voulu promouvoir en 2002 la candidature de Ciudad Bolivar sur la Liste du Patrimoine Mondial. Cette candidature a été retenue en 2003 par l'UNESCO sur la liste indicative comme «paysage culturel», sous l'appellation de «Ciudad Bolivar sur le détroit de l'Orénoque», mais elle est restée bloquée à ce niveau durant les douze dernières années. Les raisons données à cela par la Délégation du Venezuela à l'UNESCO sont à la fois diverses et relativement floues¹. L'inscription sur la liste indicative est un passage obligatoire qui filtre les demandes, l'issue n'étant jamais écrite à l'avance. Cette temporalité de l'attente et du mûrissement de la candidature, en phase avec le processus de patrimonialisation,

¹ Entretien avec S.E. Mme Luisa Rebeca Sanchez Bello, Ambassadeur, Représentant Permanent du Venezuela auprès de l'UNESCO (Paris, avril 2013).

joue normalement un rôle mobilisateur pour les différents acteurs qui n'a pas fonctionné dans le cas de Ciudad Bolivar. Si la déception des porteurs du projet a contribué à les démobiliser, cela ne peut s'expliquer sans l'absence de volonté politique qui s'est traduite par un désintérêt institutionnel. Il est aussi possible d'invoquer le manque de compétences techniques locales pour constituer un dossier plus solide et le manque de moyens financiers de l'IPC, en charge de la conservation et de la promotion du patrimoine sous la tutelle du Ministère de la Culture. Mais les conflits récurrents entre la Municipalité de Heres (Ciudad Bolivar) et la *Gobernación* de l'Edo Bolivar constituent un facteur déterminant pour comprendre l'absence d'initiatives concertées visant à réactiver cette candidature. On peut aussi penser que les priorités du pouvoir central étaient davantage focalisées sur le développement de l'exploitation des huiles lourdes de la CPO et le Projet Socialiste Orénoque, dont le Président Chávez souhaitait faire une vitrine du Socialisme du XXIe siècle.

Une implication des populations locales dans le processus de patrimonialisation est aussi exigée par l'UNESCO. Les ateliers SIRCHAL (Séminaires Internationaux pour la Revitalisation des Centres Historiques en Amérique Latine et dans la Caraïbe) organisés en 2003 à Ciudad Bolivar, dans le cadre du lancement de sa candidature à la liste du Patrimoine Mondial avaient insisté sur la nécessité d'un plan de gestion pour la «socialisation du paysage culturel» (Ateliers SIRCHAL, 2003). Une capacité d'écoute limitée des organismes gouvernementaux vis-à-vis des communautés locales a été identifiée à l'issue des ateliers, alors qu'une appropriation sociale du patrimoine est requise pour garantir sa conservation et sa valorisation, en même temps qu'elle constitue un préalable pour un développement socio-économique au service de la population concernée. Il est donc indispensable d'associer les communautés locales aux projets de développement social et urbain en tenant compte de leur opinion, dans la mesure où elles sont les plus à même de faire connaître leurs besoins. Or, Ciudad Bolivar est confronté à une situation de crise urbaine avec un déficit quantitatif et qualitatif de logements estimé à 21000 unités en 2006 (pour une population totale de 350000 habitants), des services publics déficients et une proportion d'emplois formels de 55% en 2010 pour un taux de chômage de 11,3% au sein de la population active (Municipio Heres, 2011)¹. La sauvegarde du patrimoine architectural ne représente qu'une petite partie de la problématique urbaine et seulement un des aspects de la problématique du centre historique. Sa revitalisation nécessite une amélioration des services de base à l'échelle de la ville (électrification, voirie et transport, assainissement et drainage) et la promotion d'activités conformes aux traditions locales, susceptibles de retenir la population établie depuis plusieurs générations en ces lieux et d'impulser une nouvelle dynamique socio-économique.

Si l'IPC s'efforce de mobiliser les citoyens en faveur de la défense du patrimoine urbain à travers les réseaux de la CODAUP, la politisation du processus risque de marginaliser plusieurs acteurs locaux au lieu de privilégier la recherche d'un consensus. En effet, la

¹ Le « Plan Municipal de Desarrollo » du Municipio Heres, 2011, est un outil de planification pour avoir accès au financement du Conseil Fédéral de Gouvernement.

Commission Permanente pour le Développement Harmonieux de Ciudad Bolivar et de ses environs (COPDACBI), mise en place par la Municipalité de Heres alors dirigée par un parti d'opposition, avait déjà défini des orientations générales en vue de l'élaboration d'un Plan de Développement Urbain Local (PDUL) sur la base d'un diagnostic participatif. Le tourisme était identifié comme principale option de développement pour la ville, sans qu'une véritable stratégie touristique ait été entérinée dans le cadre d'une co-construction avec le processus de patrimonialisation et le développement social urbain. Le mirage du pétrole de la CPO et ses retombées éventuelles peuvent offrir de nouvelles opportunités de développement à Ciudad Bolivar, mais comportent aussi des menaces. Les documents soumis à l'UNESCO n'ont jamais pris en considération les projets de développement de la CPO. L'essor à venir de l'exploitation pétrolière dans cette zone et la construction d'installations de conversion des huiles lourdes sur l'autre rive du fleuve, à Soledad, pourraient conduire à reconsidérer le périmètre classé qui incorpore ce petit centre historique dans la demande initiale. Un projet de cette envergure aura nécessairement un impact environnemental sur l'ensemble du bassin inférieur de l'Orénoque, même si ses répercussions sur le plan socio-économique sont encore difficiles à évaluer (Pirela et Ramousse, 2014).

Il est possible que la consolidation des fonctions tertiaires de Ciudad Bolivar, en relation avec l'implantation de services d'appui à l'activité pétrolière, entraîne l'installation de nouvelles populations. On pourrait même envisager une contribution des entreprises pétrolières à la réhabilitation de certains édifices du centre historique et à la promotion des activités culturelles à travers le mécénat. Le principal défi consiste en effet à freiner la dégradation du patrimoine urbain et à impulser un processus de revitalisation en contrôlant les flux migratoires, dans le cadre d'une politique de développement qui intègre les dimensions économiques, sociales et environnementales, pour convertir Ciudad Bolivar en un lieu attractif, aussi bien pour les touristes que pour de nouveaux résidents tirant leurs revenus de l'économie pétrolière. Une dynamique vertueuse pourrait alors s'enclencher sur la base d'une économie résidentielle, en permettant à la ville de récupérer certaines fonctions décisionnelles qui ont migré vers Ciudad Guayana, tout en développant de nouvelles activités commerciales et de service aux personnes. Une telle évolution nécessite l'affirmation d'une volonté politique et une transformation du modèle façonné par la «culture» du pétrole, mais celle-ci est souvent invasive au Venezuela comme tend à le confirmer la volonté de *Petróleos de Venezuela S.A.* de déloger l'Université Nationale Expérimentale de Guyane d'un des édifices les plus emblématiques du centre historique (la «maison des douze fenêtres»), pour y installer ses propres bureaux en procédant à un réaménagement des locaux peu compatible avec une valorisation touristique¹. A l'image du culte rendu à Bolívar qui, selon l'historien Germán Carrera Damas², a été détourné à leur profit par les dirigeants vénézuéliens, ceux-ci s'approprient un patrimoine collectif pour célébrer la toute puissance de l'Etat pétrolier bolivarien,

¹ Correo del Caroni, « La joya que PDVSA quiere arrebatarle a la UNEG », Ciudad Bolívar, 24/11/2013.

² Germán Carrera Damas, « El culto a Bolívar », Alfa Grupo Editorial, 2003.

alors que la dégradation de la situation économique et politique du pays rend encore plus improbable la sauvegarde du patrimoine urbain de Ciudad Bolivar face à la nécessité d'accélérer la mise en valeur de la Ceinture Pétrolière de l'Orénoque.

Mise perspective du cas de Ciudad Bolivar et conclusions provisoires.

D'autres exemples semblent démontrer qu'il est possible de concilier développement pétrolier et préservation / valorisation du patrimoine urbain. Le cas de Bakou sur les rivages de la mer Caspienne, où l'exploitation pétrolière est même légèrement antérieure à celle du bassin du lac de Maracaïbo, est de ce point de vue très intéressant. Les éléments du patrimoine ancien, comme la cité fortifiée avec le palais des Chahs de Chirvan et la tour de la Vierge (inscrits sur la Liste du Patrimoine Mondial depuis l'année 2000), coexistent avec un siècle et demi d'histoire pétrolière, dont témoigne la muséification de la Villa Petrolea des frères Nobel, et une modernité flamboyante symbolisée par les *Flame Towers*. Mais la situation de Bakou n'est pas nécessairement reproductible au Venezuela et il est difficile d'y voir un modèle de gestion démocratique. Si le Président Aliiev a fait flamboyer sa ville avec l'argent des hydrocarbures, qui alimente aussi une fondation dirigée par son épouse pour financer différents projets sociaux et culturels de prestige au service du régime en place et de sa diplomatie internationale, tout en préservant l'héritage du passé, c'est aussi parce que Bakou peut revendiquer plusieurs siècles de présence sassanide, perse, arabe, ottomane et russe, s'inscrivant dans une continuité culturelle... Le Venezuela, où des sociétés moins enracinées et structurées n'ont pu opposer qu'une faible résistance à la déferlante pétrolière et à la "culture" qui lui est associée, ne peut se prévaloir d'un tel héritage.

En 2012, le bassin houiller du Nord / Pas-de-Calais a été classé à son tour comme paysage culturel, avec ses cités ouvrières (corons), ses terrils et ses friches industrielles réaménagées... Sur l'une d'elles a été inauguré, cette même année 2012, le musée du Louvre Lens – vingt ans après la fin de toute activité minière. On peut y voir une reconnaissance de la dimension culturelle de ce paysage qui associe la mémoire de ceux qui l'ont façonné avec le projet des nouvelles générations pour en faire un lieu de culture... destiné à être visité par les habitants et des touristes de passage (900000 visiteurs comptabilisés en 2013, plus encore en 2014 avec une part importante de gratuité). «La culture... c'est dans notre nature» comme le résume habilement un des slogans du Louvre Lens pour essayer de faire évoluer les représentations attachées à cette région. Il a donc fallu attendre que le cycle de l'exploitation minière soit révolu pour que le rôle des hommes et des femmes qui ont participé à l'élaboration de ces paysages si particuliers soit reconnu et leur œuvre élevée au rang de patrimoine. Cela n'est d'ailleurs pas en contradiction avec une certaine approche du patrimoine qui considère celui-ci comme l'ensemble des éléments naturels, matériels ou immatériels qui contribuent à maintenir, dans le temps et l'espace, l'identité et l'autonomie des populations qui en sont dépositaires, en vue de leur adaptation à un univers évolutif (Henry Ollagnon, 2005).

Il ressort de cette analyse que les paysages associés à des activités extractives ne sont généralement reconnus comme paysages culturels qu'à partir du moment où l'exploitation

a cessé et que les friches industrielles ont pu être reconquises et muséifiées, même si dans certains cas la préservation de biens culturels antérieurs peut non seulement coexister avec la poursuite de l'activité productive, mais faire aussi l'objet d'une inscription sur la Liste du Patrimoine Mondial (Bakou). Lorsqu'une société ne peut s'enraciner dans un passé et une culture matérielle avec un fort ancrage territorial, qui plus est si cette même société a subi un processus d'aliénation ayant affaibli sa conscience patrimoniale, il lui est plus difficile de résister aux forces du changement quand celles-ci sont mues par des intérêts économiques et politiques aussi puissants que ceux liés aux sources d'énergie qui font tourner le monde (Venezuela). Les paysages de désolation, saccagés par l'extraction des richesses du sous-sol et abandonnés par leur population, comme certaines zones pétrolières de la Côte Orientale du Lac de Maracaïbo, ne sont alors plus porteurs d'aucune valeur humaine ou culturelle. Ce sont les défis que doit relever aujourd'hui Ciudad Bolívar.

Bibliographie:

1. CERRILLOS, Maria Luisa, 1989, *Programa de revitalización integral de centros históricos de Iberoamérica*, Informes de la Construcción, Vol.41, n° 403.
2. CROCE, Benedetto, 1979, *La historia como hazaña de la libertad*, Fondo de Cultura Económica, México.
3. DAVEZIES, Laurent, 2009, *L'économie locale résidentielle*, Géographie, Economie, Société, vol. 11, pp. 47-53.
4. FERNÁNDEZ, Américo, 2013, blog : *El Casco Histórico*, centro urbano fundacional de Ciudad Bolívar , www.elcascohistorico.blogspot.fr/2013_02_01_archive.html
5. ICOMOS, 2008, *Déclaration de Québec sur la sauvegarde de l'esprit du lieu*, adoptée par l'ICOMOS, http://quebec2008.icomos.org/fr/99_introblog.htm
6. LE GARGASSON, Christine, PIRELA, Arnoldo, 2012, *Formalización de una estrategia de desarrollo turístico para Ciudad Bolívar (Municipio Heres)*, Rapport MaHoC / LIA, 43 p.
7. OLLAGNON, Henry (2005), *Stratégies patrimoniales pour un développement durable*, in Barrère, C., Barthélemy, D., Nieddu, M. Vivien, F.-D., *Réinventer le patrimoine. De la culture à l'économie, une nouvelle pensée du patrimoine?*, L'Harmattan, Paris, pp. 179-196.
8. PIRELA Arnoldo, RAMOUSSE Didier, 2014, *Stratégie pétrolière du Venezuela: la Ceinture Pétrolifère de l'Orénoque au service de la Révolution Bolivarienne?*, Problèmes d'Amérique latine, n°90, p.129-146.
9. QUINTERO, Rodolfo, 1985, *La cultura del petróleo*, Universidad Central de Venezuela, Caracas, FACES, 51 p.
10. RAMOUSSE, Didier, 1997, *Stratégies d'industrialisation, organisation de l'espace et insertion du Venezuela dans l'économie-monde des pôles de développement à la reconversion du système technico-industriel*, ANRT, Villeneuve d'Ascq.
11. RAMOUSSE, Didier, SALIN, Elodie, 2014, *Ciudad Bolívar et les rives de l'Orénoque, paysage culturel en péril*, Géographie et cultures, n° 89-90, pp.219-239.
12. SIRCHAL Ateliers, 2003, *Socialización del patrimonio cultural de Ciudad Bolívar en la Angostura del Orinoco*, Informe final, octobre de 2003.

13. [www2.archi.fr/SIRCHAL/atelierdexpertise/ciudadbolivar/Informefinal.pdf].
14. THEILLAC, Céline, 2013, *Comment protéger une ville et son patrimoine des risques naturels ?*, Mémoire de stage, Master Tourisme et Environnement, UVSQ.
15. THROSBY, David, 2012, *Heritage Economics: A Conceptual Framework*, in Licciardi, G., Amirtahmasebi, R. (ed.), *The Economics of Uniqueness*, Urban Development Series, The World Bank, pp. 45-74.
16. UNESCO, 2009, comité du patrimoine mondial, Trente-troisième session, Séville, Espagne, <http://whc.unesco.org/archive/2009/whc09-33com-INF15f.pdf>
17. VÁSQUEZ, Ileana, PÉREZ, Francisco, 2002, *Ciudad Bolívar: centro histórico, legislación y gestión*, ICOMOS Venezuela.
18. <http://portal.manizales.unal.edu.co/modules/ununesco/admin/archivos/ciudadbolivarcentrohistoricoylegislacion.pdf>
19. VERNIERES, Michel (coord.), 2012, *Méthodologies d'évaluation économique du patrimoine urbain: une approche par la soutenabilité*, AFD, Paris, 213 pages.

Дмитрий Замятин¹

СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ*

STRATEGIES OF REPRESENTATION AND INTERPRETATION OF CULTURAL AND GEOGRAPHICAL IMAGES

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РФНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование». Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 14-38-00031).*

Предлагаемая статья посвящена анализу основных стратегий репрезентации и интерпретации географических образов в гуманитарных науках. Автором выделяются «мягкие» и «жесткие» культурно-географические образы, используемые как основные категории анализа.

Ключевые слова: туризм, географические образы, географическое пространство, культура

This article is devoted to the analysis of the main strategies of representation and interpretation of geographical images in the humanities. The author points out «soft» and «hard» cultural and geographical images used as the main categories of analysis.

Key words: tourism, geographical images, geographical area, culture

Образы географического пространства

Каждая культура создает свои так или иначе репрезентированные образы географического пространства; это ее неотъемлемые элементы. Традиционные культуры предлагали свои, часто уникальные коды к расшифровке и пониманию этих образов. Решающая трансформация произошла в начале Нового времени, когда разработка картографических проекций определила доминирующие и универсальные способы репрезентации образов географического пространства.

¹ Замятин Дмитрий Николаевич, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. E-mail: dzamyatin@hse.ru

Dmitry Zamyatin – Chief Researcher, National Research University Higher School of Economics

Дальнейшее развитие образов географического пространства связано с их известной автономизацией в культуре (культурах) – они становятся, в некотором смысле, субкультурой, проявляющейся и транспонируемой другими по генезису образу и закрепляющей себя различными средствами. В то же время возникают самостоятельные типы географических пространств – политико-географические, культурно-географические, социально-географические, экономико-географические – которые репрезентируются и интерпретируются соответствующими специфическими типами образов. Кроме этого, большинство существующих современных цивилизаций и/или культур как бы экспортирует вовне свои образы географического пространства, которые взаимодействуют с чужеродными образами, порождая целые «вееры» гибридных, композитных образов.

На традиционное физико-географическое пространство накладываются многочисленные «слои» различных по происхождению, структурам, способам функционирования и специализации образов географического пространства. Эти образы совмещаются, сосуществуют в традиционном пространстве. Основная исследовательская проблема при этом – это нащупывание механизмов и каналов взаимодействия различных образов географического пространства с последующими попытками идентификации основных типов их трансформаций, их характера и масштабов. Так, на уровнях страны¹, региона, небольшой местности могут происходить совершенно различные образные взаимодействия и трансформации, ведущие к доминированию и созданию принципиально разных образов географического пространства.

Способы трансформации образов географического пространства

Проблема трансформации образов географического пространства заключается прежде всего в нахождении адекватных ей способов репрезентации и интерпретации этих образов. Необходимо, в первую очередь, образное дистанцирование, отдаление от определенного пространства, позволяющее увидеть «рельеф» самого образа. Совокупность таких способов трансформации назовем образной геоморфологией.

Концептуальной базой образной геоморфологии является традиционная геоморфология, как классическая, так и современная². Среди основных научных направлений современной геоморфологии наиболее эффективными в образном смысле могут стать модели динамической геоморфологии. Использование таких моделей позволит как бы географизировать сами образы пространства; это, по сути, совокупность очень интенсивных способов трансформации образов.

Основной смысл подобных трансформаций – добиться естественной экономии, рационализации мысли о географическом пространстве. Географическое про-

¹ См.: Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 107-115.

² См. также: Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. – Смоленск : Ойкумена, 1999.

странство как бы должно представить себя географически. Мысль сама становится геопространственной, максимально географизируется; происходят процессы параллельных совмещений образов географического пространства в пределах самой мысли о них. Результат таких трансформаций – создание эффективных географических образов.

Географические образы

Создание географических образов связано с процессами формализации и одновременно сжатия, концентрации определенных географических представлений, превращении их в «сгусток». В общем смысле, географический образ – это совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т.д.). Географические образы могут принимать различные формы, в зависимости от целей и задач, условий их создания, наконец, от самих создателей образов.

Какие процессы преобладают при создании географических образов? В большинстве случаев географические образы – результат двух основных процессов: процесса целенаправленного конструирования и процесса реконструкции, выявления, идентификации. Процесс реконструкции похож на процедуры прориски на христианских иконах с целью обнаружения главных контуров рисунка. Соотношение выделенных процессов зависит от позиции исследователя географических образов.

Репрезентирование географических образов опирается на использование текстов различного происхождения – это могут быть научные и художественные тексты¹, газетные статьи и информационные заметки, приватная переписка, дневники, официальные документы, стенограммы переговоров, реклама и рекламные слоганы. Графика, живопись, музыка, кино и видео, Интернет – также важные средства представления географических образов. В целом для большинства географических образов характерен разнородный генезис (гетерогенность происхождения); при этом различные географические образы сосуществуют в определенных гео-образных пространствах.

Стратегии репрезентации и интерпретации географических образов в гуманитарных науках

Прежде чем охарактеризовать содержание рассматриваемых стратегий, сделаем ряд предварительных замечаний.

Имеет смысл исследовать наиболее универсальные модификации географических образов в гуманитарных науках. К ним в первую очередь относятся культурно-географические образы, частным случаем которых могут быть геоэкономические,

¹ См.: Замятин Д.Н. Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова «Чевенгур» // Вопросы философии. – 1999. – № 10.

геосоциальные или геополитические образы. При этом наиболее удобно использовать, как минимум, два рода определений культурно-географических образов – широкое, или «мягкое» (soft), и узкое, или «жесткое» (hard).

Процессы репрезентации и интерпретации должны трактоваться в контексте исследования культурно-географических образов, максимально конкретно. Процессы репрезентации и интерпретации должны быть соотнесены между собой, хотя это соотношение не должно быть жестким, или чем-то постоянным. Важно отметить, что репрезентация в определенном смысле «первична», а интерпретация «вторична», однако они могут сосуществовать во времени и в пространстве; т.е. быть синхронными, одновременными, и «синхоросными», однопространственными, симультанными.

Понятие стратегии не определяется нами жестко. В «мягком» определении понятие стратегии, несомненно, несет четкий операциональный смысл и понимается как сознательное действие, деятельность по конструированию смысла, целенаправленное осмысление культурно-географического пространства¹. В рамках указанных в подзаголовке стратегий культура, как уже отмечалось ранее, понимается как геокультура, а культурно-географические образы рассматриваются одновременно как часть, элемент и фактор культуры (культурного развития). Отсюда следует заведомая правильность, или верность всякой стратегической интерпретации культурно-географических образов.

Исследование указанных стратегий может иметь внешние выходы, или параллели с исследованиями образов путешествий (путешествие как мощная образная культурно-географическая стратегия²) и проблем мирового развития («точки роста», «узлы» мирового развития как «вспышки» культурно-географических образов).

Перейдем к содержанию рассматриваемых стратегий.

«Мягкое» определение КГО: КГО есть максимальная визуализация и вербализация культуры, и в то же время это целенаправленная, максимально визуализированная и вербализированная географизированность пространства. Пространство выступает здесь как средство репрезентации и интерпретации самой культуры³.

«Жесткое» определение КГО: КГО – это устойчивые пространственные представления о каких-либо культурных объектах или объектах культуры. В рамках культуры, или ее представлений, репрезентация КГО может «включаться» автоматически, однако интерпретация КГО при этом не обязательна. Большинство недостатков современного краеведения («наивная» трактовка фактов, дикое подчас интерпретации результатов исторических и археологических результатов, стремление «привязать» к определенной местности как точке масштабные КГО) связано с попытками недо-

¹ См.: Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – Вып. 13. – Москва, 1993. – С. 84-95.

² См., например: Казакевич О.А. Путешествие шамана (по материалам шаманских легенд и волшебных сказок северных селькупов) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 254-260; Никитина С.Е. Роду путешествивного... (о концепте пути в русских конфессиональных культурах) // Там же. – С. 297-304.

³ См. также: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – Москва: Языки русской культуры, 1998.

статочной подготовленной интерпретации при не полностью и часто не корректно проведенной репрезентации КГО.

В контексте данных определений КГО уместно определить и более широкое понятие образа (и здесь, и далее определения трактуются как необходимые для ведения исследования условности). Образ – это максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности. Образ в широком смысле выявляет «рельеф» культуры, являясь одновременно культурой в ее высших проявлениях. Образ – часть реальности; он может меняться вместе с ней. В то же время образ – фактор изменения, динамики реальности¹. В рамках стратегической интерпретации КГО образ можно рассматривать как саму реальность (он условно «растягивается» в восприятии до масштабов реальности, как бы замещая ее путем репрезентации и интерпретации).

Репрезентация – это процесс визуализации и вербализации образа, когда культурно-географическое пространство опосредуется, дистанцируется, или даже «огрубляется» (реальность как бы огрубляется репрезентирующим ее образом). Такое понимание репрезентации КГО вполне укладывается по аналогии в классическую психологическую схему, отработанную еще Фрейдом: психические процессы происходят на уровне бессознательного, подсознания и сознания. Роль и значение репрезентации КГО – сформировать работоспособные и эффективные образы (уровень «сознания») путем аккультурации реальности (уровень «бессознательного»). Сразу отметим, что это – аналогия, ибо речь идет не о психологических, а о культурно-географических образах.

Интерпретация КГО означает выход за пределы обыденной рациональности сознания; происходит процесс самоактуализации географического пространства. Пространство как бы обволакивает культуру и максимально ее актуализирует посредством четкой образной локализации. В образном смысле, культурная география, несомненно, гораздо более точная наука, нежели граничащие с ней области политической, экономической или социальной географии. Посредством интерпретации КГО культура глобально «переживается» через географию, происходит своего рода опространствление культуры². В рамках подобной интерпретации можно говорить об «исчезновении» природы, всё традиционное географическое пространство становится культурным; снимаются классические оппозиции «природа – общество» и «природа—культура». В то же время интерпретация КГО означает переход на метаяровень по сравнению с репрезентацией, когда в определенном образном поле сосуществуют различные по генезису, структуре, сложности знаки, символы и стереотипы, формирующие по ходу интерпретации серии последовательных конфигураций, которые проецируются на «перцептивный экран»³. Культура в данном случае становится интересной как продукт образно-географических интерпретаций.

¹ Ср.: Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.

² См. также: Флоренский П.А. Анализ пространственности // Флоренский П.А. Иконостаз: Избранные труды по искусству. – Санкт-Петербург : Мифрил, Русская книга, 1993. – С. 317-351.

³ О понятии перцептивного экрана в связи с политической имагологией см.: Политическая реклама. – Москва : Центр политического консультирования «Никколо М», 1999.

Стратегии репрезентации и интерпретации КГО должны быть направлены на исследование прежде всего трансграничных географических образов (аналог – кросс-культурные исследования). К трансграничным КГО можно отнести межстрановые, межрегиональные, межобластные и т.д. образы, когда на пересечении и при взаимодействии двух или нескольких традиционных КГО формируется новый КГО, умножающий, с одной стороны, «зеркальные отображения» взаимодействующих образов, а, с другой – фиксирующий столкновения, борьбу образов¹. К высшим проявлениям КГО относятся также динамические географические образы, создаваемые в путешествиях, когда постоянная трансграничность восприятия ведет к своего рода «анимации» преодолеваемого географического пространства. Образы путешествий имманентно трансграничны.

Возможны две основные стратегии репрезентации и интерпретации КГО. Первая стратегия ориентирована на формирование образа «изнутри», как бы снизу, когда образ страны, местности или ландшафта формируется постепенно, на базе «отпрепарированных» мелких фрагментов реальности. Вторая стратегия направлена на создание образа «снаружи», или «сверху», с помощью условного полета, метапутешествия, поднимающего исследователя над территорией и позволяющего ему воспринимать географическое пространство как целостный протообраз, в котором траектория метапутешествия оконтуривает образный дискурс. Исследователь работает в данном случае как бы в разреженном воздухе, однако панорама исследования резко увеличивается. Возможна также и третья, дополнительная стратегия, сочетающая элементы первой и второй стратегий в различных пропорциях, в зависимости от целей исследования.

Исходя из предложенных стратегий, можно провести стратегическое позиционирование в исследованиях КГО. Первая стратегическая позиция определяет исследователя как машину по производству образов. Находясь на конкретной территории, исследователь работает преимущественно с полем собственного сознания, идентифицируемым как образно-географическое поле, в рамках которого создаются специфические знаки, символы, стереотипы, сочетания образов. Интерпретация в этом случае преобладает над репрезентацией. Вторая стратегическая позиция исследователя – образная активизация реальности путем различных социологических опросов и интервью. Здесь репрезентация выступает на первый план, роль интерпретации снижается. В целом обе позиции нацелены на «плотное» исследование реальности, конкретной местности или ландшафта; искомые КГО как бы запеленуты в реальность, их надо «распеленать».

Отдельно выделим метастратегическую позицию, когда исследователь работает с уже готовыми, так или иначе проявленными, репрезентированными и интерпретированными образно-географическими системами. В данной позиции происходит заранее продуманное столкновение этих систем, как правило, на уровне текстов – образ в образ, текст в текст.

¹ См., например: Грузински С. Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // Международный журнал социальных наук. – 1993. – Май. – С. 65-85.

Выделение предложенных стратегий и стратегических позиций основано на понимании невозможности создания единой и долговременной образно-географической картины мира. По сути дела, при репрезентации и интерпретации КГО происходит гипостазирование реальности, взятой в ее уникальном географическом положении. Следовательно, любая стратегия ведет к созданию частной, как бы приватной картины мира, которая может сосуществовать и/или конкурировать с другими картинами мира.

Рассмотрим внешние выходы и параллели данной концепции.

Географические образы путешествий. Концепт путешествия – один из классических географических образов. Будучи принципиально важным для понимания особенностей и закономерностей моделирования географических образов вообще, он предполагает также исследование образно-географической специфики самих путешествий как таковых – иногда даже вне зависимости от первоначальной установки и цели путешествия (туризм, экскурсия, научная экспедиция, торговая поездка и т.д.). В этой связи уместно выделить три основных аспекта в системе «путешествие (концепт путешествия) – географический образ».

Во-первых, путешествие, как правило, может способствовать созданию целенаправленных географических образов, в структуре которых доля чисто прикладных элементов и связей (физико- и экономико-географическая информация, статистические сведения и т.д.) может быть в значительной степени уменьшена. В то же время роль и значение культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей может быть резко увеличена, что часто ведет к большей «выпуклости», рельефности, более сложной морфологии самого образа местности, страны, региона, через которые пролегал путь. Подобная структура географического образа означает, что большинство путевых записок, описаний, дневников может быть оценено не с точки зрения достоверности сообщаемых там сведений и фактов (часто довольно низкой), но с точки зрения мощи и яркости самого продуцируемого по ходу путешествия географического образа¹.

Во-вторых, путешествие само по себе может быть (и в большинстве случаев им и является) масштабным и тонко структурированным географическим образом. Тщательно продуманное, строго целенаправленное и затем осуществленное путешествие представляет собой сложную и разветвленную систему генетически родственных географических образов, своего рода «бриколаж» по Леви-Стросу². При этом ни один из этих образов не может выступать как единственно верный и наиболее адекватный цели и задачам путешествия, а первоначально созданный образ подвергается по ходу путешествия различным морфологическим и структурным трансформациям. В структуре географических образов определенного путешествия образ местности и/или страны может играть очень существенную, но зачастую не доминирующую роль. Здесь, на наш взгляд, возможны следующие варианты: 1) литера-

¹ См. в этой связи: Строев А. Указ. соч. – С. 19.

² См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. – Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985.

турное путешествие (например, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна, «Письма русского путешественника» следовавшего ему Николая Карамзина и вся обширная традиция путевых записок эпохи сентиментализма), когда первоначальная психологическая и социокультурная установка оказывается настолько сильной, что как бы съедает реальное путешествие и замещает его цепочкой геокультурных образов, характеризующих местность через эмоциональное состояние героя/автора произведения. Сюда же можно отнести пограничный жанр – дневниковые записи, в которых конкретное место (город, страна) в ходе затянувшегося путешествия могут служить «театральной сценой» переживаний и интеллектуальных метаний их автора – например, «Московский дневник» Вальтера Беньямина¹; 2) образ путешествия моделируется первоначально на метауровне, а определенные местность или страна выступают в этом случае как экспериментальное образно-географическое поле. В ходе путешествия (вымышленного или реального) нарабатываются его специфические образно-географические признаки («аксессуары»), а результирующий образ путешествия впитывает в себя, в одной из фундаментальных страт, родовые образно-географические признаки осмысленной территории. Так, литературно-географическое пространство, описываемое Андреем Платоновым в романе «Чевенгур», есть в известном смысле образно-географическое поле, служащее фундаментом формирования метаобраза культовых путешествий главных героев романа².

В-третьих, географические образы путешествий создают, фактически, самостоятельный тип или класс географических образов, который можно назвать также «трансграничными географическими образами». Это географические образы, которые заранее моделируются на метауровне их восприятия и осмысления, а само путешествие мыслится как «безразмерный» и в то же время единственно возможный способ адекватного представления географических знаний и информации. Например, создание образа русской Италии связано с моделированием условного метапутешествия, состоящего из отдельных текстов и текстовых фрагментов литературного, эпистолярного, мемуарного, живописного, графического характера, связанных в единое целое на уровне анаморфированного геокультурного (образно-геокультурного) пространства «Россия – Италия». Технологии моделирования подобных трансграничных географических образов, по-видимому, являются одним из наиболее сложных вариантов концептуального образно-географического моделирования, однако целенаправленный перевод образа путешествия на метауровень позволяет максимально учесть естественную пространственную динамику самих географических образов.

¹ Беньямин В. Московский дневник. Москва : Ad Marginem, 1997.

² См. в этой связи: Замятин Д.Н. Империя пространства. Географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур»...; также: Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Полюса и центры роста в региональном развитии. – Москва : ИГ РАН, 1998. – С. 190-194.

«Точечные вспышки» и путешествия. Путешествия могут радикально менять картины мирового развития. Устойчивые географические пред-образы региона/ страны (до путешествия) недостаточны для новой образной информации, воспринимаемой и получаемой во время путешествия. Многочисленные и фрагментарные новые географические образы как бы нелезают друг на друга, «громоздятся», формируя последовательно новые образно-географические поля. Обычные стереотипы (о стране, народе, его обычаях и традициях, политическом и экономическом развитии) рушатся. Возникает своего рода «анфилада» проходных комнат со сквозной перспективой, не возможной до путешествия. Контрастность картины мирового развития резко увеличивается. Путешествие – это ряд образно-географических «точечных вспышек», приводящих к развалу попыток постоянно продуцировать новые единые картины мира.

Путешествия – идеальный случай, когда реальность сразу может репрезентироваться и интерпретироваться как образ. Путешественник движется в своего рода «диком пространстве», wild space; «обнаженное» восприятие путешественника вынуждено сразу проводить аккультурацию преодолеваемого географического пространства.

В качестве общего вывода перейдем от выделенных нами стратегий репрезентации и интерпретации КГО к краткой предварительной методологической оценке развития современных гуманитарных наук.

Современные гуманитарные науки имеют дело с объектами исследования, структура которых отличается от традиционных. Эти объекты порождают собственные пространства, являющиеся условием и фактором их развития и исследования. Литературные и живописные произведения, локальные культурные сообщества, политические переговоры, финансовые и информационные потоки создают «приватизированные» географоидные пространства, репрезентируемые и интерпретируемые как специфические геокультурные, геополитические геоэкономические образы. Культура, политика, экономика понимаются как геокультура, геополитика, геоэкономика. В гуманитарно-научном плане наиболее эффективно понимание культурологии как геокультурологии, политологии как геополитологии, экономики как геоэкономики, и т.д.

Алексей Кусков¹

ТУРИЗМ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА*

*TOURISM IN THE CULTURAL LANDSCAPE SPACE: FOREIGN EXPERIENCE AND
RUSSIAN PRACTICE*

* *Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

В статье охарактеризованы географическая специфика и туристские возможности в пространстве культурных ландшафтов. На примере зарубежного опыта и российской практики выявлены наиболее важные и актуальные проблемы туристского бизнеса, а также определена роль ландшафтов как ресурса развития туризма.

Ключевые слова: культурный ландшафт, региональный туризм, туристский потенциал, туристский продукт, позиционирование региона

The article describes the geographical specificity and tourism opportunities in the area of cultural landscapes. On the example of foreign and Russian experience the most important and topical issues of tourist business, and defined the role of the landscape as a resource for tourism are revealed.

Key words: cultural landscape, regional tourism, tourism potential, tourism product, positioning the region

Культурные ландшафты представляют собой гармоничное единение естественного природного и антропогенного привнесённого начал, феномен, связанный с проникновением элементов культуры в природное пространство. Именно в пространстве культурных ландшафтов достигается оптимальное состояние сотворчества человека и природы, формируются равновесный экологический баланс и специфический, наиболее близкий к идеальному, тип природопользования. Все это предопределило особую значимость культурных ландшафтов в качестве своеобразного ресурса для развития различных видов туристской деятельности, в первую очередь, эколого-культурного туризма.

¹ Кусков Алексей Сергеевич, кандидат культурологии, профессор Саратовской государственной юридической академии. E-mail: askuskov@mail.ru

Aleksey Kuskov, Candidate of Culturology, Professor, Saratov State Law Academy.

Понятие культурного ландшафта не является новым для мировой и отечественной науки. Еще в 20-е гг. XX в. в Германии оформилась научная школа культурного ландшафтоведения, у истоков которой стоял О. Шлютер, объединивший в своей теории идеи А. Геттнера, Э. Реклю, П. Видаля де ла Блаша. И с данного момента в Западной Европе изучению и проектированию культурных ландшафтов придается исключительное значение.

В современной зарубежной литературе практически отсутствует понятие «natural landscape» («природный ландшафт»), вместо этого применяются термины «physical landscape» («физический ландшафт») и «cultural landscape» («культурный ландшафт»). Даже говоря о регионах, в целом характеризующихся сложными и часто неблагоприятными для хозяйственной деятельности природными условиями, в зарубежной науке используют понятие «культурный ландшафт», которое обращает внимание на важную роль культурных (в широком смысле) процессов в формировании ландшафтов. Поэтому не удивительно рассмотрение окружающей среды и природы как синонимов: происходит относительно постепенная во времени смена природной среды на окружающую.

Становление и развитие концепции культурного ландшафта в зарубежной научной практике чаще всего связывают именно с деятельностью ЮНЕСКО. Статус культурного ландшафта как объекта наследия зафиксирован в документах ЮНЕСКО в 1992 г., хотя тенденции к его выделению появились более 20 лет назад. Так, в ст. 1 Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия указано, что культурные ландшафты представляют совместные творения человека и природы. Они иллюстрируют эволюцию в веках человеческого сообщества и поселений, происходившую под влиянием неблагоприятных и/или благоприятных физических факторов естественной среды обитания человека, а также сменяющих друг друга социальных, экономических и культурных факторов, и внешних и внутренних¹.

Понятие «культурный ландшафт» выделено, но законодательно не закреплено в отечественной правовой практике. В частности, в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» культурные ландшафты фигурируют в ст. 2, 3 и отнесены к категории «достопримечательные места»², однако определения данного понятия в указанном Законе нет.

В отечественной науке развитие теории культурного ландшафта увязывается, в первую очередь, с именем Л. С. Берга, ставившего конечной целью любого исследования изучение не только природных, но и культурных ландшафтов. В первой половине XX в. теория культурного ландшафта получила также развитие в трудах

¹ Convention concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. – UNESCO, 1972; Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. – UNESCO, WHC-99/2, 1999 (February).

² Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (в ред. От 08.03.2015 г. № 50-ФЗ) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2002. – № 26. – Ст. 2519; Собрание законодательства РФ, 2015. – № 10. – Ст. 1420.

А.И. Воейкова, С.С. Неуструева, В.П. Семенова-Тян-Шанского, В.И. Вернадского и др., итоги которого подвел Ю.Г. Саушкин в середине XX в., дав первое определение культурного ландшафта. Развитие теории культурного ландшафта от Л.С. Берга до Ю.С. Саушкина наглядно иллюстрирует тезис о том, что понятие «культурный ландшафт» применяется к любому ландшафту, измененному хозяйственной деятельностью.

В период с 60-х гг. XX в. до начала 90-х гг. XX в., главным образом благодаря работам Ф. Н. Милькова, понятие «культурный ландшафт» было вытеснено менее удачным понятием «антропогенный ландшафт». И только в 90-х гг. XX в. начинается формирование современного представления о культурных ландшафтах, синтезирующего как естественнонаучные, так и гуманитарные знания о них. Особое участие в разработке теории культурных ландшафтов в настоящее время принимают Ю.А. Веденин, В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская, Г.А. Исаченко, Б.Б. Родоман, В.Л. Каганский, Е.Ю. Колбовский, П.М. Шульгин, М.Е. Кулешова и др., в трудах которых природа и человек – не антитиподы, а равноправные компоненты ландшафта и участники природопользования.

В настоящее время, в самом общем виде можно выделить несколько позиций в отношении вышеуказанного понятия:

1. Культурный ландшафт – хороший антропогенный ландшафт, обладающий высокими эстетическими и функциональными качествами.

2. Культурный ландшафт есть историческая местность – место длительного обитания группы людей, являющихся носителями специфических культурных ценностей.

3. Культурный ландшафт – ландшафт в формировании и развитии которого активную роль играют духовные и интеллектуальные ценности, хранимые и передаваемые из поколения в поколение в виде информации, являющиеся его частью и испытывающие на себе воздействие других материальных компонентов ландшафта.

4. Культурный ландшафт – всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей при условии, что это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила его утилитарно, семантически и символически¹.

5. Культурный ландшафт – культура этнического сообщества, сформировавшаяся в определенных природно-географических условиях, взятая в ее целостности, наиболее полно отражающая при этом суть этнокультурной концепции самого ландшафта².

6. Культурный ландшафт – исторически равновесная система, в которой природные и культурные компоненты составляют единое целое, а не только являются фоном или фактором воздействия одного элемента этой системы по отношению к другому³.

Под культурным ландшафтом вслед за Ю. А. Ведениным, М. Е. Кулешовой и В. Л. Каганским будем понимать природно-культурный территориальный комплекс, сфор-

¹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – Москва : НЛО, 2001.

² Калуцков В.Н. и др. Культурный ландшафт Русского Севера. – Москва : Институт наследия, 1998.

³ Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. – Москва : ЦОДП, 1999.

мировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и местного сообщества людей, рационально осваивающих (утилитарно, семантически и символически) и преобразующих пространство согласно своим духовным и материальным потребностям.

Любой культурный ландшафт характеризуется целой системой признаков и свойств, которые имеют особую значимость при задействовании данных территорий в туристской деятельности. Ниже в таблице 1 представим основные свойства культурных ландшафтов с их туристской интерпретацией.

Таблица 1

Свойства культурных ландшафтов и их туристская интерпретация¹

Свойство	Содержание	Туристская интерпретация
<i>Адаптивность</i>	Оптимальное сочетание хозяйства с природой, что позволяет населению сохранять равновесное состояние ландшафта в процессе занятий производственной деятельностью	Традиционные типы природопользования – один из важнейших аттракторов культурных ландшафтов
<i>Целостность</i>	Завершенность, единство, гармоничность и сохранность всех его составляющих – и материальных объектов, и ментальных свойств, и традиций природопользования	Гармоничное сочетание элементов культурного ландшафта и степень их сохранности привлекают туристов и экскурсантов
<i>Аутентичность</i>	Своеобразие, уникальность, подлинность, достоверность ландшафта, неразрывно связанная со свойством целостности	Только своеобразие и подлинность ландшафта способны пробудить интерес у туристов к ландшафту
<i>Образность</i>	В процессе длительного освоения территории в общественном сознании формируется специфический ментальный образ ландшафта, маркируемый особыми символами	Ментальный образ ландшафта – высшая степень его восприятия туристами, что повышает значимость культурных ландшафтов
<i>Пейзажность</i>	Ландшафт должен иметь эстетически привлекательный пейзажный облик	Эстетическая красота ландшафта – основной аттрактивный элемент
<i>Многослойность</i>	Ландшафт имеет сложную морфологическую структуру, в которой выделяются следующие слой-компоненты: 1) природный ландшафт; 2) хозяйство; 3) селение; 4) сообщество людей; 5) языковая система; 6) духовная культура	Сочетание компонентов культурного ландшафта позволяет грамотно планировать и организовывать туристские маршруты в зависимости от предпочтений туристов
<i>Универсальность</i>	Ландшафт наиболее полно отражает взаимодействие человека и природы в трех контекстах – географическом, историческом и культурном	Позволяет туристам путешествовать в трех измерениях – изучая географическую среду территории, ее историю и культурные особенности

¹ Кусков А. С. Культурные ландшафты как элемент комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала территории // Известия Алтайского государственного университета. Серия Биологические науки. Науки о земле. Химия. – 2011. – № 3-1(71).

Культурные ландшафты имеют ряд серьезных преимуществ перед прочими территориальными комплексами, которые позволяют рассматривать их как важную ресурсную базу для развития не только культурно-познавательного, этнографического, сельского, но и эколого-культурного туризма. В качестве таких преимуществ можно выделить следующие¹:

- культурные ландшафты решают задачи экологического воспитания и просвещения, которые часто реализуются в рамках эколого-культурных туров;
- культурные ландшафты насыщены привлекательными объектами, выступающими в качестве туристских доминант и имеющими самостоятельное значение как объекты наследия;
- культурный ландшафт – наиболее удачный пример сотворчества природы и хозяйственной деятельности человека, которое в различных формах может быть экпонировано туристам и экскурсантам;
- функционирование культурного ландшафта поддерживается местным сообществом, так как развитие туризма в его пределах воспринимается населением как их местный вид хозяйственной деятельности, а не как чуждый элемент, внедряемый извне и ограничивающий доступ к привычным ресурсам;
- структурность и динамизм культурного ландшафта определяют его туристскую привлекательность, так как, специфически переплетаясь в конкретном ландшафте, «слои» определяют его индивидуальность и уникальность, а развитие ландшафта обогащает его, делает его интересным.

В нашей работе рассмотрим российский опыт развития туризма в пространстве культурных ландшафтов на примере одного из регионов страны – Саратовской области. Саратовская область – типичный «нетуристский» регион в туристском окружении, расположенный в пределах волжского бассейна в условиях континентального климата степей. Незначительный туристский потенциал в купе со слабым развитием инфраструктуры препятствуют развитию туризма в регионе, а основной поток туристов образуют лишь круизеры, останавливающиеся в трех важнейших туристских локалитетах области не более чем на 5-6 часов общего времени пребывания.

Основу туристского потенциала Саратовской области представляют: десять исторических городов; курорт им. В. И. Чапаева; туристский комплекс Хвалынского муниципального образования, в состав которого входят г. Хвалынский с его музеями, Национальный парк «Хвалынский», курортная местность «Черемшаны», горнолыжный курорт «Ривьера»; туристские базы и базы отдыха, тяготеющие к Волге и ее притокам; отдельные туристско-экскурсионные объекты природного и историко-культурного характера. Указанный потенциал продвигают всего девять туристских фирм области из 170 существующих на туристском рынке.

¹ Кусков А.С. Культурные ландшафты как ресурсная основа развития эколого-культурного туризма (на примере Саратовской области) // Эко- и агротуризм: перспективы развития на локальных территориях : материалы III международной научно-практической конференции. – Барановичи : БарГУ, 2011.

В Саратовской области достаточной для развития туризма степенью зрелости отличаются только культурные ландшафты Хвалынского муниципального образования, включающие целый комплекс интересных природных и историко-культурных объектов, гармонично сосуществующих в пределах относительно локальной территории. К таким объектам относятся: г. Хвалынск – старейший город области с множеством памятников архитектуры, а также тремя музеями федерального значения (картинная галерея, музей К. С. Петрова-Водкина, краеведческий музей); Хвалынские горы с уникальными родниками и массивами меловой сосны; Хвалынский национальный парк с точечными объектами природного и историко-культурного наследия (родники, пещера монаха, объекты культовой архитектуры, остатки старообрядческих монастырей); горнолыжный курортный комплекс «Ривьера»; курортная местность «Черемшаны».

Хвалынское муниципальное образование является наиболее важной стратегической точкой роста туризма в Саратовской области, в основе которой – комплекс г. Хвалынска и Хвалынского национального парка. Культурный ландшафт Хвалынского национального парка представляет собой гармоничное сочетание первозданной природы с уникальными объектами историко-культурного наследия, которых насчитывается более 50 только на территории резервата (урочища, пещеры, родники, монастырские комплексы, городища, усадьбы, памятники сельской архитектуры).

На территории национального парка размещаются следующие историко-культурные памятники: Угро-финское городище «Аринкина гора», Могильник у Старой Яблонки, Городище № 13, Сосново-Мазинский клад, Липовое городище, Буддинское городище «Лысая гора», Подлесненское городище № 10, Урочища «Жилье» и «Пещера монаха», Женский старообрядческий монастырь, Мужской старообрядческий монастырь, Старообрядческое кладбище со склепами купеческих родов и др.

Данный культурный ландшафт формировался в течение трех тысячелетий и активно развивался на протяжении последних полутора веков. Под влиянием г. Хвалынска на территорию буферной зоны национального парка были вытеснены садово-парковые культурные ландшафты – в частности, знаменитые на всю Россию хвалынские яблочные сады, на базе которых и по сей день существует производство знаменитых хвалынских плодоовощных консервов. Монастыри старообрядцев, основанные в XIX в. в ущельях Черемшана, получили часть этих угодий в виде пожертвований или наследства, и гармонично вписались в окружающий ландшафт.

Действующее натуральное хозяйство, патриархальный и монашеский уклад, удаленность от крупных городов способствовали тому, что вплоть до середины XX в. на этой территории сохранялась уникальность природы, гармония ее с окружающим антропогенным пейзажем. В первые годы советской власти на базе монастырей Черемшана и купеческих дач в пределах современных границ национального парка были организованы санатории и дома отдыха, открыты детские оздоровительные лагеря, что привело к выделению на данной территории курортной местности регионального значения «Черемшаны». Тогда же появляются первые попытки туристского использования сложившихся культурных ландшафтов.

В настоящее время культурные ландшафты данной территории стали основой для развития в ее пределах эколого-культурного туризма, а в области активно лоббируется проект придания этой территории статуса особой экономической зоны туристско-рекреационного типа или туристского кластера. Эколого-культурный туризм в пределах хвалынского культурного ландшафта развивается в трех основных формах:

1. Эколого-культурный туризм культурно-познавательной специализации реализуется, в первую очередь, в ходе туристского использования экскурсионных объектов г. Хвалынска, представленных краеведческим музеем, картинной галереей К.С. Петрова-Водкина, домом-музеем К.С. Петрова-Водкина (оба музея ныне составляют Хвалынский художественно-мемориальный музей), музеем поэта С.С. Наровчатова, Кресто-Воздвиженской церковью конца XIX в., объектами купеческой архитектуры. В настоящее время Хвалы́нск входит практически во все туристско-экскурсионные программы по саратовской области, посещение его всегда комбинируется с посещением национального парка.

2. Эколого-культурный туризм ландшафтно-экскурсионной специализации развивается на основе природных и историко-культурных объектов, образующих культурный ландшафт национального парка «Хвалынский». Данные объекты охвачены целой системой из 13 экологических маршрутов и троп, ориентированных на группы туристов от 8 до 12 человек. Из 13 действующих в настоящее время экотроп, три имеют своей целью ознакомление туристов и экскурсантов с культурными ландшафтами парка – «Пещера монаха», «Родник Святой» и «Гора Беленькая».

Экотропа «Пещера Монаха» проходит по ущелью «Черемшаны», где были основаны старообрядческие монастыри, до самой пещеры монаха. В ходе экскурсии рассказывается о духовных традициях края, его истории, культуре, ведется повествование о самой пещере как о месте уединения отшельника. «Пещера монаха» – сакральный природный памятник, имеющий культовое значение, был создан человеком в VII в. до н. э. Последний ее обитатель – монах-отшельник отец Серафим, который жил в ней до 20-х гг. XX в.

Экотропа «Родник Святой» начинается у родника «Благодатный», проходит у подножия гор «12 братцев» от места бывшего старообрядческого скита, внутри часовни которого выбивал родник Святой до дачи купца Хренова, мецената этого скита и мимо закрытого родника «Радищевский». Экскурсия содержит в себе сведения об истории хвалынского старообрядчества и об особенностях гидрологии хвалынских родников. Перед родником расположен Поклонный крест, на поляне высится белокаменная часовня, а чуть ниже – купель.

Экотропа «Гора Беленькая» проходит по хр. Каланчевский, г. Беленькой – самой высокой точке Приволжской возвышенности (379 м), и дальше до археологических раскопок городищ, месте поселений древних угро-финнов. Экскурсия включает в себя сведения по географическому положению, формированию ландшафтов края и заселению края.

3. Эколого-культурный туризм рекреационно-оздоровительной и лечебной специализации в своем развитии связан, в первую очередь, с рекреационными лечебно-оздоровительными ресурсами территории. Существующая в окрестностях Хвалынска климатическая курортная местность (в составе которой три санатория) «Черемшаны» специализируется на лечении и оздоровлении больных с заболеваниями нервной и сердечно-сосудистой систем. Местный воздух и климат благоприятны также для оздоровления больных с заболеваниями органов дыхания.

В последние 15 лет развернулось строительство первого в Поволжье и области горнолыжного курорта на базе дома отдыха «Ривьера». Первая очередь курорта с подъемником были введены в строй в 2005 г. в пределах буферной рекреационной зоны национального парка «Хвалынский». В силу того, что в настоящее время большинство туристских программ предполагают посещение комплекса как в экскурсионных, так и в спортивно-развлекательных целях, то можно говорить о развитии в рамках культурного ландшафта и четвертого направления – туризма спортивной и развлекательной специализации, зачастую предполагающего также и деятельность в форме эколого-культурного туризма.

Однако, несмотря на активные действия администраций национального парка «Хвалынский», г. Хвалынска, Хвалынского муниципального района, современное состояние туризма в рамках культурных ландшафтов территории остается в зачаточной стадии, что связано с рядом причин, среди которых: а) недостаточное позиционирование территории и ее туристского потенциала на российском и международном туристских рынках; б) отсутствие туристской инфраструктуры приемлемого уровня, соответствующей действующим международным и российским стандартам; в) нигилистическое отношение туристских фирм региона и страны к продвижению туристских возможностей муниципального образования; г) относительная дороговизна предлагаемых в регионе туристско-экскурсионных программ; д) незначительное количество качественной сувенирной и печатной (путеводители, справочники, карты, краеведческая литература) продукции и т.д.

Итак, развитие туристского бизнеса в пределах культурных ландшафтов – дело, несомненно, необходимое и способное принести существенную прибыль. Однако для этого необходимо выполнение целого ряда условий. Так, на уровне Хвалынского муниципального образования необходимо:

1. Придать вышеозначенной территории определенный «туристский» статус – то есть закрепить ее статус в качестве особой экономической зоны туристско-рекреационного типа, формирующегося туристского кластера, культурного ландшафта, с соответствующим установлением особого режима ресурсопользования в пределах указанной территории.

2. Разработать и территориально маркировать в пределах культурных ландшафтов района систему туристских маршрутов и экскурсий, содержащих как рекреационно-оздоровительный, так и эколого-культурный и культурно-познавательный компоненты.

3. Выработать комплексную стратегию позиционирования района и его туристских возможностей с использованием соответствующего маркетингового инструментария: подготовка и распространение сувенирной и печатной продукции; разработка и реализация рекламных и пресс-туров; формирование экологических лагерей для школьников и студентов; ведение образовательной и просветительской работы; формирование туристских брендов и т.д.

4. Исправить сложившуюся ситуацию с развитием туризма сможет смена приоритетов в социально-экономическом развитии региона и реализация ряда крупных инвестиционных проектов в сфере регионального туризма (например, создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа регионального уровня) на основе государственно-частного партнерства.

5. Краеугольным камнем развития туризма в любом регионе России, в том числе и в Саратовской области, является состояние ее туристской инфраструктуры. В силу того, что за последние годы наблюдается достаточно быстрое развитие инфраструктурной составляющей туризма в пределах хвалынского культурного ландшафта, следует продолжить работу в данном направлении, а также предусмотреть дополнительные вложения в туристскую инфраструктуру.

6. Реализация вышеуказанных направлений немыслима без программирования туризма – то есть без разработки региональных и муниципальных программ развития сферы внутреннего и въездного туризма. Если на региональном уровне такие программы существуют, то на муниципальном уровне положительных примеров разработки таких программ – единицы, причем не только на уровне области, но и на уровне всей страны.

Елена Тотонова¹

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE ARCTIC REGIONS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект №15-18-20047).

Предлагаемая статья посвящена анализу перспектив развития туризма в арктических районах Республики Саха (Якутия) с точки зрения вклада в развитие экономики и малого предпринимательства, а также влияние на уровень жизни коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: туризм, Республика Саха (Якутия), Арктика

This article is devoted to analysis of prospects for the development of tourism in the Arctic regions of the Republic of Sakha (Yakutia) in terms of contribution to the economy and small businesses, as well as the impact on the standard of living of indigenous peoples.

Key words: Tourism, Republic of Sakha (Yakutia), Arctic

На современном этапе развития мировой экономики возрастает роль их северных регионов в решении геополитических, социальных, экономических, научных, экологических проблем. Основной проблемой в развитии северных территорий является ограниченность использования существующих факторов экономического развития. В результате происходит удорожание производимых работ, развитие сырьевой специализации, недостаточная освоенность территорий, высокая стоимость жизни и преобладание традиционного природопользования. Поэтому экономическое развитие северных территорий нуждается в поиске новых механизмов адапта-

¹ Тотонова Елена Егоровна, кандидат географических наук, доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета. E-mail: elena.totonova@mail.ru

Elena Totonova – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ции к суровым условиям жизнедеятельности и изменениям современной экономики, с сохранением традиционного образа жизни коренного населения.

Арктические районы Республики Саха, в состав которых входят территории Анабарского, Булунского, Усть-Янского, Аллаиховского, Нижнеколымского районов занимают широкой полосой прибрежную часть Северного Ледовитого океана. Общая площадь территории составляет 593,9 тыс.кв.км. где расположено 43 поселения. Расположение многих населенных пунктов (население 33 тыс. человек) по побережью связано с богатыми запасами рыб и удобному транспортному расположению по побережью рек (Лена, Оленек, Яна, Индигирка, Колыма). Крайне низкая плотность населения (0,1) и малонаселенность связано с дискомфортными условиями для проживания человека и удаленностью от центра республики.

При рассмотрении особенностей социально-экономического развития арктических районов наблюдается достаточно сильная дифференциация между районами. То есть, для арктических районов характерно выборочное вовлечение в эксплуатацию природных ресурсов, очаговое размещение производства, наличие существенных диспропорций в экономике, снижающие эффективность производства (табл. 1). Например, в Аллаиховском и Нижнеколымском районах преобладает традиционное природопользование (оленьеводство, рыболовство), отсутствует производство [4; 5].

Таблица 1

**Основные показатели экономики арктических улусов
Республики Саха (Якутия), 2012 г.**

№	Районы	Среднедушевые доходы населения в месяц, тыс. руб.	Численность безработных граждан, тыс. чел.	Объем отгруженных товаров и услуг собственн. произ-ва, млн.руб	Объем розничной торговли, млн руб	Объем платных услуг населению млн руб	Общая площадь введенного жилья кв.м
1	Аллаиховский	19,79	0,11	152,3	255,6	35,2	-
2	Анабарский	35,78	0,07	14073,6	343,6	32,5	1902
3	Булунский	19,70	0,12	1684,6	605,1	88,0	306
4	Нижнеколымский	18,26	0,09	281,5	364,0	67,7	431
5	Усть-Янский	22,00	0,19	688,9	627,3	119,1	615

Рассчитано по данным: [7; 8]

Благодаря наличию минерально-сырьевых ресурсов Усть-Янский (золото, олово), Булунский и Анабарский (алмазы) районы имеют развитую добывающую промышленность. Поэтому наибольшие показатели по объему отгруженных товаров и услуг

собственного производства имеют промышленные районы. Например, до недавнего времени Усть-Янский район добывал основную часть олова, сурьмы, вольфрама для экономики страны (табл. 1). Но, несмотря на высокую заработную плату добывающих отраслей и государственную политику привлечения коренных жителей в промышленность среди местного населения преобладает традиционное природопользование [5].

На уровень жизни коренных малочисленных народов Севера большое влияние оказывает развитие домашнего оленеводства и охота на дикого оленя. В 5 арктических районах сосредоточено 70 тыс. голов оленей или 35% от поголовья оленей республики. Наибольшее число поголовья оленей имеют Нижнеколымский, Булунский районы. В середине 1990-х годов произошло спад развития оленеводства, процесс уменьшения поголовья удалось остановить лишь в 2003 году, к чему во многом способствовал мораторий на заготовку мяса домашних оленей [7; 8].

Рыболовство является основной доходобразующей отраслью производства, для большинства жителей арктических районов и является единственным источником существования, трудовой занятости. По данным 2013 года выдана 1961 квота на распределение рыбучастков по республике, из которых 37 % квоты было выделено 5 арктическим районом (731 квота) [4].

Основной проблемой рыболовецких хозяйств является обеспечение сохранности качества рыбы при хранении и транспортировке, слабая материально-техническая база, раздробление хозяйств на мелкие. В результате происходит снижение показателей вылова рыбы арктических районов. Тем не менее, рыболовецкие хозяйства арктических районов обеспечивают 73% от всего улова по республике [5].

В результате анализа экономики арктических районов можно сделать вывод, что наиболее развитыми являются районы, имеющие запасы полезных ископаемых Анабарский, Булунский, Усть-Янский (алмазы, золото, олово, вольфрам и др.). Добыча алмазов в Анабарском районе является бюджетобразующей, но не развиты другие виды производства и район, практически, зависит от деятельности ООО «Алмазы Анабара» и ОАО «Нижне-Ленское».

В настоящее время традиционные виды хозяйствования неконкурентоспособны, что обусловлено высокими транспортными затратами на перевозку продукции, отсутствием современных предприятий по комплексной переработке сырья. Кризисное состояние традиционных отраслей хозяйства привело к обострению социальных проблем. Большинство сельского населения не имеет работы и живет за чертой бедности. Уровень безработицы в 1,5-2 раза превышает средний по Российской Федерации, а специфика рыбодобывающих хозяйств имеет сезонность рыбодобычи (летняя путина: конец июнь-сентябрь, зимняя путина ноябрь-декабрь) [4; 5].

Современными тенденциями развития экономики арктических районов является усиление роли малого предпринимательства как наиболее динамичной и гибкой формы деловой жизни. За последнее время малое предпринимательство зарекомендовало себя как одно из самых динамично развивающихся и жизнеспособных сфер экономики, позволяющая создать атмосферу конкуренции, способствующая сокращению безработицы и увеличению численности занятых в отраслях материального производства (табл. 2).

Таблица 2

**Показатели деятельности малых предприятий арктических районов
Республики Саха (Якутия) за 2000-2010 г.**

	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	В % 2010 к 2000 г.
Число малых предприятий, единиц										
РС (Я)	2598	2462	2575	2577	2947	3295	4275	4952	5012	192,9
Аллаиховский	8	8	6	8	8	10	9	7	8	100,0
Анабарский	-	4	2	5	9	9	13	8	9	225,0*
Булунский	25	23	24	23	32	37	35	39	39	156,0
Нижне- колымский	9	1	-	-	12	13	16	21	26	288,9
Усть-Янский	39	32	41	43	56	57	61	68	67	171,8
Среднесписочная численность работников, человек										
РС (Я)	16453	18970	20073	22396	23762	28175	37995	42464	44536	270,7
Аллаиховский	183	157	121	121	123	138	123	118	117	63,9
Анабарский	-	55	8	14	42	28	44	45	36	65,5*
Булунский	159	148	211	182	189	209	226	240	258	162,3
Нижне- колымский	33	1	-	-	31	19	44	124	162	490,9
Усть-Янский	389	215	207	287	358	396	446	439	447	114,9
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, рублей										
РС (Я)	2475,3	5751,4	6699,1	7795,9	9574,3	12424,4	14441,0	16127,4	18517,0	748,1
Аллаиховский	2733,9	5345,6	6097,0	6190,4	8026,7	9630,0	11068,8	10960,7	11967,2	437,7
Анабарский	-	2012,4	8947,9	8306,5	17368,3	7223,2	9904,2	7827,2	8217,6	408,3*
Булунский	1102,7	1749,4	1390,8	2345,0	2691,4	5020,2	6475,4	7723,1	8784,5	796,6
Нижне- колымский	2950,5	-	-	-	7768,3	8888,2	15793,8	8857,3	9282,3	314,6
Усть-Янский	3054,3	1812,0	5085,0	6209,7	8138,9	10936,7	13290,1	16041,3	15339,8	502,2

Ист.: [2; 6]

Согласно по данным 2010 года, количество субъектов малого предпринимательства в арктических районах составило 149 ед. В структуре субъектов малого предпринимательства по видам экономической деятельности преобладает розничная торговля (Булунский, Усть-Янский), строительство (Усть-Янский), обрабатывающая промышленность (переработка рыбы в Аллаиховском районе), сельское хозяйство (Нижнеколымский, Булунский) и другие виды деятельности. Среднесписочная численность работников малых предприятий по арктической группе районов составляет 720 человек. Наибольшее количество занятых наблюдается в Усть-Янском (447 чел.), Булуном (258 чел.) районах, наименьшее в Анабарском (36 чел.). Наибольшая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в размере 15,3 тыс. руб. наблюдается в Усть-Янском районе, наименьшее в Анабарском – 8,2 тыс. рублей. В целом, за 2008-2011 гг. происходит рост показателей деятельности малых предприятий (табл. 3). Но, уровень развития малого бизнеса в арктических районах значительно отстает от развития данного сектора в центральных и южных районах [5].

**Оборот малых предприятий (без учета микропредприятий)
арктических районов РС (Я), за 2008-2011 гг. (тыс. руб.)**

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Всего по Республике Саха	54612314,4	6431723,6	80753761,0	83624063,9
Аллаиховский	31099,8	32780,1	40463,1	73149,3
Анабарский	35090,9	23808,5	55741,7	32493,8
Булунский	151904,9	192115,1	188175,2	201228,8
Нижнеколымский	39456,9	23114,7	48666,5	76625,5
Усть-Янский	394317,5	357361,4	42168,3	581001,6

Ист.: [2; 6]

В настоящее время значительная роль в решении проблемы развития малого предпринимательства отводится сфере услуг, и в частности индустрии туризма, которая может стать реальной возможностью для развития малых форм хозяйствования. Туризм имеет большой потенциал для привлечения предпринимательских ресурсов, не требует таких больших капиталовложений, способствует по созданию рабочих мест.

В сложившихся условиях значительная роль в решении проблемы развития малого предпринимательства отводится сфере услуг, и в частности индустрии туризма, которая может стать реальной возможностью для развития малых форм хозяйствования. Туризм имеет большой потенциал для привлечения предпринимательских ресурсов, не требует таких больших капиталовложений и является индустрией номер один по созданию рабочих мест. Учитывая туристский потенциал и неразвитость туризма в настоящее время, повышенное внимание с позиции вложения капитала является сейчас чрезвычайно актуальным.

В настоящее время основные направления сервиса и туризма могут развиваться при помощи малого предпринимательства. К этим направлениям можно отнести гостиничный бизнес (в последнее время в мире становятся все более популярными малые отели), сектор услуг туристских агентств, развитие народных промыслов, создание новых турмаршрутов, развитие общественного питания [4; 5].

Размещение туристов является составной частью развития туризма, а количество мест в гостиницах или любых других видах средств размещения является основным показателем, используемым для оценки эффективности работы и реальной возможностью приема туристов. Немаловажные тенденции развития сферы туризма в целом и важнейших составляющих можно выявить, анализируя данные гостиниц и коллективных средств размещения. По сравнению с другими туристскими районами арктический район имеет наименьшее количество гостиниц и аналогичных средств размещения. Проблемой является недостаток КСР и недостаточная заинтересованность инвесторов в строительстве гостиниц. Наибольшее количество лиц размещенных в гостиницах наблюдается в Булунском районе, где по данным 2012 год было

обслужено 1296 человек, которые в среднем провели 2,5 ночевков в КСР. Хорошие показатели имеют Усть-Янский район (обслужено 91 человек, 8,6 ночевков) и Нижнеколымский район (125 человек и 2,8 ночевков). Несмотря на определенный рост количества обслуженных человек в гостиницах, эти показатели намного скромнее по сравнению с центральными районами республики (табл. 4). Но, в целом, за 2009-2012 гг. в арктических районах наблюдается заметный рост гостиничных услуг.

Таблица 4

Гостиницы и аналогичные средства размещения по районам за 2009-2012 гг.

Параметры	2009 г.	2011 г.	2012 г.	В % 2012 к 2009 г.
Всего по республике				
Число КСР	104	109	121	116,3
Число номеров, ед.	1300	1145	1145	88,1
Число мест, ед.	2655	2144	2171	81,8
Число ночевков, ед.	263231	270656	256574	97,5
Численность размещенных лиц, ед.	103145	111530	120716	117,0
Объем гостиничных услуг, тыс. руб.	315300,5	645500,0	690600,0	219,0
Аллаиховский				
Число КСР	-	1	2	200,0*
Число номеров, ед.	-	2	3	150,0*
Число мест, ед.	-	5	7	140,0*
Число ночевков, ед.	-	120	135	112,5*
Численность размещенных лиц, ед.	-	25	35	140,0*
Объем гостиничных услуг, тыс. руб.	-	-	330	-
Анабарский				
Число КСР	1	-	-	-
Число номеров, ед.	6	-	-	-
Число мест, ед.	12	-	-	-
Число ночевков, ед.	765	-	-	-
Численность размещенных лиц, ед.	304	-	-	-
Объем гостиничных услуг, тыс. руб.	839,1	1084,5	1149,5	137,0
Булунский				
Число КСР	2	3	4	200,0
Число номеров, ед.	38	25	28	73,7
Число мест, ед.	116	76	77	66,4
Число ночевков, ед.	3746	4084	3287	87,7
Численность размещенных лиц, ед.	1375	1224	1296	94,3
Объем гостиничных услуг, тыс. руб.	2481,6	2512,3	2962,9	119,4
Нижнеколымский				
Число КСР	-	1	1	100,0*
Число номеров, ед.	-	4	4	100,0*

Число мест, ед.	-	10	10	100,0*
Число ночевок, ед.	-	346	350	101,2*
Численность размещенных лиц, ед.	-	120	125	104,2*
Объем гостиничных услуг, тыс. руб.	203,5	220,8	1400,5	688,2*
Усть-Янский				
Число КСР	3	-	2	66,7
Число номеров, ед.	8	-	5	62,5
Число мест, ед.	57	-	11	19,3
Число ночевок, ед.	4217	-	789	18,7
Численность размещенных лиц, ед.	300	-	91	30,3
Объем гостиничных услуг, тыс. руб.	-	990,0	1068,3	107,9*

Составлено по: [7; 8]

Примечание: *Изменение 2012 г. к 2011 г. в %

Особенностью арктических районов является их информационная замкнутость, изоляция от глобальных и национальных информационных систем. Развитие информационных систем арктических поселков, связывающих их с внешними центрами, помимо решения конкретных экономических и социальных проблем, обеспечивает условия для преодоления ловушки информационного исключения, информационного разрыва [1]. Перспективы использования современных информационных систем и технологий в арктических районах намного отстают от центральных районов. На территории всех арктических районов (в основном районных центрах и больших поселках) функционируют предприятия связи – филиал ОАО «Сахателеком», отделение почтовой связи УФПС РС (Я) филиала «Почта России», ОАО «Мегафон» и ОАО «МТС». В настоящее время, использование новых информационных технологий ведет к созданию более совершенного рынка, с минимальным количеством промежуточных звеньев между покупателем и продавцом. Поэтому для арктических районов является актуальным развитие информационных систем и технологий.

Хотя, арктические районы обладает потенциалом для развития туризма, потенциал местных сообществ не реализован полностью. Поэтому в условиях недостаточности средств для развития инфраструктуры природные условия и ресурсы могут позволить развитие природных видов туризма (экологический, спортивный, этнографический, научный, круизный, познавательный, рыболовно-охотничий и др.). В последнее время увеличивается количество туристов, желающих посетить Арктику и популярность отдыха с экологически чистой природой приводит не только к появлению новых видов северного туризма, но и увеличению предложения. Для арктических районов актуальным является развитие экологического, культурного, научного, экстремального туризма, спортивной охоты, рыбалки и круизов [4].

Основой развития экологического туризма является сеть ООП, природно-рекреационные ресурсы которых привлекают туристов и являются рыночным турпродуктом. Экологический туризм ООПТ, согласно международным нормам подразуме-

вает вовлечение местного населения в предпринимательскую деятельность по изготовлению сувенирной продукции, предоставлению услуг общественного питания, гидов, проводников и др. Также экотуризм рассматривают как механизм самофинансирования охраняемых территорий, поэтому экономическая составляющая является преобладающей, но при этом учитывается экологическая безопасность. ООПТ в пределах которого сосредоточены основные ресурсы биологического и ландшафтного разнообразия представляют наибольший интерес для развития экологического туризма. Основной функцией ООПТ является сохранение природных комплексов в состоянии, близком к естественному.

Таким образом, при оптимальном государственном регулировании и поддержке экономического развития северных территорий развитие туризма может стать локомотивом локального развития. Так как туриндустрия состоит из большого количества связанных и поддерживающих друг друга разных отраслей она может способствовать развитию малого и среднего бизнеса. Учитывая, что туризм является одной из ведущих отраслей электронной торговли происходит не только расширение потребительской аудитории северного турпродукта, но и развитие инфраструктуры и коммуникаций. В результате северный турбизнес проходит адаптацию к изменяющимся запросам глобального туррынка и происходит формирование сетевой экономики как основного показателя постиндустриализации общества [3].

Но, преобладание одностороннего, меридионального направления сети транспорта, особенно на Севере, в условиях сезонности, труднопроходимости, больших расстояний приводит к преобладанию «дорогого» воздушного транспорта (основного на Севере). При этом изношенность материально-технической базы транспортной системы (80%) и зависимость от сезонных условий усиливают удаленность от центра республики.

Существующая транспортная сеть арктических районов республики с преобладанием меридионального направления «юг – север» сформировалось в результате:

- наличия крупных северных рек бассейна Северного Ледовитого океана, которые позволяют использовать суда класса «река-море» и «море-река» для обеспечения северного завоза;
- сети федеральных автомобильных дорог «Лена», «Колыма».

Низкая транспортная доступность северных районов республики, неразвитость сети автомобильных дорог являются фактором тормозящим развитие туризма в данной зоне. В последние годы усиливается проблема малой авиации (которой нет альтернативы на Севере) из-за недостаточной платежеспособности населения и высоких затрат на содержание аэропортов. Финансовые возможности северных районов не могут решить данную проблему, поэтому субсидирование развития воздушного транспорта должна быть приоритетной политикой регионального развития.

Транспортировка туристских групп возможна лишь воздушным (вертолетным), либо водным транспортом. Многие трудности в развитии производительных сил зоны обусловлены в первую очередь ненадежностью транспортных коммуникаций и высокой стоимостью перевозок. Таким образом, расширение масштабов туризма

в Якутии напрямую зависит от развития авиации и речного флота на внутренних линиях. Исходя из этого, остро стоит проблема развития внутренних и межрайонных перевозок в широтном направлении, что в будущем существенно расширило бы географию туристских маршрутов, в особенности в отдаленных районах республики.

Итак, анализ природных и социально-экономических показателей арктических районов Республики Саха дает основание для выделения двух локальных точек роста развития туризма (п. Тикси и в будущем п. Черский). Как показывает опыт развития туризма в Булуномском районе, освоение природных ресурсов для туристских целей начинается с наиболее транспортно доступных мест (узлы). Например, п. Тикси является северными «воротами» Республики Саха. Поэтому основными признаками локальных центров туризма являются туристская специализация, степень ее развития, уровень рекреационной освоенности территории, общность проблем перспективного развития отдельных частей рассматриваемой территории с позиции туризма. Локальной опорой развития арктического туризма является Нижнеколымский район, имеющий также речной порт, ООПТ, разработанные интересные маршруты [4; 5].

Учитывая удаленность северных территорий, особую значимость приобретает развитие информационных технологий не только для управления, но и для экономики социальной сферы Севера. Это определяется тем, что они позволяют снижать стоимость государственных услуг для населения, уменьшают транзакционные издержки, способствуют налаживанию экономических и социальных связей. При этом возникает «эффект нового ресурса», который оказывается доступным и северным территориям и вызывающий прямое участие без посредников на региональные и мировые рынки. Следовательно, основная цель регулирования в рамках данного концептуального положения – развитие информатизации экономики, управления, социальной сферы северных территорий.

В условиях активно развивающейся сетевой экономики усиливается процесс распространения информации в пространстве. Кроме того, открытость рынка и рост уровня образования, подвижности и доходов населения являются факторами развития сетей в экономике. Эти же факторы требуют совершенствования туристского бизнеса и использования информационных технологий.

В результате анализа развития арктических районов выявлено, что развитие туризма может стать локомотивом регионального развития. Экономическое зонирование рассматривается как один из методов стратегического анализа, позволяющего выявить и оценить пространственную неоднородность территории, опираясь на которой можно разрабатывать определенную стратегию развития. Также развитие туризма имеет также огромное значение с точки зрения создания позитивного образа республики, что сделает регион привлекательным не только для туризма, но и для инвестиций в другие сферы деятельности; увеличения налоговых поступлений в региональный бюджет, а также обеспеченности занятости населения; повышения образовательного и культурного уровня населения.

Литература

1. Пилясов, А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания / А.Н. Пилясов ; Гос. науч.-исслед. учреждение «Совет по изучению производ. сил». – Москва : ЛИБРОКОМ, 2008. – 542 с.

2. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия) : стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган федерал. службы гос. статистики по Респ. Саха (Якутия). – Якутск, 2001-2012. – Якутск : Якутский край, 2012. – 740 с.

3. Тотонова, Е.Е. Северный туризм и возможности развития северных территорий / Е.Е. Тотонова // Вестник Национальной академии туризма. – 2013. – № 3. – С. 30-33.

4. Тотонова, Е.Е. Арктические районы Республики Саха (Якутия) и возможности адаптации к рынку / Е.Е. Тотонова, С.С. Слепцов // Концепт. – 2014. – № 09 (сентябрь). – ART 14249. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14249.htm>. – Гос. рег. Эл No ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

5. Тотонова, Е.Е. Современные особенности пространственного развития арктических районов Республики Саха (Якутия) / Е.Е. Тотонова, С.С. Слепцов // Экономика и управление. – 2014. – № 2 (100). – С. 19-23.

6. Экономика районов и городов Республики Саха (Якутия) за 1990, 2000, 2005-2012 гг. : статистический сборник / Территориальный орган ФСГС по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2011. – 223 с.

7. <http://sakha.gks.ru>

8. <http://sakha.gov.ru/>

References

1. Piljasov A.N. I poslednie stanut pervymi: severnaja periferija na puti k jekonomike znanija / A.N. Piljasov ; Gos. nauch.-issled. uchrezhdenie «Sovet po izucheniju proizvod. sil». – Moskva : LIBROKOM, 2008. – 542 s.

2. Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Saha (Jakutija): stat. Sb. /Feder. sluzhba gos. statistiki, Territor. organ federal. sluzhby gos. statistiki po Resp. Saha (Jakutija). – Jakutsk, 2001-2012. – Jakutsk : Jakutskij kraj, 2012. – 740 s.

3. Totonova E.E. Severnyj turizm i vozmozhnosti razvitija severnyh territorij // Vestnik Nacional'noj akademii turizma. – 2013, № 3. Str. 30-33.

4. Totonova E.E., Slepcev S.S. Arkticheskie rajony Respubliki Saha (Jakutija) i vozmozhnosti adaptacii k rynku // Koncept. – 2014. – № 09 (sentjabr'). – ART 14249. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14249.htm>. – Gos. reg. Jel No FS 77-49965. – ISSN 2304-120X.

5. Totonova E.E., Slepcev S.S. Sovremennye osobennosti prostranstvennogo razvitija arkticheskikh rajonov Respubliki Saha (Jakutija) // Jekonomika i upravlenie. – 2014. № 2 (100). Str. 19-23.

6. Jekonomika rajonov i gorodov Respubliki Saha (Jakutija) za 1990, 2000, 2005-2012 gg.: Statisticheskij sbornik / Territorial'nyj organ FSGS po Respublike Saha (Jakutija). – Jakutsk, 2011. – 223 s.

7. <http://sakha.gks.ru>

8. <http://sakha.gov.ru/>

Юрий Данилов¹, Павел Платонов²

КРУПНОМАСШТАБНАЯ ЛАНДШАФТНАЯ КАРТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РРПЗ «СУНТАР-ХАЯТА»*

CREATION OF LANDSCAPE MAP OF THE NORTH-WESTERN PART OF THE CONSERVATION AREA «SUNTAR-HAYATA»

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Эта статья посвящена созданию ландшафтной карты северо-западной части ресурсного резервата республиканского значения «Сунтар-Хаята», находящейся в южном Верхоянье. При работе были использованы методы полевых исследований ландшафта, дистанционного зондирования, дешифровки космоснимков.

Ключевые слова: география ландшафтов, ландшафтно-типологические комплексы локального уровня дифференциации, дистанционное зондирование, дешифрирование космоснимков.

This article focuses on the creation of landscape map of the North-Western part of the conservation area «Suntar-Hayata», located in the Southern Verkhoyanye. Methods of fieldwork landscape, remote sensing, satellite imagery decryption were used in a research.

Key words: Geography landscape, landscape-typological complexes of the local level of differentiation, remote sensing, interpretation of satellite images.

Целью исследования является создание крупномасштабной ландшафтной карты северо-западной части ресурсного резервата республиканского значения «Сунтар-Хаята».

¹ Данилов Юрий Георгиевич, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. E-mail: dan57sakha@s-vfu.ru.

Yuri Danilov, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Geography, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

² Платонов Павел Павлович, студент Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. E-mail: Crocuta@mail.ru

Pavel Platonov, Student, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

В мерзлотно-ландшафтном районировании РС (Я), исследуемая территория относится к группе провинций с горно-тундровыми и горно-редколесными природными комплексами сплошного распространения многолетнемерзлых пород (ММП) физико-географической страны Северо-западной Сибири¹.

Исследуемая территория расположена в пределах альпинотипного высокогорья, где основная водораздельная гряда четко прослеживается в северо-западном направлении от верховьев рек Некучан и Харчан до ручья Кюрбелях и далее к реке Менкюле.

Основные и боковые водораздельные гряды в пределах полигона характеризуются сложным зубчатым продольным профилем с постепенно уменьшающимися к северо-западу абсолютными отметками вершин. Гребни у них обычно узкие, скалистые, с резкими перепадами абсолютных отметок вершин и водораздельных седловин. Склоны отличаются большой крутизной, часто имеют ступенчато-скалистое строение и во многих местах расчленены глубоко врезанными каньонообразными долинами рек².

Хочется отметить разнообразие ландшафтов северо-западной части ресурсного резервата «Сунтар-Хаята»: горно-пустынный тип ландшафтов, горно-тундровый тип ландшафтов, подгольцовый (кустарниковый) тип ландшафтов, горно-редколесный тип ландшафтов, горно-таежный тип ландшафтов (при выделении ландшафтов использована классификация Федорова А.Н.³).

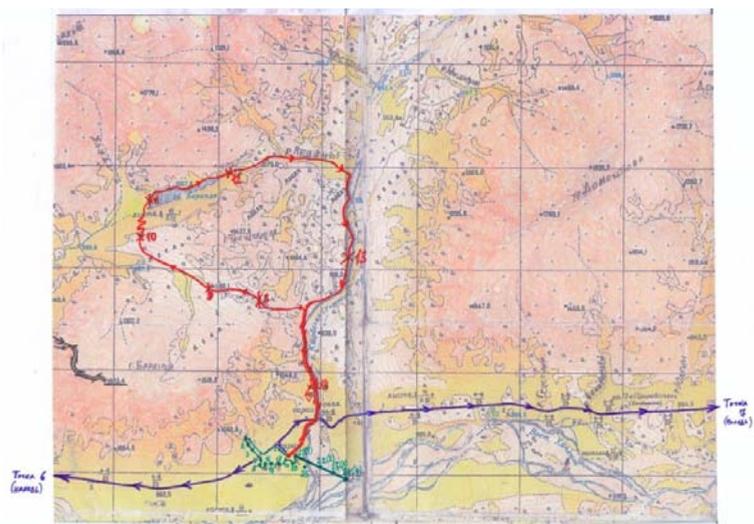

Рис. 1. Маршрут полевой практики

¹ Федоров А.Н. Мерзлотно-ландшафты Якутии: методика выделения и вопросы картографирования. – Якутск : Ин-т мерзлотоведения СО АН СССР, 1991.

² Коростелев В.И. Краткий очерк геологического строения севера Южно-Верхоянского синклинория. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1980.

³ Федоров А.Н. Мерзлотно-ландшафты Якутии: методика выделения и вопросы картографирования. – Якутск : Ин-т мерзлотоведения СО АН СССР, 1991.

Полевые работы проводились на территории северо-западной части ресурсного резервата республиканского значения «Сунтар-Хаята» в июле 2014 года. До выезда в поле, в результате обработки космоснимков нами определены предположительные ландшафтные контуры, для уточнения которых, был намечен рекогносцировочный маршрут (рис. 1).

Рекогносцировка была проведена по трем маршрутам с целью выбора оптимального положения ключевых участков исследования. Выбор ключевых участков произведен на разных формах микрорельефа, природно-территориальные комплексы, на основных элементах рельефа заложены точки комплексных описаний. Объектами непосредственного ландшафтного изучения в данном полевом исследовании выступили природно-территориальные комплексы локального уровня дифференциации – фации (рис. 2, 3, 4).

На опорной точке номер 1 был заполнен бланк описания фаций в следующем порядке: номер точки, привязка к карте с помощью GPS навигатора, географическое положение, привязка к месту расположения, описание рельефа, описание почвенного разреза, описание растительности (табл. 1). Было дано название фитоценоза, фации, указана дата заполнения.

Таблица 1

Пример описания точки исследования из сводной таблицы

Точка №	Привязка к карте	Привязка к месту расположения	Описание рельефа			Описание почвенного разреза		Описание растительности			Название фации	
			Мезорельеф	Микрорельеф	Нанорельеф	горизонты	Название почв	Состав древесной	Кустарники и кустарнички	Травостой		Название фитоценоза
1	63°06,881'СШ; 139°03,381'ВД h = 939,3 м (6,5 м)	Нижняя часть осыпного склона подножья г. Баранья (ю-ю-в склон), в 250 м. от дороги (500 м. к с-с-з от лагеря ГРФ	Нижняя часть склона г. Баранья (ю-ю-в склон)	Подножные осыпи	Крупные камни 1,2 x 1,5 x 2,0 м	A0 Сильно каменистая поверхность, сплошной моховой покров; А1 2-3 см тёмно-коричневого цвета	Слаборазвитые каменистые палево-почвы	Кол-во ярусов 2. Нет	Смородина 20 см – сплошной; Р2 30 см – редкий; Р3 40 см – 1 м прореженный, багульник 10-40 см – сплошной; шиповник 20-50 см редкий; ольха 70-90 см прореженный	Р6: высота 10-20 см, ветг, Проективнос покрытие 5%, Обилие редко; Мох: высота 2-4 см, проективное покрытие 75%, фоновое; Брусника: 5см, вегетация, редко	Смородиново-багульниковые зеленые мощные заросли	Склон нижней части подножья г. Баранья со смородиново-багульниковыми зеленомошными зарослями на слабо-развитых каменистых палево-почвах

Рис. 2, 3, 4. Опорная точка номер 1

На исследуемом участке, таким образом, описано 25 ключевых точек. После генерализации и типизации всех описанных фаций, выделено 8 типов урочищ. Основными критериями выделения типов урочищ служат: литологический состав отложений, характер микрорельефа, почвенно-растительный покров.

Спектральные снимки, использованные в работе, выполнены спутником Landsat 8, они находятся на сайте геологической службы. Они были скомбинированы с помощью программы IDRISI 17 The Selva edition.

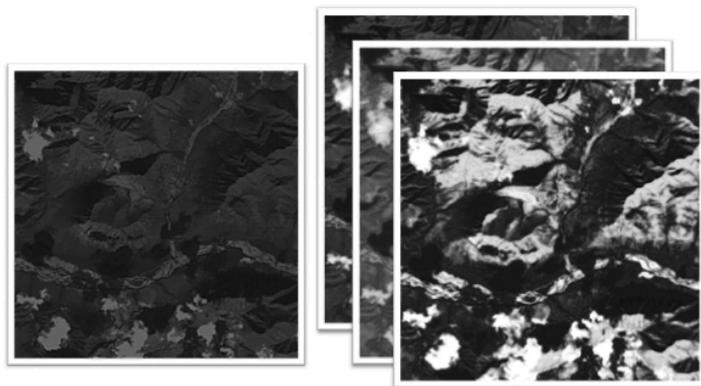

Рис. 5. Спектральные снимки (слева в одном спектре, справа различные комбинации)

В комбинации спектральных снимков 7-5-3 (SWIR-NIR-Green) светло-зеленый цвет соответствует второй опорной точке, этот же цвет виден по всему периметру на определенной горизонтали. Можно так же отметить то, что один цвет на одной комбинации снимков (сине-зеленый) соответствует двум опорным точкам, тогда как при комбинировании в порядке 5-6-4 этим точкам соответствуют разные цвета (табл. 2).

Таблица 2

Соответствие цветов спектра и фаций*

№	Комбинация 7-5-3 (цвет)	Комбинация 5-6-4 (цвет)	Название фации
1	Светло-зеленый	Оранжевый	Пологий склон нижней части г.Баранья с лиственничным редколесьем ольховниковым бруснично-ягельным на маломощных тяжелосуглинистых перегнойных сильнокаменистых почвах, подстилаемых каменным материалом.
2	Темно-зеленый	Коричневый	Терраса реки Кюрбелях с лиственничным лесом бруснично-шиповниковым зеленомошным на мерзлотных горно-тундровых подбурях супесчаных
3	Розовый	Светло-зеленый	Курумы, горная тундра
4	Сине-зеленый	Серо-коричневый	Коренной пологий склон ручья с лиственничным редколесьем ольховниковым багульниково-ягельным на мерзлотных горно-тундровых подбурях, среднесуглинистых
5	Сине-зеленый	Розовый	Северо-западный берег озера Берендя с лиственничным лесом голубичным на мерзлотно-торфяных верховых почвах

* Составлено авторами

Для составления ландшафтной карты была использована методика наложения. Полученные с помощью наложения комбинированные спектральные снимки и карта предварительных ландшафтных контуров были наложены друг на друга (рис. 6).

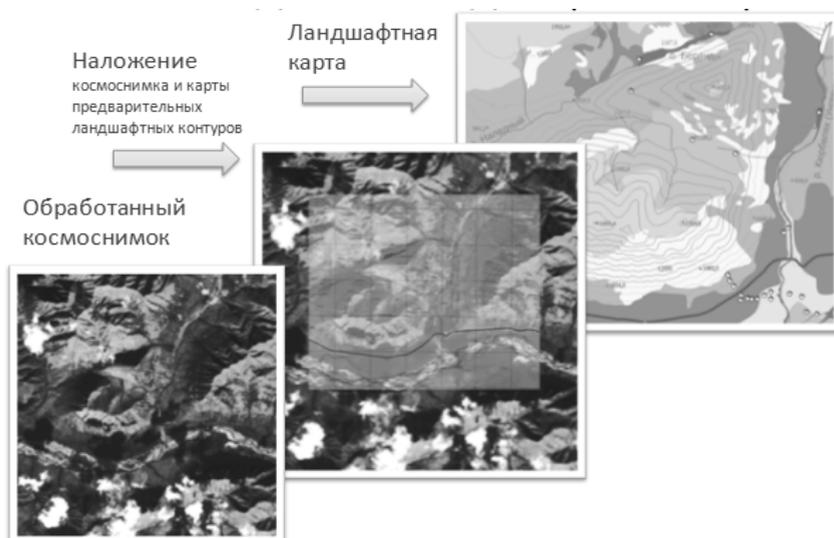

Рис. 6. Этапы создания ландшафтной карты

После чего в соответствии со сводной таблицей была составлена ландшафтная карта северо-западной части ресурсного резервата республиканского значения «Сунтар-Хаята», масштабом 1:25000 (рис. 7)

Итак, **нами** проведено полевое ландшафтное исследование, включающее в себя описание фаций, сбор образцов, фотографирование. Полевые работы проводились на территории северо-западной части ресурсного резервата «Сунтар-Хаята» в июле 2014 года. Кроме того, нами создана карта предварительных ландшафтных контуров, а также изучены методы работы с космоснимками. После чего произведена обработка и дешифрирование спектральных снимков спутника Landsat 8. С помощью методов наложения была составлена ландшафтная карта северо-западной части ООПТ РРРЗ «Сунтар-Хаята».

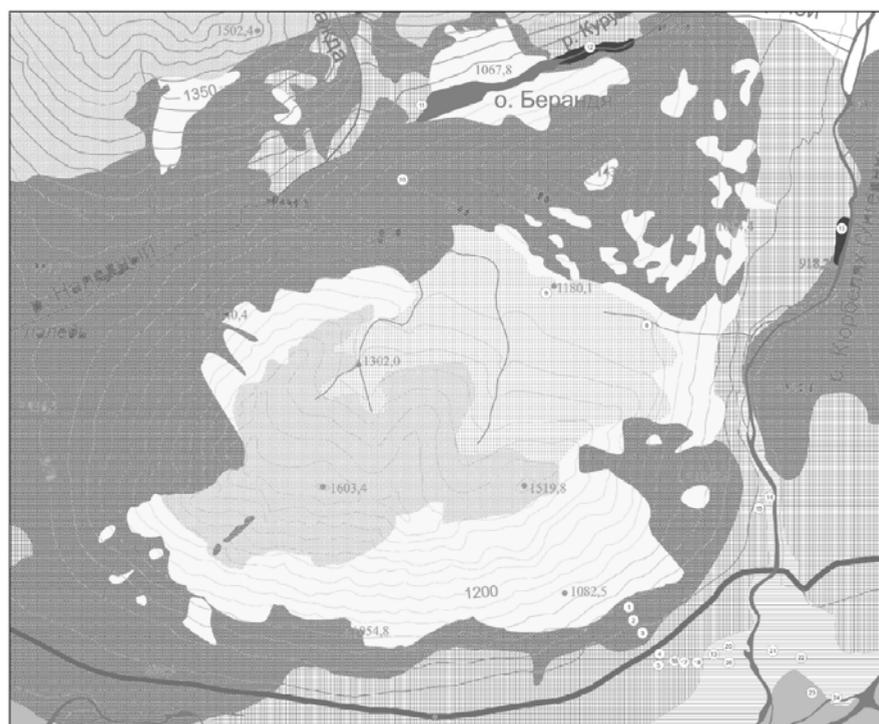

Рис. 7. Ландшафтная карта северо-западной части ПРЗ «Сунтар-Хаята»

Галина Гнатюк¹, Жанна Дегтева²

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ЯКУТИИ*

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL FEATURES OF THE FORMATION OF ETHNIC AND CULTURAL LANDSCAPES IN YAKUTIA

* Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».

Авторы, используя историко-географический подход, выделяют периодизацию этнокультурных ландшафтов Якутии. Отмечается роль христианства, административно-управленческого обустройства Якутии в формировании культурных ландшафтов рассматриваемой территории.

Ключевые слова: ландшафт, Якутия, историческая география

The authors, using historical and geographical approach, allocate periodization of ethnocultural landscapes of Yakutia. The special role of Christianity, administrative and management arrangement of Yakutia in shaping of the cultural landscape of the territory, is stated in the article.

Key words: landscape, Yakutia, historical geography

В исследованиях применялся историко-географический подход, который позволяет не только осуществить историко-географическую периодизацию и выявить историко-географические особенности формирования культурных ландшафтов, но и исследовать временные срезы в системе «природа-этнос-хозяйство», определить этнокультурные изменения на конкретной территории.

¹ Гнатюк Галина Анисимовна, кандидат географических наук, профессор кафедры географии Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: ga.gnatiuk@s-vfu.ru.

Galina Gnatyuk, Candidate of Geographical Sciences, Professor, Department of Geography, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

² Дегтева Жанна Федоровна, заведующий учебно-научной лабораторией ландшафтоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: zhfn.degteva@s-vfu.ru

Zhanna Degteva, Head of Educational and Scientific Laboratory of Landscape, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Проведя анализ исторических событий, происходивших на территории Якутии, были выделены основные периоды формирования современных этнокультурных ландшафтов края:

- заселение края, формирование коренного населения Якутии (до XVII века);
- вхождение Якутии в состав России и начало освоения Ленского края (XVII в. – начало XX в.);
- промышленное и аграрное освоение Якутского края (с начала до конца XX в.);
- преобразования в социально-экономической системе (с конца XX в. по настоящее время).

Древнейшие следы существования человека на территории современной Республики Саха (Якутия) относят к палеолиту [3]. Проведя анализ археологических и этнографических материалов, А.П. Окладников, пришел к заключению, что из современных племен Севера имеют больше всего оснований претендовать на прямое происхождение от древнейшего этнического пласта Якутии – юагиры, обитавшие на этом пространстве до якутов и тунгусских племен [8]. Большинство исследователей склонны видеть в современных юагирах потомков древнейшего аборигенного населения Северо-востока Сибири [2].

С середины I тыс. н.э. на территорию Якутии стали проникать группы тунгусов. Необычайно широкое расселение тунгусов (эвенов и эвенков) в сочетании с их небольшой численностью представляет собой уникальное явление в человеческой истории [9]. К моменту контакта с русскими, тунгусы были рассеяны на огромных пространствах Сибири, и делились на ряд групп, отличавшихся особенностями хозяйства и быта. Согласно антропологическим, археологическим и лингвистическим данным, эвенки сложились на основе смешения местного населения Восточной Сибири с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья около I тыс. лет н.э. [5, 6].

Заселение края древними тюрко-и монголо-язычными этническими группами в XIII-XVII вв. привело к образованию народа саха (якутов) – народа сложного происхождения, тюркского по языку и северному по этнокультурному типу. Важнейшим отличием от соседей (оленеводов и охотников) у якутов было уникальное, самое северное пастбищное скотоводство – разведение крупного рогатого скота и лошадей [6].

Географическая дифференциация природных условий на данном этапе развития Якутии значительно повлияла на хозяйственную деятельность этнических общностей (рис. 1).

Вхождение Ленского края в состав России повлекло за собой распространение на этой территории государственного правопорядка, а также изменения статуса Якутии. Якутия стала играть важную роль как поставщик пушнины и опорная база для продвижения на северо-восток континента и дальше, в Северную Америку, землепроходцев и мореходов.

С 1623-1669 гг. на территории Ленского края появляется множество острогов и зимовий. Происходит очаговое расселение русских, завязываются многочисленные

контакты с местным населением. Частые контакты при сборе ясака требовали знания языков и обычаев разных народов. Некоторые роды, не желая платить ясак, покидали насиженные места и уходили в другие районы. Начались массовые миграции племен, новые этногенетические процессы, что привело к трансформации этнической картины Ленского края.

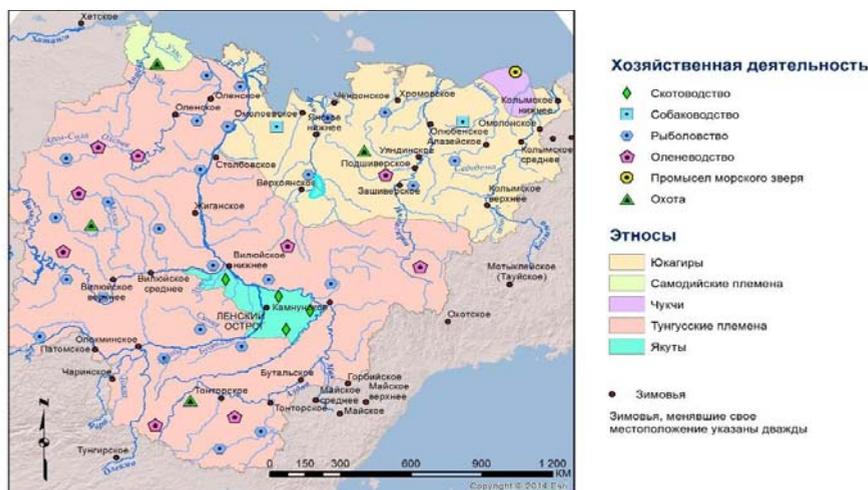

Рис. 1. Расселение этносов в начале XVII в. в современных границах Якутии (составлено авторами)

Изменению территориальной структуры этносов способствовало создание почтовых станков (небольших населенных пунктов). Только на Иркутско-Якутском тракте к 1917 г. было построено 66 станций [11]. Создание почтового тракта становится осью притяжения местного населения. Формируется новая система расселения, которая в значительной степени сохранилась до настоящего времени. Многие современные населенные пункты – это бывшие почтовые станки (Покровск, Еланка, АтДабан и др.).

Образование почтовых трактов и приход на территорию Якутии во второй половине XVII в. русских крестьян привели к появлению земледельческой культуры и еще большему усилению контактов с местным населением. Русские крестьяне стали учителями для первых якутских земледельцев, обучая и передавая им свой опыт и знания.

Со второй половины XVII столетия Якутия становится и местом ссылки политссыльных, административно-ссыльных и ссыльно-поселенцев. В 60-х гг. XVII столетия сюда тысячами ссылались украинские казаки и поселяне, недовольные присоединением их края к Москве. Значительный процент ссыльных составляли мятежные стрельцы, раскольники, шведские военнопленные, польские конфедераты и т.д.

Происходит увеличение количества пришлого населения, усложняется национальный состав Якутии.

В 30-е годы XVIII в. появляются первые гражданские учебные заведения в Якутском крае (цифирная и гарнизонная, позже навигацкая, словесная и казачья школы). К 1917 г. в Якутской области действовало 173 школы, из них 164 – одноклассных, 5 – двух-трехклассных, 3 средние школы (реальное училище, женская гимназия, учительская семинария) и, кроме того, Якутская фельдшерская школа, средняя сельскохозяйственная школа, 3 приюта. Это способствовало концентрации населения в местах, где были размещены учебные заведения, а также частым этническим контактам и изменениям в языке и культуре [7].

В развитие культуры и образования народов Ленского края значительный вклад внесла Православная церковь, созданием церковно-приходских школ, училищ, выпуском первых книг на якутском языке. К 1918 г. в духовном ведомстве Якутии действовали все традиционные институты русского православия [7]. Однако традиционные политеистические верования и шаманство сосуществовали наряду с православием. *Христианство, принесенное в Ленский край, способствовало формированию якутского литературного языка.*

В формировании культурных ландшафтов рассматриваемой территории значительную роль сыграло административно-управленческое обустройство Якутии. Одним из основных документов по управлению малыми народами и народностями был «Устав об управлении инородцами» 1822 года, который способствовал совершенствованию системы управления Сибирью.

Устав поощрял развитие товарно-денежных отношений в хозяйственной жизни местного населения. Разделял инородцев в рамках права Российской империи на «оседлых», «кочевых» и «бродячих» и согласно этому разделению определял их административный и правовой статус. Устав заменил натуральный ясак денежным налогом, натуральная повинность вытеснялась уплатой денег. В начале XIX века «Устав» закреплял за коренными народами Сибири находившиеся в их пользовании земли, определял порядок и размеры взимания ясака регулировал торговлю с русскими, распространял на аборигенов уголовное законодательство страны, позволял открывать свои школы и училища, отдавать детей в русские школы. «Устав» декларировал полную веротерпимость [10].

Управление Якутским краем требовало образования административных центров. Образуются поселения с функциями управления Якутск, Олекминск, Вилюйск, Жиганск, Зашиверск и др., которые привлекали и концентрировали население разного этнического состава. Где более интенсивно происходило смешение этносов и взаимообогащение их культур.

В 1810 году был создан Департамент мануфактур и внутренней торговли. На этом этапе организованы Торговые дома, которые занимались скупкой и реализацией сельскохозяйственного сырья, крупного рогатого скота и продуктов, вступали в подряды с казною, совершали поставки мяса, масла, рыбы и других продуктов, за-

нимались скупкой и реализацией пушнины (крупные торговые фирмы доставляли пушнину в Москву, Кяхту и Лондон). Благодаря развитию торговли увеличивается возможность этнических контактов. В поселениях с торговой функцией возрастает численность населения, изменяется национальный состав.

Важным событием в истории края стало открытие месторождений золота (притоки р. Олекмы и р. Витим) 1840-60 гг. Зарождение золотодобывающей промышленности, сопровождается возникновением компаний, банков, проникновением иностранного капитала, оживлением торговли, началом промышленной миграции. Происходят сдвиги в социальной, этнической и демографической структурах населения.

Таким образом, в период Вхождения Ленского края в состав России произошла значительная этническая трансформация территории Якутии. Многовековой опыт адаптации к суровым климатическим условиям сблизил культуры различных народов: юкагиров, эвенов, эвенков, якутов, русских и др. Взаимовлияние и взаимодействие культур разных этносов привело к изменению хозяйства и создало возможность для освоения новых природных ландшафтов.

Начало следующего периода связано с образованием Якутской Автономной Советской Социалистической республики в составе РСФСР (27 апреля 1922 года). К этому времени наряду с коренными народами здесь уже проживали представители более ста национальностей [12]. Первая половина XX в. на территории Якутии характеризуется процессами индустриализации, коллективизации, сельскохозяйственного и культурного строительства и переводом кочующего населения на оседлый образ жизни. Поселкование способствовало образованию и строительству постоянных населенных пунктов, центров колхозов, бригад, производственных участков.

Значительные изменения происходят в организации труда в отрасли «оленоводство». Создание оленеводческих бригад, определение маршрутов выпаса оленей, строительство на маршрутах оленбаз способствует изменению уклада жизни оленеводов: кочевание исчезает как образ жизни, появляется «производственное» кочевание. У северных народов со стадами оленей теперь кочует только работник-оленовод, семья же постоянно находится в поселении.

Вопрос о землепользовании, который решался с учетом материальной заинтересованности основной массы сельских жителей в увеличении посевной площади и увеличении поголовья скота привел к переделам земли. Переделы земли коснулись в основном якутов и русских крестьян (общее число русских крестьян к началу XX в. составляло около 10646 человек [1]).

Происходят изменения в скотоводческой культуре якутов, многие зимники (кыстык) начали развиваться как постоянные населенные пункты, летники (сайлык), как пастбище и места заготовки сена. Таким образом, на данном этапе происходят изменения в культуре ведения традиционного хозяйства, не только малочисленных народов, но и якутов.

Благодаря открытию богатых золотом месторождений Алдана быстро развивается добывающая промышленность. В 1924 году был организован первый Якутский

государственный золотопромышленный трест. Алдан становится центром индустрии, и нуждается в квалифицированных специалистах. Массовая промышленная миграция населения в течение 20-30-х годов привела к образованию на территории бывшего Алданского округа четырех новых административных районов: Алданского, Томмотского, Тимптонского и Учурского, ставшими центрами золотой промышленности Якутии. Здесь происходит концентрация и формирование иноэтнических групп населения. По национальному составу жители Алдана в 30-х годах распределялись следующим образом (по убыванию): русские, китайцы, корейцы, якуты [4].

Многочисленные экспедиции по изучению природных ресурсов привели к открытию, а затем и к освоению месторождений золота и олова в Усть-Майском и Верхоянском районах. На этапе промышленного освоения края происходит формирование в 1950-60 гг. новой алмазодобывающей отрасли, строительство Вилюйской ГЭС – первой в мире гидроэлектростанции на многолетней мерзлоте, развитие нефтегазового комплекса и его инфраструктуры (конец 1960 гг.), освоение Южно-Якутского угольного бассейна (1970-1980 гг.), формирование ТПК, строительство Нерюнгринской ГРЭС, железной дороги, предприятий энергетики, транспорта и др. объектов. Все это привело к возникновению городов и поселков городского типа (Айхал, Удачный, Мирный, Чернышевский, Алмазный, Промышленный, Кызыл-Сыр и др.).

Вследствие этого, происходит приток специалистов разных национальностей, что приводит к изменениям в этническом составе населения и увеличению этнокультурных контактов; формируются многонациональные населенные пункты, где происходит смешение культур как пришлого, так и местного населения; смещаются и сокращаются ареалы традиционного природопользования в местах промышленного освоения.

Следующий период с конца XX века на начальном этапе перехода к рыночной экономике характеризуется сокращением промышленного производства. Существовавший ранее интенсивный приток населения сменяется довольно устойчивым оттоком. Реформа сельскохозяйственных предприятий приводит к распаду совхозов и колхозов, к образованию фермерских, крестьянских хозяйств и родовых общин, что сказывается на трансформации хозяйственного уклада жизни. Вследствие этого, происходит смена этнического состава: увеличивается доля якутов и коренных малочисленных народов Севера в общей численности населения, сокращается доля славянской группы населения.

Демократизация общественной жизни в данный период обеспечивает этнокультурные и этноязыковые потребности национальных групп представленных в Якутии. Тенденция быстрого роста национального самосознания народов республики обеспечивает возрождение традиционной религии, христианства и других конфессий.

Периодизации событий, происходящих в экономической, социальной, политической и культурной жизни Якутии позволила увидеть произошедшие структурные изменения этнокультурного ландшафта, формирование которого тесным образом связано с заселением и освоением Ленского края.

Литература

1. Гоголев, А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры) / А.И. Гоголев. – Якутск : Издательство ЯГУ, 1993. – 200 с.
2. Гурвич, И.С. Этногенез юкагиров / И.С. Гурвич, Ю.Б. Симченко // Этногенез народов Севера. – Москва, 1980.
3. Долгих, Б.О. Происхождение нганасанов / Б.О. Долгих // Сибирский этнографический сборник. – Москва, 1952.
4. Игнатьева, В.Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистические исследования) / В.Б. Игнатьева. – Якутск, 1994. – 144 с.
5. Историко-культурный атлас «Якутия. Природа. История. Этнография. Современность». – Москва : Феория, 2007.
6. История Якутского края // Официальный сайт РС(Я) (электронный ресурс): <http://sakha.gov.ru>
7. Национальный архив Республики Саха (Якутия): путеводитель: в 2 ч. / Ком. гос. арх. службы Респ. Саха (Якутия); [сост.: И.И. Каженкина и др.; редкол.: М.М. Степанова (отв. редактор) и др.] – Якутск : Якутский край, 2007 – 216 с.
8. Окладников, А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству / А.П. Окладников // История Якутской АССР. – Москва, 1955.
9. Парникова, А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. / А.С. Парникова. – Якутск, 1971. – 152 с.
10. Туголуков, В.А. Этнические корни тунгусов / В.А. Туголуков // Этногенез народов Севера. – Москва : Наука, 1980.
11. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. – № 29. – С. 394-416.
12. Ф. 225-и, 335 ед. хр., 1805 – 1891 гг.; оп. 1-3
13. Федорова, Е.Н. Миграция населения Якутии: Прошлое и настоящее / Е.Н. Федорова, Г.А. Железнова. – Новосибирск : Наука, 2003. – 200 с.

References

1. Gogolev A.I. Jakuty (Problemy jetnogeneza i formirovanija kul'tury) / A.I. Gogolev. – Jakutsk : Izdatel'stvo JaGU, 1993. – 200 s.
2. Gurvich I.S., Simchenko Ju.B. Jetnogenez jukagirov / I.S. Gurvich, Ju.B. Simchenko // Jetnogenez narodov Severa. – Moskva : Nauka, 1980.
3. Dolgih B.O. Proishozhdenie nganasanov / B.O. Dolgih // Sibirskij jetnograficheskij sbornik. – Moskva, 1952.
4. Ignat'eva V.B. Nacional'nyj sostav naselenija Jakutii (Jetno-statisticheskie issledovanija) / V.B. Ignat'eva. – Jakutsk, 1994. – 144 s.
5. Istoriko-kul'turnyj atlas Jakutija. Priroda. Istorija. Jetnografija. Sovremennost'. M.: Izdatel'stvo «Feorija», 2007.
6. Istorija Jakutskogo kraja // Oficial'nyj sajt RS (Ja) (jelektronnyj resurs): <http://sakha.gov.ru>

7. Nacional'nyj arhiv Respubliki Saha (Jakutija): putevoditel' v 2-h ch. / Kom. gos. arh. sluzhby Resp. Saha (Jakutija); [sost.: I. I. Kazhenkina i dr.; redkol.: M.M. Stepanova (otv. redaktor) i dr.] – Jakutsk: Jakutskij kraj, 2007. – 216 s.

8. Okladnikov A.P. Jakutija do prisoedinenija k Russkomu gosudarstvu / A.P. Okladnikov // Istorija Jakutskoj ASSR. – Moskva, 1955.

9. Parnikova A.S. Rasselenie jakutov v XVII-nachale XX v. / A.S. Parnikova. – Jakutsk, 1971. – 152 s.

10. Tugolukov V.A. Jetnicheskie korni tungusov / V.A. Tugolukov // Jetnogenez narodov Severa. – Moskva : Nauka. – 1980.

11. Ustav ob upravlenii inorodcev ot 22 ijulja 1822 goda. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1849 g. – T. 38. № 29. – S. 394 – 416

12. F. 225-i, 335 ed. hr., 1805 – 1891 gg.; op. 1-3

13. Fedorova E.N. Migracija naselenija Jakutii: Proshloe i nastojashhee / E.N. Fedorova, G.A. Zheleznova. – Novosibirsk : Nauka, 2003. – 200 s.

Любовь Пахомова¹

ЛАНДШАФТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТОПОНИМОВ ЯКУТИИ*

LANDSCAPES AS REFLECTION OF YAKUTIAN TOPONYMS

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

В статье рассматривается пространственное значение якутских географических названий и создание географического образа территорий в топонимах, раскрывается распространение и происхождение географических названий ландшафтов. Географические термины в большинстве случаев образовали топонимы, раскрывая географическую народную терминологию, и отражают разнообразные ландшафты территорий Якутии.

Ключевые слова: Якутия, ландшафт, топонимы, географические названия

The article discusses the importance of spatial Yakut geographical names and the creation of the image of the geographical areas in placenames, the distribution and origin of place names of the landscape are revealed. Geographical terms, in most cases formed by toponyms, revealing geographic popular terminology, and reflect the varied landscapes of Yakutia.

Key words: Yakutia, landscape, toponyms, place names

Географические названия раскрывают пространственную привязку местных географических терминов на Земле и создают географический образ территорий в топонимах.

Старейшина якутской топонимики Михаил Спиридонович Иванов-Багдарыын Сюлбэ (1935) более 40 лет посвятил свою научную деятельность исследованию топонимов. Его картотека содержит более 400 тысяч топонимов, которые были собраны в

¹ Пахомова Любовь Семеновна, кандидат педагогических наук, доцент Института естественных наук СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: ls.pakhomova@s-vfu.ru

Lyubov Pakhomova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

улусах Якутии, Магаданской, Иркутской, Амурской и Читинской областях, Красноярском и Хабаровском краях

В Якутии распространены топонимы разных народов – это тунгусо-маньчжурский, монголо-тюркский, якутский, русский пласты, которые отражают историю народов Якутии и их переселение, передвижение и места проживания, что и отразилось в географических терминах и топонимах: оронимах, гидронимах, фитонимах, зоонимах, антропонимах и др. [3].

Ландшафты Якутии – названия местностей и урочищ широко отражаются в оронимах Якутии, раскрывая распространение и происхождение географических названий ландшафтов. В Якутии топонимов, отражающих названия ландшафтов не так много, как гидронимов – самого древнего пласта топонимики. Названия гидронимов преобладают, что связано с ролью рек, речушек в жизни, быте и пространственном ориентировании на местности у народов Якутии.

Ландшафты Якутии – местности, урочища и распространенные формы рельефа закрепились в географических терминах: сис, хая, дабаан, джугджур, чыыстай, мыраан, томтор, хальджай, булгуннях, киһилээх, артык. Из перечисленных терминов якутские названия булгуннях, алаас вошли в международную географическую терминологию как особенности аласно-эрозионного ландшафта в Якутии.

Краткий обзор ландшафтов Якутии в оронимах представлен по научным исследованиям Багдарыына Сюлбэ. Но при этом следует отметить, что топонимы в своем названии почти всегда отражают принадлежность к видам ландшафта, формам рельефа.

Хараулах ситэ (хребет), Мус-Хая, якутские названия. Улахан Чистай – русский термин голец, означающий голые вершины, который перешел в ороним. Гора Чурбука – эвенкийский топоним, означает холм, бугор. Распространен на северо-западе Якутии.

Сетте Дабан – горная система на востоке Якутии. Дабан – на якутском языке означает горный перевал, дабайыы или подъем на гору. Действительно в этом месте преобладают горные ландшафты, которые постепенно переходят в хребет Сунтар хаята [1].

Джугджур с эвенкийского означает «водораздел».

Чочур-Муран – гора в окрестностях г. Якутска, наивысшая отметка в долине Туймаада (абсолютная высота 193 м, относительная 100 м). «Чочур» – на якутском языке означает остроконечный. Муран или «мыраан» называются горные цепи, образующие коренные берега рек. Термин мыраан довольно широко распространен в Центральной Якутии. Оронимы Суулар Мыраан в Усть-Алданском улусе; село Томтор в Оймяконском, Мегино-Кангаласском улусах, Крест-Хальджай в Томпонском улусе; поселок Кыһыл Сыыр в Вилюйском улусе, Сыырдах – село в пригороде Якутска [1].

Топоним булгуннях якутского происхождения широко распространен в Якутии: на севере, Центральной Якутии. Такое название имеет возвышенность на севере острова Земля Бунге – Ёксёкю Булгуннях, село Булгунняхтаах в Хангаласском улусе.

Кисилях – «Гора, имеющая человека» или «Гора замужняя». Так якуты называют каменные столпы, скалы, результат выветривания. Эти скалы рассеяны и выступают с поверхности плоских гор [1].

В Якутии топонимов со словом артык довольно много. Артык – якутское слово, означает горный проход, горное ущелье, по которой идет дорога. Топонимы Артык Олгуй, поселок Артык и др. Топоним арт древнетюркский, означает горный перевал. Его след имеется повсеместно, даже известный лагерь Артек, р. Артык в Забайкалье связан с топонимом артык [1].

Равнинные, низменные местности обозначаются терминами туйма, киллэм, сай, толоон, нам, хотумах, силээн.

С якутского «туйма» – «низменное место, покрытое непроходимым лесом», со словообразующим суффиксом «да» произошел топоним Туймаада, долина, где расположен город Якутск [4], название речки Туйма, правого притока Лены.

Кильдем – село в долине Туймаада, пригороде Якутска, по-якутски «Киллэм» – «киллэм сир» – открытая местность.

Топоним Сайсары по Э. К. Пекарскому, произошел от «Сайсар» – имени жены киргиза Сарабай-тойона, родом татарки. Она прибыла с детьми с юга, где теперь стоит Якутск. На киргизском «Сай» имеет несколько значений, но одно означает «русло реки, высохшее или пересыхающее» или ложбина. Вторая часть слова «Сары» означает «желтый, рыжий». На казахском «Сай» – это «овраг». «Сай салаа» – высохшее, русло, речка. «Сары» – «желтый». Таким образом, топоним «Сайсары» означает «рукав реки», «желтый овраг», «желтая ложбина». В ранних документах топоним зафиксирован как состоящий из двух слов «Сай Сары» и означает «желтый овраг», «желтая ложбина», «рукав реки» [4].

Толоон – якутский географический термин, означает долину, поле. С таким названием есть сёла в Чурапчинском, Ленском, Сунтарском улусах [1].

Нь.М. Иванов пишет, что топоним «нам» стал употребляться как географический термин в значении тихое, спокойное место; низкое, низменное место. Распространен наряду с антропо-, этнотопонимом Нам в центральных и вилюйских улусах». Это топоним есть в названии Намского улуса [2].

Неровности ландшафта, малопригодные земли отражают такие топонимы:

Хотумахтаах. «Хотумах» и суффикс -лаах. Значение топонима Багдарыын Сюлбэ зафиксировал в 1981 г. у старожилы с. Немюгю Р.П. Ноговицына, так называют заросшую лесом, кустарником неудобную малопригодную местность. Такой топоним распространен только в долинах Эркээни и Туймаада – в наслегах Тулагы и Хатас [2].

Силээн – падь, место, залитое талой водой, якутский географический термин. Силляньнахский хребет, данный топоним указывает на характеристику местности [1].

Таким образом, географические термины в большинстве случаев образовали топонимы, раскрывая географическую народную терминологию, и отражают разнообразные ландшафты территорий Якутии.

Литература

1. Багдарыын Сюлбэ. Топонимика Якутии / Багдарыын Сюлбэ. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1985.
2. Иванов, Нь. М. Из топонимики Хангаласского улуса / Нь. Иванов // Хангаласский улус: история, культура, фольклор. – Якутск : Бичик, 2007. – С. 32-36.
3. Моя малая Родина – Нюрбинский район : учебное пособие по курсу «Родной край» для общеобразовательной школы / под научн. ред. Л.С. Пахомовой. – Якутск : Якутия. – С. 26-31.
4. Петров, П.П. Улицы и площади Якутска / П.П. Петров. – Якутск : Бичик, 2002. – С. 63.

References

1. Bagdaryyn Sjulbe. Toponimika Jakutii. – Jakutsk : Jakut. kn. izd-vo, 1985.
2. Ivanov N'. M. Iz toponimiki Hangalasskogo ulusa / N'. M. Ivanov // Hangalasskij ulus: istorija, kul'tura, fol'klor. – Jakutsk : Bichik, 2007. – S.32-36.
3. Moja malaja Rodina – Njurbinskij rajon : uchebnoe posobie po kursu «Rodnoj kraj» dlja obshheobrazovatel'noj shkoly / pod nauchn. red. Pahomovoj L.S. – Jakutsk : Jakutija. – S. 26-31/
4. Petrov P. P. Ulicy i ploshhadi Jakutska / P.P. Petrov. – Jakutsk : Bichik, 2002.- S.63

Виктория Филиппова¹

ТОПОНИМИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХОЯНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))*

*TOPONYMS OF REGIONAL CULTURAL LANDSCAPE
(ON THE EXAMPLE VERKHOYANSKY REGION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))*

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект №15-18-20047).

В статье сделана попытка анализа семантики региональных культурных ландшафтов на примере Верхоянского района. В виду того, что топонимия, являясь неотъемлемой частью языковой системы, характеризует культурные ландшафты, в статье проанализированы названия археологических стоянок, палеонтологических и природных памятников, находящихся на территории рассматриваемого района. Изучение топонимии региональных культурных ландшафтов Верхоянского района показало целостность природно-историко-культурного пространства данного региона.

Ключевые слова: ландшафты, культурный ландшафт, топонимия, семантика, Верхоянский район, Якутия.

The article attempts to analyze the semantics of the regional cultural landscapes on the example of the Verkhoyanskiy region. Toponyms of the names of archaeological sites, paleontological and natural monuments in the territory of this region as an integral part of regional cultural landscapes had analyzed in the article. Studies of regional cultural landscapes of Verkhoyanskiy region had showed the integrity of natural and historical and cultural space in the region.

Key words: landscape, cultural landscape, toponymy, semantics, Verkhoyanskiy region, Yakutia.

¹ Филиппова Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: filippovav@mail.ru
Viktoriya Filippova, Candidate of Historical Sciences, Senior Fellow at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Тенденции социально-экономического развития территории невозможно понять без учета и анализа природных, исторических и социокультурных, экономических процессов. Исследование пространственно-временных особенностей заселения и хозяйственного освоения арктических регионов России направлено на отображение данной территории как целостного природно-историко-культурного пространства. Реализация междисциплинарного проекта при поддержке РНФ №15-18-20047 «Онтология ландшафта: семантика, семиотика, и географическое моделирование» осуществляется на теоретической и методологической базе сложившихся в мировой и отечественной науке подходов к изучению взаимоотношений человека, природы и общества. Одной из задач проекта является изучение изменений ландшафтов как под деятельностью природных факторов, так и антропогенных, а также и в результате их освоения разными этносами, В совокупности эти изменения отражаются в виде культурных ландшафтов.

Исторические особенности заселения и освоения этносом географического пространства отражены в топонимике и ландшафтной лексике. Топонимика, имея в качестве объекта географические названия, является важнейшей составляющей географической информации. Географические названия, возникая в определенные исторические периоды, становились хронологическим свидетельством исторических событий. Топонимы изменялись во времени по форме, содержанию, распространялись в зависимости от конкретных событий истории. Каждая историческая эпоха характеризуется своим набором географических названий. Они образуют своеобразные разновременные топонимические пласты. Одним из основных источников формирования топонимического пласта являются географические карты. В виду того, что топонимы выступают как знаки того или иного качества времени, порожденного культурой и в результате которого культурный ландшафт становится «ландшафтом времени»¹.

Анализ и систематизация топонимов, как одна из задач реализуемого вышеуказанного проекта РНФ, позволит получить комплексную картину геокультурных ландшафтов Якутии. Для решения данной задачи в статье рассматриваются топонимы, отображенные на ранее составленных автором картах культурных ландшафтов Верхоянского района² на основе типологии, принятой в ЮНЕСКО.

Согласно типологии, принятой в Руководящих указаниях по применению Конвенции о Всемирном наследии все культурные ландшафты подразделяются на три основные категории: целенаправленно созданные, естественно развившиеся, среди которых выделяются субкатегории реликтовых и развивающихся ландшафтов и, наконец, ассоциативные ландшафты. Приведенная типология содержит два логиче-

¹ Лавренова О.А. Семантика культурного ландшафта : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Специальность 24.00.01. – Москва, 2010..

² Филиппова В.В. Картографирование регионального культурного ландшафта (на примере Верхоянского района Республики Саха (Якутия)) // Михайловские чтения 2013. Экология культуры: опыт сохранения и актуализации культурного и природного наследия региона : сборник статей научно-практической конференции / Сост.: Сибирцева Ю.А., Григорьева Н.Н. – Архангельск. 2014. – С. 175-177.

ских основания деления: во-первых, по степени преобразованности и культурной освоенности исходного природного ландшафта (ландшафты целенаправленно созданные, естественно развившиеся и ассоциативные) и, во-вторых, по жизнеспособности сформировавшегося ландшафта (ландшафты ископаемые, реликтовые, саморазвивающиеся). Первая характеристика позволяет рассмотреть ландшафты в соответствии с разнообразием форм и способов их создания, а вторая свидетельствует о степени уязвимости ландшафта¹.

Рукотворные ландшафты характеризуются четкой пространственной организацией и в своем развитии подчинены целеполаганию своих создателей. Они, как правило, имеют ландшафтообразующий центр, в них много искусственных объектов, созданных на основе преобразования или замены природных комплексов. Это ландшафты поселений, садов, различных природно-технических систем, созданные по проектам или в соответствии с художественной либо инженерной идеей². В Верхоянском районе данная категория культурных ландшафтов не встречается.

К ассоциативным ландшафтам могут быть отнесены природные ландшафты, обладающие культурной ценностью, а также освоенные ландшафты, в которых характер освоения имеет вторичное значение, а первичное – связь с историческими событиями, личностями, художественными произведениями. В ассоциативных ландшафтах культурная составляющая часто представлена не в материальной, а в моментальной форме, по ассоциации природного объекта с каким-либо феноменом культуры. Таким образом, природные комплексы включаются в историко-культурное пространство без изменения их природной ритмики и эволюции, часто опосредованно, в качестве памятных мест, мест творчества, сакральных (то есть священных, культовых, ритуальных) местностей и т.д.³. Из категории ассоциативных ландшафтов в Верхоянском районе наиболее распространены следующие культурные ландшафты: сакральный, рекреационный, исторический индустриальный, мемориальный.

В большинстве случаев, рукотворные и ассоциативные культурные ландшафты представляют собой памятные знаки, памятные места и объекты и отражают топонимы населенных пунктов, в которых установлены. В виду этого в данной статье основное внимание уделено топонимам естественно сформировавшихся ландшафтов, выявленных и отображенных автором на картах культурных ландшафтов Верхоянского района.

Как указывают Ю.А. Веденин и М.А. Кулешова выделяются три субкатегории культурных ландшафтов: ископаемые, реликтовые и развивающиеся⁴.

На карте «Естественно сформировавшиеся культурные ландшафты Верхоянского района» из указанных трех категорий культурных ландшафтов выделяются археологические (35), палеонтологические (2) и памятники природы (2) (табл.1).

¹ Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – Москва : Институт наследия, 1999. – 337 с.

² Там же. С.145.

³ Кулешова М.Е. Систематика культурных ландшафтов. – Москва : Просвящение, 2003. – С. 146.

⁴ Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Серия географическая. – 2001. – № 1. – С. 7-14.

Наибольшую долю на карте «Естественно сформировавшиеся культурные ландшафты Верхоянского района» составляют археологические памятники – 89,7 %. В ряде случаев археологические стоянки были названы по водному объекту (реке или озеру), вблизи которого они расположены. При этом имеет место метонимия, то есть перенос названия на основании смежности географических объектов в пространстве.

В виду того, что вся территория Верхоянского улуса представляет собой горный рельеф, названия категорий выявленных культурных ландшафтов характеризуют морфологические особенности и процессы, протекающие в горных областях. Среди естественносформировавшихся ландшафтов наиболее интересным является памятник природы «*Кисилях*», имеющий общую площадь 121 кв. км и являющийся одним из наиболее уникальных и высоких вершин Верхоянского района, на ней находится останцы горных пород различной формы – кигиляхи¹. Название дано по широко используемой в региональной географии народному географическому термину – «Кисилээх-Тас» – «человек-камень».

Название следующего памятника природы «*Мать Гора*» (второе название «*Ыыннаах*») указывает на макрорельеф. Название «Мать-Гора» может быть дано из-за ее высоты – 1622 м. Данная гора имеет общую площадь 134 кв. км и является одним из наиболее уникальных и высоких вершин Верхоянского района. Второе название горы «Ыыннаах» в переводе с якутского означает «страшный, жуткий» и возможно, тоже дано из-за размеров данной горы.

Таблица 1

Топонимы культурных ландшафтов Верхоянского улуса (района)

№	Характеристика культурных ландшафтов	Значение топонима
Археологические		
1	Стоянка Хатыстах I, II (неолит) Расположены на левом берегу Яны, на 832 км от ее устья. Здесь на склоне 40 м террасы были найдены фрагмент тулова вафельной керамики и сечение ножевидной пластинки из черного кремнистого сланца. Весь облик обнаруженных на стоянке материалов свидетельствует, что она принадлежит к <i>ымыяхтахской культуре</i>	«Хатыыс» – якут. осётр (восточно-сибирский). «Хатыыстаах» – осетровый. Указывает на промысловую фауну местности
3	Стоянка Ньюлбугур – Айаана (неолит) Расположена на левом берегу Яны, на 819 км от ее устья. Здесь на склоне 11 м террасы было обнаружено 2 обломка одной ножевидной пластины из серого кремния, отщеп с ретушью и 58 отщепов из ороговикованного сланца. Предварительно их можно отнести к неолиту, без уточнения культурной принадлежности	«Ньылбы» – якут. а) снять, содрать (<i>напр. шкуру с животного</i>); освежевать; б) выдернуть, вытащить рывком <i>что-л. из-под кого-чего-л.</i> ; стянуть, стащить рывком; «Айаан» – якут., старое русло реки, старица. Указывает на хозяйственную деятельность

¹ Кигиляхи Якутии / отв. ред. М.М. Шац. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 2001. – С. 2.

4	Стоянка Куранах I, II (неолит, палеолит)	Расположена на левом берегу Яны, на 800 км от ее устья. Здесь на склоне 20 м террасы найдены скребло, обломок скребла и скребок. Скребло по технике обработке и по форме, вероятно, относится к <i>сумнагинской культуре</i> возраста 10,8-6,2 тыс. лет назад. Кремневый концевой скребок по технике обработки, форме и размерам может быть отнесен к <i>сылахской культуре</i>	«Куранах» – якут. 1) сухое, безводное место; 2) пустой, порожний. Характеризует тип местности
5	Стоянка Батагай I-IV, VI (неолит), Стоянка Батагай V (неолит, бронза)	Все стоянки находятся на правом берегу р. Яна недалеко друг от друга, в пределах 100-500 м от окраины пос. Батагай	От названия якутского рода «батагайцы». Указывает на расселение данного рода
6	Стоянка Бюгюйэх (неолит)	Правый берег р. Яна, в окрестностях пос. Батагай, мысовидный участок высокой 80-метровой террасы над озером Бюгюйэх	«Бүгүйэх» – якут. 1) выгиб, изгиб; 2) овод; ср. тигээйи. Характеризует форму озера
7	Стоянка Бартымах I-VI (неолит)	Стоянки расположены на правом берегу р. Яна недалеко друг от друга в 7-8 км северо-восточнее пос. Батагай	Не определено
8	Стоянка Кунаах I, II (неолит)	Расположена на левом берегу Яны, на 764 км от ее устья. Подъемный материал собран по склону 40 м террасы и представлен 4 отщепами из сланца серого и коричневого цвета, первичным средним отщепом из черного алеврولита и обломком орудия из ороговикованного сланца	«Кунаах» или «тэллэй» – якут., дождевик, гриб. Указывает на биологические ресурсы местности
9	Стоянка Кэлимсэ (неолит)	Находится на 747 км от устья р. Яны, на левом берегу. На бугристом рельефе, был найден обломок наконечника стрелы, сделанного из ороговикованного сланца серого цвета. Найденный обломок наконечника стрелы можно отнести к ымыяхтахской культуре	«Кэлимсэ» – якут. 1) глыба; сплошная масса <i>чегол-л.</i> , сплошной, цельный; 2) глыба мёрзлой рыбы. Указывает на морфологическую разновидность горного рельефа местности

10	Стоянка Томтор (неолит)	Холм Томтор в 2 км к северо-востоку от с. Табалах, возле фермы Томтор	«Томтор» – якут. 1) пригорок; холм, бугор, сопка; 2) диал. летняя стоянка скота, летовка. Народный географический термин, указывающий на морфологическую разновидность равнинного рельефа
11	Стоянка Туостях I-VIII, XI-XV, XIX (неолит), Стоянка Туостях IX-X, XVI-XVIII (палеолит, неолит)	Правый берег реки Туостях, юго-западный мыс останца обтекания	«Туос» – якут. 1) берёста, берестяной. Указывает на биологическую группу растений (древесные породы) – береза
12	Стоянка Хонду, Хонду I, II (неолит)	Левый берег р. Борулах, в 600-700 м юго-восточнее стоянки Хонду II	Не определено
13	Стоянка Катерина-Хайата (неолит)	Левый берег р. Борулах, у подножия одноименной горы на склоне 20-метрового террасовидного уступа	Гора Катерины
14	Стоянка Усть-Борулах I, II (неолит)	Левый берег р. Борулах, примерно в 10 км от его устья, приурочена к 60-метровому мысовидному участку южной оконечности скального останца обтекания	«Боруу» – якут., хвоц, «боруу-лаах» – хвощевый. Указывает на биологическую группу растений (травянистое растение)
15	Стоянка Осхордоох (неолит)	Правый берег р. Адыча, на 2 км выше устья р. Дьубдьугурас над местностью Осхордоох	«Осхор» – якут., уст. стрела с железным вилообразным наконечником

16	Стоянка Дьубдьугураc I, II (неолит)	Правый берег р. Адыча, в 2 км западнее устья р. Дьубдьугураc	Не определено
17	Стоянка Кулун-Мэйиилээх (неолит)	Правый приустьевый мыс р. Кулун-Мэйиилээх, правого притока р. Адыча	«Кулун» – якут. жеребёнок; «Мэйии» – якут. 1) мозг, мозговой. Указывает на хозяйственную деятельность – коневодство
18	Стоянка Случайная (неолит)	Правый берег р. Адыча, в 2,5 км севернее стоянки Кулун-Мэйиилээх	Не определено
19	Стоянка Хотон-Хайа (неолит)	Правый берег р. Адыча, в 8 км южнее с. Бетенкес	«Хотон» – якут. хлев, коровник. «Хайа» – якут. гора, горный. Указывает на хозяйственную деятельность – скотоводство
20	Стоянка Арыктаах (неолит)	Левый приустьевый мыс р. Арыктаах, левого притока р. Адыча	Не определено
21	Стоянка Эбэ-Кюэлэ I, II (неолит)	Левый берег р. Адыча, над озером Эбэ-Кюэлэ	«Эбэ» – якут. употр. вместо слов «река», «озеро», «лес» и т.п. или вместо им. собств.; Якуты северных улусов называют «эбэ» также и медведя. «Кюэль» – якут. озеро, озерный. Указывает на промысловую фауну
22	Стоянка Арчаа I (неолит)	Левый берег р. Адыча, левый приустьевый мыс безымянного ручья, впадающего в протоку Арча	Не определено

23	Стоянка Силиилээх (неолит)	Левый приустьевый мыс р. Силиилээх, правого притока р. Адыча	«Силии» – якут. костный мозг; а) худой скот (убойный); б) постное мясо. Указывает на хозяйственную деятельность – животноводство
24	Стоянка Кыра-Сууллар I-V (неолит)	Правый приустьевый мыс р. Силиилээх, правого притока р. Адыча	«Сууллуу» – якут. обвал. Указывает на экзогенный процесс
25	Стоянка Бетенкёс (палеолит)	В окрестностях пос. Бетенкёс	Не определено
26	Стоянка Улахан-Сууллар I, II (неолит)	Правый берег р. Адыча, на правом мысовидном участке первого распадка сразу за северной оконечностью большого яра Улахан-Сууллар	«Сууллуу» – якут. обвал. Указывает на экзогенный процесс.
27	Стоянка Хатыыстаах I, II (неолит)	Правый приустьевый мыс ручья Хатыыстаах, правого притока р. Адыча	«Хатыыс» – якут. осётр (восточносибирский). «Хатыыстаах» – осетровый. Указывает на промысловую фауну местности
28	Стоянка Тья-Сысыга (неолит)	В 3 км ниже устья ручья Кёрдюгэн-Юрүйэтэ, правого притока р. Адыча, возле урочища Тья-Сысыга	«Тья» – якут. лес; тайга, лесной; таёжный; «Сыһыы» – якутск. равнина; луг; поляна. Характеризует местность
29	Стоянка Первая (неолит)	Правый берег р. Адыча, правый приустьевый мыс первого безымянного ручья в 11 км выше Адычанской базы	Не определено
30	Стоянка Встречная (неолит)	Левый приустьевый мыс руч. Встречный, правого притока р. Адыча	Не определено
31	Многостоянная стоянка Кыра I, II (палеолит, неолит)	7-метровая высокая пойма правого берега р. Адыча, в 40-50 м выше устья р. Кыра	«Кыра» – якут. маленький, мелкий. Характеризует величину стока – небольшая река

33	Стоянка Оюн-Хомото (неолит)	Левый берег р. Адыча напротив водомерного поста Оюн-Хомото	«Ойуун» – якут. шаман, шаманский; «Хомо» – якут. залив. Характеризует элементы строения гидросети – реки
34	Стоянка Омук (неолит)	Обнаружена на 632 км от устья Яны, где по левому берегу в нее впадает ручей Омук. Был обследован левый приустьевой мыс 18 м террасы. Под вывороченным деревом было найдено два мелких отщепов из кремнистого сланца. В шурфе, в слое покровного суглинка (мощность 10-20 см), лежащим под дерном, найдено 3 фрагмента шнуровой керамики и 2 отщепов из диабазы и сланца. Фрагмент венчика орнаментирован по бортику и под бортиком зубчатым штампом. Фрагмент венчика и фрагменты тулова относятся к разным сосудам, поскольку они отличаются размерами шнуровых отпечатков. Шнуровая керамика дает возможность отнести стоянку Омук к <i>белькачинской культуре</i> . На 587 км от устья по левому берегу в Яну впадает ручей Мэкчиргэлээх. На левом приустьевом мысу 20 м террасы в одном из шурфов найдено два мелких обломка раздробленных и обожженных костей крупного животного	«Омук» – якут. 1) народ; 2) нация; национальность; народность; 3) <i>диал.</i> эвен; иностранный. Указывает на проживание в данной местности других по отношению к якутам народов, населявших в прошлом этот край
35	Стоянка Мэкчиргэлээх (неолит)	Левый приустьевый мыс р. Мэкчиргэлээх, левого притока р. Яна на 587 км	«Мэкчиргэ» – якут. сова, «мэкчиргэлээх» – свиновый. Указывает на места обитания фауны
Палеонтологические			
36	Иччиляское ущелье	Найдены палеонтологические остатки части скелетов бизонов, древних лошадей, череп овцебыка, позвонки, зубы, бивни, лопатки мамонта	«Иччилээх» – якут. 1) уст. имеющий хозяина, домашнего; 2) перен. обладающий какой-л. таинственной силой; одушевленный; 3) имеющий содержимое; с... содержимым (о сосуде, мешке и т.п.)
37	Местность «Сууллар-Хая»	Является «кладовым» древних обитателей Земли на территории Верхоянского района. В данную местность проводится экскурсия «Палеонтологический музей» находящегося в с. Бетенкес. Музей по уникальности и разнообразию археологических находок занимает одно из первых мест	«Сууллуу» – якут. обвал. Указывает на экзогенный процесс

Памятники природы			
38	Кисилиях	Имеет общую площадь 121 кв. км и являются одним из наиболее уникальных и высоких вершин Верхоянского района, на ней находится останцы горных пород. В отрогах Кисилияхского хребта, можно встретить кигилияхи различной формы, например, «Марсианин», «Кающаяся Магдалена», «Раненый солдат», «Врата ада», «Голова Великана» и др. Кроме этого в горы Кисилиях заложена традиция, зажигать огонь Международных спортивных игр «Дети Азии»	Кигилиях – высокий каменный столб, фигура выветривания, скала, торчащая на поверхности плоских гор (якутское). Издали похожи на человека или группу людей, за что и названы по якутскому слову киси – «человек». Термин широко используется в региональной географии, литературе в искаженной форме кигилиях вместо кисилээх-тас – «человек-камень»
39	Мать гора (Ыльннаах)	Памятник природы «Мать гора» – одна из высоких вершин улуса (1622 м), имеет общую площадь 134 кв. км, где находятся уникальные по красоте останцы горных пород. Расположена на возвышенности Ыннах Хая в районе п.Эге-Хая, среди увалистого рельефа, подножие горы залесено. Кроме того Мать-гора богата разными агатами, халцедонами, серпентинитами и горными хрусталем	«Ыын», «Ыльннаах» – якут. страшный, жуткий. Указывает на макрорельеф

Наименования культурных ландшафтов, названных по принципу их расположения по отношению к гидрографическим объектам, несут информацию о строении и динамики потока водных объектов. Например, неолитическая стоянка «Ойуун Хомото» – характеризует элементы строения реки – залив. Название многослойных стоянок Кыра I и Кыра II указывает на величину стока – небольшая река.

Названия культурных ландшафтов различаются по особенностям растительного покрова: древесные породы – стоянки Туостах указывают на произрастание в данной местности березы; травянистое растение – стоянка «Боруулаах» – хвощевой. Стоянки «Кунаах» находятся в местах где растут грибы.

Разнообразие фауны также нашло отражение в названиях археологических стоянок и указывают на промысловые виды. Например, название стоянок «Хатыстах» указывает на промысел осетра, любимого вида рыб коренных жителей Якутии.

Хозяйственная деятельность коренных народов не могло не отразиться и в названиях культурных ландшафтов. Виды традиционного природопользования якутов как скотоводство и коневодство встречаются, например, в названиях следующих археологических памятников: стоянка Кулун-Мэйиилээх (неолит); стоянка Хотон-Хайа (неолит).

Заселение и освоение Верхоянского района представителями якутского рода «батагайцы» подтверждается наличием археологических стоянок неолита и бронзы с аналогичным названием, и наличием местности с названием «Осхор», что указывает на старинное оружие – стрелу с железным вилообразным наконечником.

В названиях культурных ландшафтов исследуемого района нашли отражение как природные условия, так и исторические события и традиционное хозяйство. Львиную долю топонимов культурных ландшафтов занимают слова якутского происхождения. Топонимия культурных ландшафтов Верхоянского района в целом отражает состояние культурного ландшафта, начиная с неолита. Таким образом, анализ топонимов региональных культурных ландшафтов показывает целостность природно-историко-культурного пространства Верхоянского района.

Литература

1. Багдарыын Сюлбэ. Топонимика Якутии: крат. науч.- попул. очерк / Багдарыын Сюлбэ. – Якутск : Бичик, 2004. – 192 с.
2. Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. – Москва : Институт наследия, 1999. – 337 с.
3. Веденин, Ю.А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова // Известия АН. Серия географическая. – 2001. – № 1. – С. 7–14.
4. Геологические памятники Республики Саха (Якутия) – Новосибирск : Студия Дизайн Инфолио, 1997. – 79 с.
5. Мурзин, Ю.А. Кигиляхи Якутии / Ю.А. Мурзин. – Якутск : Изд-во Ин-та мерзлотоведения СО РАН, 2006. – 14 с.
6. Кулешова, М.К. Систематика культурных ландшафтов / М.К. Кулешова // Культурный ландшафт как объект наследия. – Москва : Институт наследия; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004. – С. 145-162.
7. Лавренова, О.А. Семантика культурного ландшафта : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. 24.00.01 / О.А. Лавренова. – Москва, 2010.
8. Леонтьев, В.В. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / В.В. Леонтьев, К.А. Новикова. – Магадан : Книж. изд-во, 1989. – 456 с.
9. Мельников, А.В. Словарь народных терминов Дальнего Востока / А.В. Мельников. – Благовещенск : ИГиП ДВО РАН, 2009.
10. Мочанов, Ю.А. Новое в археологии Якутии: (Тр. Прилен. археол. экспедиции) / отв. ред. Ю.А. Мочанов). – Якутск, 1980. – 101 с.
11. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – Москва : Мысль, 1984.
12. Филиппова, В.В. Картографирование регионального культурного ландшафта (на примере Верхоянского района Республики Саха (Якутия)) / В.В. Филиппова ; сост.: Ю.А. Сибирцева, Н.Н. Григорьева // Михайловские чтения 2013. Экология культуры: опыт сохранения и актуализации культурного и природного наследия региона : сборник статей научно-практической конференции. – Архангельск, 2014. – С. 175-177.

References

1. Bagdaryyn Sulbe. Toponymy of Yakutia – Yakutsk : Bichik, 2004. – 192 p.
2. World cultural and natural heritage: documents, comments, lists of objects. – Moskva : Institute of Heritage, 1999. – 337 p.
3. Vedenin Y.A. Cultural landscape as an object of cultural and natural heritage / Y.A. Vedenin, M.E. Kuleshova // Proceedings of the Academy of Sciences. Geographical Series. – 2001. – № 1. – S. 7-14.
4. Geological Monuments of the Republic of Sakha (Yakutia). – Novosibirsk : Design Studio Infolio, 1997. – 79 p.
5. Murzin, Yu.A. Kigilyakhi of Yakutia / Yu.A. Murzin/ – Yakutsk : Publishing House of the Institute of Permafrost of the SB RAS, 2006. – 14 p.
6. Kuleshova M.K. Systematics of cultural landscapes / M.K. Kuleshova // Cultural landscape as an object of Heritage. – Moskva : Institute of Heritage; St. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2004. – P. 145-162.
7. Lavrenova O.A. The semantics of the cultural landscape: Abstract of Doctor diss. of Philosophy Sciences. 24.00.01 / O.A. Lavrenova. – Moskva, 2010.
8. Leontyev V.V. Toponymic Dictionary of Northeastern USSR / V.V. Leontyev, K.A. Novikova. – Magadan : Publishing House, 1989. – 456 p.
9. Melnikov A.V. Glossary of Far Eastern folk terms / A.V. Melnikov. – Blagoveshensk, 2009.
10. Mochanov Yu.A. New in archeology of Yakutia (Proceedings of Archeological Expedition) / Yu.A. Mochanov. – Yakutsk, 1980. – 101 p.
11. Murzaev E.M. Dictionary of folk geographical terms / E.M. Murzaev. – Moskva : Thought, 1984.
12. Filippova V.V. Mapping of the regional cultural landscape (for example of Verkhoyanskiy region of the Republic of Sakha (Yakutia)) / V.V. Filippova; compiled Sibirtseva Y.A., Grigoryeva N.N. // Michael's read-2013. Environmental Culture: the experience of preservation and actualization of cultural and natural heritage of the region. Collection of articles of scientific and practical conference. – Arkhangelsk, 2014. – C. 175-177.

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

УДК 24-31

*Alina Nakhodkina*¹

CULTURAL HERITAGE IN A CURRENT CONTEXT: CASE OF OLONKHO TRANSLATION*

**This paper is presented at Scientific conference "Landscape in narrative memory. Reality. Image. Modeling" supported by Russian Foundation for Humanities – Fondation Maison de Sciences de l'homme (France). Project №15-22-08501.*

1. INTRODUCTION

The Yakut folklore tradition is represented by a powerful and picturesque genre – the heroic epic known as the Olonkho. In 2005, UNESCO proclaimed the Olonkho 'a Masterpiece of Oral and Intangible Heritage of Humanity'. This highly significant new status prompted a series of important events in the Sakha Republic, including the implementation of the State Programme on Preservation, the Study and Dissemination of the Yakut Heroic Epic Olonkho, the establishment of the NEFU Research Institute of Olonkho, the Olonkho Theatre, the Olonkho Land, the Olonkho Portal, and many others. In 2007, at the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University in Yakutsk, UNESCO's proclamation also prompted the start of the Yakut-English translation project of the greatest of the Olonkho stories known as *Nurgun Botur the Swift*, written by Platon Oyunsky.

2. ABOUT OLONKHO

'Olonkho' is a general term referring to the entire Yakut heroic epic that consists of many myths and legends. Epic forms of folklore are created during the early stages of ethnos when such massive oral forms of folklore as epics appear. There are famous world epics such as the Mesopotamian *Gilgamesh*, Homer's *Iliad* and *Odyssey*, the Finnish *Kalevala*, the Buryat *Geser*, the Kirghiz *Manas*, the Armenian *David of Sasun*, and many others. And among them our Yakut epic Olonkho takes its own place.

As the Yakut epic researcher Innokenty Pukhov, the Olonkho is an epic of ancient origin; by name, it is directly related to the Buryat-Mongol epic, the *ontkho*. The epic originates from the times when the Yakut ancestors lived on their former homeland in the South and

¹ Doctor of Philological Sciences, Head of Department of Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. E-mail: aa.naxodkina@s-vfu.ru

had a close connection with the ancestors of the Turkic and Mongolian tribes living in the Altay and Sayan regions.

The Olonkho is written in an archaic language enriched by symbols and fantastic images, parallel and complex constructions, traditional poetical forms and figural expressions ('picturesque words' or 'kartinniye slova' in Russian – a term used by A.E. Kulakovsky, a famous Yakut writer and philosopher – and word-pairs). The language of the Olonkho is rich in various figures of speech, especially metaphors, similes, epithets and hyperboles. The Olonkho is full of descriptions, as it is generally a descriptive work.

Thus, constant epithets are linked to the names of characters thereby connecting various fragments of the narration:

Of the front-faced,
Two-legged,
Straight-nosed
Urankhai Sakha (Song 9)

In a traditional epithet "People with the reins on their backs" 'reins' symbolize the sunbeams as specific energetic threads. It points out that the Sakha as descendants of the Upper World still live according to the rules of their gods.

The Olonkho's bright artistic images and stylistic devices, elaborate poetic language and metaphors are close to the linguistic consciousness of the English-speaking readers knowing the poetic tradition of world epics.

3. TRANSLATION ISSUES

The most difficult aspects of translation are traditionally phonetics, syntax and lexical and cultural gaps.

Phonetic problems started with the transliteration of diphthongs. There are four diphthongs in the Yakut language that are as frequent as monophthongs: уо [uo], иэ [ie], ыа [iɜ], үө [yɛ]. The diphthong consists of two elements – a nucleus and a glide – and the nucleus has priority in pronunciation. We, the group of translators – Albina Skryabina, Zoya Tarasova, Sofia Kholmorova, Lyudmila Shadrina, Varvara Alekseeva-Neustroeva, Alina Nakhodkina and Svetlana Yegorova-Johnstone – used this phonetic peculiarity in the translation to make Yakut names and nouns shorter and more readable, for instance 'Суодалба' [suodal'ba] became 'Sodalba'; 'Иэйэхсит' [iejeħ'sit] – 'Ekhsit'; 'Ыһыах' [i'hiɛħ] – 'Esekh'; 'Күөгэлдьин' [kjuegel'jin] – 'Kegeljin'. We made an exception for diphthongs in one-syllable names and nouns such as 'уот' [uot], which was translated either as 'Uot' as part of a name, or as 'Fiery' as part of a constant epithet attached to the name.

We transliterated some exotic monophthongs based on their phonetic environment and the context, e.g. the Yakut letter 'ы' [i] is transliterated either as 'y', which is more traditional, or 'i'. In general, while translating the epic, we ignored almost all the rules of transliteration, since it seemed to me that words transliterated according to these rules would be cumbersome or at best slow down the reading. Our goal was not to put off the English-speaking readers but to inspire them to go on reading this long poem.

Another phonetic obstacle was long vowels, for which we used the same strategy: we shortened long vowels in polysyllabic words and transliterated their approximate pronunciation, e.g. 'Туйаарыма' [tuja:ri`ma] was translated as 'Tuyarima'; but kept to similar graphic forms in short words, e.g. 'өлүү' [e`lju:] – 'Eluu', 'Айыы' [aj`i:] – 'Aiyy', 'алаас' [a`la:s] – 'alaas', etc. Some words are spelt with 'h' in order to show their length or different pronunciation: 'илгэ' [il`ge] – 'ilgeh', 'сэргэ' [ser`ge] – 'sergeh'.

Consonants were also a challenge. Thus, Ы [g] does not have a direct counterpart in English and may be interpreted as both [kh] and [g]. I chose the last variant as the closest equivalent, e.g. 'Бохсоҕоллой' – 'Bo(k)hsogolloi'; 'оҕо' [o`g(kh)o] – 'ogo'. This choice was motivated by a word 'удаҕан' translated as 'udagan' (shamaness) in earlier translations. Sometimes I used data from Russian translations, e.g. the words 'ыһыах' and 'удаҕан' in Russian have the following graphic forms 'ысих' [i`sieh] and 'ударанка' [uda`ganka]. That is why we used 's' in the English translation 'Esekh' instead of 'Ehekh' – besides, there is a demon in the Olonkho who has a similar name 'Ehekh' spelt with 'h'.

We use the following principles of proper names' translation worked out by a modern Russian scientist Dmitry Ermolovich:

- the principle of the national-linguistic association;
- the principle of euphony.

Cf. *leyekhsit* [IPA transcription] – *goddess Ekhsit* [my transcription].

If one translate the Yakut word «Боотур» (Hero) as "*Bootur*" it undoubtedly brings the reader to the English "boot", that is why we chose the form "*Botur*" without doubled <o> in order to avoid an unwilling association.

Some Yakut turcologists felt suspicious of the quality of the English translation of Yakut because they believed that it was impossible to transfer all the richness and depth of the Yakut language into another language, especially an unrelated one. In response to this view, it is appropriate to cite the words of Roman Jakobson: 'All cognitive experience and its classification is conveyable in any existing language. Whenever there is deficiency, terminology may be qualified and amplified by loan words and loan translations, neologisms or semantic shifts, and finally, by circumlocutions.' [R. Jakobson, 'On the Linguistic Aspect of Translation', 1959.] This implies that in order to convey the same notion expressed in the Yakut language by a single term, a speaker of English must resort to employing different lexical strategies, such as circumlocution, neologisms and/or loanwords. Our English translation keeps some exotic words where there were lexical gaps – for example, when expressing units of measures (*kes*, *bylas*). To avoid transcribing too many Yakut words we add their English equivalents, e.g. 'илии' [i`li:] is translated as 'finger-sized'. All such transformations were necessary to concentrate the reader's attention on the unfolding plot, which is already overwhelmed with bright unusual images and metaphors.

According to Dr. Lidia Romanova (The International Olonkho Forum, June 2015, NEFU, Yakutsk) Olonkho is a prosaic oral text written by Oyunsky into poetic lines still with no rhymes and metre but organized with the help of phonetic means: alliteration, consonance, assonance, anaphora and so on. Structural differences in the Yakut and

English languages make it impossible to achieve an accurate transmission of these phonetic means involving equal length and number of lines. But these phenomena can be compensated in translation by other linguistic means to transfer phonetic and syntactic features approximately. Fortunately, English poem – as well as Yakut one – is based on alliteration. Of course, nowadays alliteration is almost transformed into a non-functional supplement to the modern English verse and becomes an ornamental element of it. However, alliteration is a traditional part of old German poetry (Anglo-Saxon and Scandinavian). In many cases only alliteration gives a structural certainty to old English poems that are not free from some monotony and colourless rhythm. Therefore we see that alliteration is a key element of the old English verse and in this respect to use alliteration in the Yakut-English translation of an ancient epic poem is relevant. There is an example of vertical alliteration or anaphora given below:

Black horse lost,
Broil broke out...
Bride was contested,
Battle commenced,
Blood was shed,
Bayoneted eyes,
Broken skulls –
Brouhaha brewed (Song 7)

Some examples of horizontal alliteration:

The fire burned
As big as a birch-bark barrel. (Song 6)
His strong muscles
Swelled and strained; (Song 5)
Where a fantastic sorcerous storm swirls and plays (Song 8)

We use compensation as the most efficient means to transform Yakut parallelism typical of the epic language into English parallel constructions:

Buhra Dokhsun oburgu,
Who has never been tamed,
Whose father is Sung Jahin,
Who has the thunder chariot,
Who flashes lightning! (Song 7)

Compensation also helped much in our attempts to transfer word-pairs – a rhymed couple of words where the second component does not have any meaning and is added only for rhyming purposes but in our version both components have meanings:

The eight-rimmed, eight-brimmed,
Full of **discord-discontent**,
Our Primordial Motherland
Was **created-consecrated**, they say...
So, we do our best to tell the story... (Song 1)

Another example of the word-pair is a popular Yakut expression «эрэйдээх-буруйдаах» [erej'de:h] [buruj'da:h], where each element means “unfortunate, unhappy, poor, pitiful, desolate, etc.” It is often translated into Russian as a word pair with a diminutive too – «беденький-несчастенький». We translated it like one word:

Your name is
 Orphan child
 Ogo Tulayakh
 Of the Middle World,
 Owner of a foal and
 Of the *batyia* made of a rib bone,
 Your other name is
The late-in-life child,
The Miserable,
The life-long sufferer,
 The Lonely Man
 Er Sogotokh,
 Eredel, the marksman...

All exotic words including interjections are written in *italics*:

I am standing here,
 In the centre of a wide *tuhulgeh*,
 As big as a deep blue lake,
 Surrounded by a yellow *chechir*.
 Today I am praising
 The sacred white *sergeh*
 With seven *seleh* ropes,
 For I am seeing
 My dear golden-chested Skylark,
 My dear copper-chested Birdy leave... (Song 7)

There was also a problem of “faux amis du traducteur”, for example, the Yakut word «барахсан» often translated into Russian as «бедняжечка», «бедный/бедная» and into English as the same “poor” which is absolutely wrong transmission of the literal meaning. It doesn't correlate with Tuyarima-Kuo – the most beautiful young healthy girl from the richest family in the Middle World. In this context this word has the other meaning “dear/darling” with a diminutive.

Cf. Тунал5аннаах ньуурдаах
 Туйаарыма Куо **барахсан**...
 In the room

There was **dear**, fair-faced Tuyarima Kuo
 With the nine-by-las-long braid,
 Her eyelashes fluttered lightly,
 A faint smile stirred on her lips,

Then she beamed happily,
Shining as bright as the sun,
Dazzling
Like sunbeams.

Her tender, silver cheeks
Blushed prettily...(Oyunsky, 2013: 312)

The literal translation of the same Yakut expression “тунналҕаннаах ньуурдаах” demonstrates also another semantic violation while translated in the previous editions as “white-faced” or “bright-faced” instead of “fair-faced”. “White-faced” and “bright-faced” have the meaning of a temporary effect, not a constant quality.

Fair-faced Туйарима Куо

With the nine-by-las-long braid (Song 1)

While translating polysemantic words there was also a problem of a correct choice of a meaning. Thus, a Yakut word «обургу» – a traditional epithet attached to the names of heroes. According to the Dictionary of the Yakut language by Edward Pekarsky it has the following meanings: обургу [cf. with Mongol «абурҕу, абурҕа» huge, big] 1) average, quite, mediocre; quite big ДП.; bigger, more; big in size: однако! Изрядно! – Quite!; ай да молодец! Ай да парень! – these expressions are close to an American expression “good on you!”. 2) an addition (sic) to the names of mythological heroes богатырь удалой – literally hero brave, молодец – literally young brave hero, and a loan word обургу и пр. [Pekarsky; 1958: 1777-1778]. But in olonkho the word has more differential components including “bold”, “mighty”, “brave”, “cunning”, “smart and quick”, sometimes it may be used both in negative and positive senses. But it always expresses “awe”. In the Russian translation all differential components are omitted that again proves the idea of the importance of cultural factors in overcoming the untranslatability: «... удалой его сын Бохсоголлой Боотур», lit. “... his brave son Bohsogolloi Bootur”, «Удалой Нюргун Боотур», lit. “Brave Nyurgun Bootur” [Derzhavin, 1975: 181], «...исполин Нюргун Боотур», lit. “...the giant Nyurgun Bootur” [Derzhavin, 1975: 188].

Born in the age of enmity Ehekh Kharbir,
Three Shadows,
The night stalker,
The deceiving twister
Whose whirlwind turns everything upside down,

Mighty Timir Jigistei,
The famous Ajarai. (Song 3)

Borrowings are met quite seldom but still are a problem. Mostly there are borrowings from the Russian language. For example,

Чэлгиэннэх чэрчитигэр
Чэрбиэнкэ көмүс курдук
Чэрэлийэ эргин
(ДНБ, Якутск, 2003, Song 2 : 80)

“Чэрбиэнкэ» is a corrupted form of the Russian word «червонец» – 10 roubles. The name of the coin comes from the golden coin issued under Russian Tsar Nikolay II. It was made of highly qualified gold of a reddish colour, that is why it was called «червонное золото» – “pure gold”. In our translation we stress readers’ attention on the material of the coin to create a simile and do not transliterate the Yakut form.

Shining bright

Like a golden **coin**

(Song 2)

4. CONCLUSION

The Yakut heroic epic Olonkho is a text with a high percentage of national-cultural components that make the process of translation extremely difficult. An epic text contains a high degree of national-cultural presence of a specific ethnic group with ancient roots and history without a direct Western cultural analog. This significantly constrains the choice and the realization of a translation strategy and hence, heavily complicates the process of translation from Yakut into English. Therefore, in translation it is always important to consider the cultural factor, and when necessary to appropriately adjust the text, in each case, trying to find the best solution possible. This article discussed some of these problems, giving clear examples of each, and suggested some ways of obviating them.

References

- Jacobson, Roman (1959) *On the Linguistic Aspect of Translation*.
- Pukhov, Innokenty. (2013) *Olonkho – the ancient Yakut epic (Olonkho – drevnii yakutskii epos)*. – Yakutsk : Saidam publishing house. – P. 30.
- Derzhavin, Vladimir. (1975) *Nyurgun Bootur Stremitelnyi*. – Yakutsk : Yakut book publishing company. – 432 p.
- Oyunsky, Platon (2014) *Nurgun Botur the Swift*. – London : Renaissance Books.
- Yakut Dictionary / E.K. Pekarsky. – Yakutsk, 1958. – V. 1. – 1281 p.
- Yakut Dictionary / E.K. Pekarsky. – Yakutsk, 1958. – V. 2. – 1226 p.
- Yakut Dictionary / E.K. Pekarsky. – Yakutsk, 1958. – V. 3. – 1351 p.
- Romanova, Lidia (2015) *Olonkho epic in formation and development of the poetic system of Yakut literature (Эпос-олонхо в становлении и развитии поэтической системы якутской литературы)*. The International Olonkho Forum, June 2015, NEFU, Yakutsk.
- Ermolovich, Dmitry I. (2001) *Proper names at the intersection of languages and cultures*. – Moscow. – P. 21, 25, 31.
- Argounova-Low, Tatiana I. (2001) *The scapegoats of **natsionalizm**: ethnic tensions in Sakha (Yakutia), northeastern Russia. (Unpublished version for Russian translation)*. A dissertation submitted in completion of the requirements for a Ph.D. at the Scott Polar Research Institute, University of Cambridge. p. 89.

Екатерина Романова¹

ЛАНДШАФТ В КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ*

LANDSCAPE IN THE CULTURE OF MEMORY

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект №14-38-00031).

В статье рассматривается обособление чётко маркированных этнически мест и территорий, фиксирующих себя новыми этнокультурными ландшафтами в условиях глобализации. Анализируется организация жизненного мира северных скотоводов – саха, которая проходила на алаасных экосистемах Якутии.

Ключевые слова: Якутия, саха, этническая культура, ландшафт

The article deals with the separation of ethnically clearly marked places and territories, fixing itself with new ethno-cultural landscapes in the context of globalization. The organization of the life-world of the northern pastoralists – Sakha, which took place on the alaas ecosystems in Yakutia, is analyzed.

Key words: Yakutia, Sakha, ethnic culture, landscape

Эпоха глобализации порождает не только обширные пространственные поля межцивилизационных и межкультурных взаимодействий, но и обособление чётко маркированных этнически мест и территорий, фиксирующих себя новыми этнокультурными ландшафтами. Организация жизненного мира, формирование хозяйственного и культурного ареала самых северных в мире скотоводов – саха – проходило на алаасных экосистемах Якутии. В якутской культуре человек был буквально тождественен с пространством родной земли, соотносенного с понятием алааса как

¹ Романова Екатерина Назаровна, доктор исторических наук, заведующая сектором этнографии народов Северо-Востока России, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: e_romanova@mail.ru

Ekaterina Romanova, Doctor of Historical Sciences, Head of Sector of Ethnography of the Peoples of North-Eastern Russia, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

«одомашненного» освоенного пространства. Образ алааса в традиционном мировоззрении якутов является его духовным стержнем и ключевым символом, синтезом природы и культуры как Дома народа саха.

Такое понимание этнокультурных ландшафтов основано на образной, расширяющей интерпретации традиционных этнических территорий. Приходится констатировать, что в российской науке до настоящего времени не изучено геокультурное пространство народа саха, отсутствуют фундаментальные комплексные исследования по изучению этноландшафта (алааса). Разработки в этом направлении, безусловно, способствуют расширению и углублению всевозможных интерпретаций понятия природного и историко-культурного наследия на якутском материале.

Алаас как ментально-географический феномен. Анализ сакральных текстов приводит к заключению, что якутский алаас – это культурный ландшафт, воспринимаемый и наблюдаемый через «призму» знаков и символов, сопряженный с рациональным и эмоциональным переживанием пространства.

Алаас выступает как универсальная матрица организации традиционного сельского пространства якутов. Так, этногенез и культурогенез народа саха происходил на пограничье Юга и Севера, последовательно осваивая такие природные ландшафты, как горные системы, тайгу, тундру, арктическую пустыню, а также крупные и мелкие речные артерии предки якутов сохранили в культурной памяти «фигуры воспоминания», связанные с наследием степной культуры.

Образ степного наследия в якутской картине мира был соотнесен с понятиями территории, пространства, культурного ландшафта, географического образа, региональной идентичности. Культура народа формировалась согласно тем символам и артефактам, которые признаны наследием территории проживания.

Адаптационный механизм культуры северных тюрков к новым географическим и природно-климатическим условиям заключался в инновационной стратегии пространственного, хозяйственного, ментального освоения Севера и Арктики. Пространственное освоение означало расселение по территории, хозяйственное – организацию жизнедеятельности, ментальное – символизацию окружающего мира.

В этом контексте представляется важным рассмотреть символические репрезентации освоенного северного ландшафта через призму разных текстов культуры. Одним из архетипов пространственной идентичности народа саха выступал сакральный ландшафт ритуала первотворения (Ысыах).

Для устройства Ысыаха выбирали красивые места с широкой поляной, окруженной лесом (алаас). В мифопоэтической традиции якутов центром мироздания являлся алаас с его георхитектурными сооружениями: мировое древо – *Аал луук мас* и коновязь – *сэргэ*.

Если обратиться к сакральным текстам якутов, то можно выделить семейные алгысы-заклинания, где выстраивается образ живого алааса как ключевой доминанты системы духовных ценностей народа саха:

«Дух-хозяйка славного алааса,
С удобной гладкой дорогой,
Хозяйка земли Аан Алахчын Хотун,
Изобилие-счастье подайте!
От бед и несчастий семью оберегайте!
Отцовский род умножьте!
Наслеги один с другим соединяйте!
Улусы один с другим связывайте!»

Здесь поэтика пространства рассматривается как образ архетипа дома и жизненной дороги, метафоры неразрывности человеческого счастья и сакрального через ландшафт алааса.

Изучение и осмысление якутского алааса в когнитивно-географическом измерении с привлечением исторических и культурных артефактов, традиционных ментальных характеристик раскрывает алаас как ядерное геокультурное понятие природного, сакрального и духовного наследия народа саха в широком пространственно-временном континууме.

Исконной средой обитания любого народа, как правило, принято считать природную и этнокультурную среду, которая исторически сложилась на определенной территории проживания и является основой их жизнедеятельности. Традиционное природопользование коренных народов Якутии определяло оригинальный хозяйственно культурный тип, а, следовательно, способствовало формированию и сохранению этнической культуры.

Визуальный образ ландшафта в этнографической фотографии. Изучение визуального наследия как самостоятельного источника по традиционной культуре и быту только начинается, при этом, приходится сожалеть, что этнографическая фотография до сих пор не стала темой специального научного исследования. Изучение этнографической фотографии как исторического источника дает возможность реконструкции культурных ландшафтов (праздничное пространство, обрядовые центры, ритуальная архитектура) и позволяет восстановить элементы жизненного уклада и традиционного мировоззрения.

Это, прежде всего мир якутского праздника. Действительно, фотографы пытались донести до зрителя красочную палитру праздника Ысыах во всем многообразии его оттенков. Анализ праздничной фотоколлекции А.П. Курочкина позволяет восстановить Ысыах конца XIX – начала XX века как главного обрядового праздника культурной традиции народа саха. Мир праздника, глазами фотографа, зрелищные гуляния и развлечения по случаю прихода долгожданного лета, это и соблюдение обрядов и обычаев якутской старины: кропление кумысом божествам и духам местности, ритуальное кумысопитие из священных сосудов – чороон и круговой танец осуохай, народные состязания и конные скачки. В визуальных изображениях А.П. Курочкина улавливается торжественная атмосфера праздника, манифестирующая ритуальный контекст всего происходящего. Фотограф демонстрирует традиционную одежду

и серебряные украшения собравшихся, ритуальную посуду и пищу, праздничное убранство лошадей, ритуальные сооружения – все это и есть сакральный ландшафт праздника, где происходят основные обрядовые церемонии. Мир праздника пересекается с народной игровой культурой. Для А.П. Курочкина как фотографа немалое значение имеет учет зрительского восприятия, а, следовательно, ему нужны необычные визуальные образы. Его фотографии, посвященные верованиям и культам якутов, заслуживают особого внимания. Духовная жизнь якутского общества, этническая культура, организация быта якутов, характер труда и досуга были тесно связаны с их образом жизни, вследствие чего трансформационные процессы здесь шли значительно медленнее. Народные верования и христианство, сельский быт и городская жизнь, национальные праздники и ярмарка, развитие торговли и изменения в якутском обществе – визуальные наблюдения фотографа на фоне «уходящего» традиционного мира. Фотограф прекрасно передал образ Якутии в состоянии перехода. Важно заметить, что Курочкин, по всей видимости, занимался и самодельной почтовой фотооткрыткой. Об этом свидетельствуют выполненные им вручную видовые открытки с Вилюйской ярмарки. Особое внимание заслуживает северная тематика его фоторабот. А.П.Курочкин один из первых фотохудожников, кто начал создавать образ Якутии как экстремальную модель воображения циркумполярного мира.

Анализ визуальных текстов, связанных с северной тематикой показывает, что фотохудожник выстраивает фотокадры как определенный презентационный видеоряд. Так, согласно авторской композиции, создается собирательный образ Севера: снег, белые олени, красивая якутская девушка в меховой шубе с серебряными украшениями и, наконец, шаман с бубном.

Визуальные свидетельства по этнографии якутов, выполненные А.П. Курочкиным, не претендуют на достоверность этнографической реальности и не всегда выступают репрезентативным источником. Фотографические работы Курочкина создают зрительный феномен якутской культуры начала XX века. Формирование его художественных принципов было связано с созданием этнографического образа в рамках «авторской фотографии». Этим и объясняется огромный интерес к фотографическому творчеству А.П. Курочкина со стороны издателей, которые и выпустили в начале века его фотоколлекции в виде почтовых фотооткрыток. Благодаря почтовым фотооткрыткам, мир познакомился с природным и культурным ландшафтом северной территории.

Образ ландшафтных представлений в современных текстах культуры. Этнические идентификаторы территории как геокультурный ландшафт и институт памяти актуализируются в графических образах пространственных локусов. Элементы природного ландшафта, флоры, фауны и хозяйственной деятельности широко представлены в современных гербах муниципальных образований (улусах) республики. Семиотический анализ гербов муниципальных образований показывает доминирование в них этнокультурных представлений саха. Прежде всего, это этноландшафтные артефакты – памятники древности (петроглифы), коновязь-сэрэз, культура лошади,

сакральная архитектура (*аар-баҕах*), элементы кумысного ритуала Ысыах и др., широко представленные в современных гербах.

В контексте нашего исследования интерес вызывают изображения гербов, представленные образами этноландшафтных артефактов. Центральной фигурой герба Горного улуса является изображение лося с наскальных рисунков эпохи позднего неолита на берегу реки Сиинэ. В традиционном мировоззрении коренных народов петроглифы выступали в качестве объекта древнего почитания и поклонения. Такие элементы ландшафта местным населением выделялись как священные¹.

Образ культурного ландшафта (ритуальное пространство с культовой архитектурой) репрезентируется в гербе Сунтарского улуса. Как известно, Сунтарский улус входит в вилюйский регион, до настоящего времени, сохраняющего глубинные фольклорные традиции народа саха. На гербе изображено ритуальное сооружение «Аар баҕах» – элемент праздничного пространства, а также силуэты людей, танцующих круговой танец «осуохай» – символ национального праздника Ысыах.

Подчеркивается сакральный ландшафт сунтарской земли как важной составляющей культурного наследия якутского этноса².

Пространственное освоение природных территорий отражало традиционную мировоззренческую систему организации культурного ландшафта. По определению В.Л. Каганского всякое земное пространство, жизненная среда группы людей есть культурный ландшафт, если она освоила это пространство утилитарно, семантически и символически³. Пространство как элемент культуры организовывало природные и хозяйственные объекты в многоуровневые пространственные символы, кото-

¹ Герб МО «Горный улус(районы) [Электронный ресурс] // <http://www.sakha.gov.ru> (официальный информационный портал РС(Я) URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/29504>

² Герб МО «Сунтарский улус (район) [Электронный ресурс] // <http://www.sakha.gov.ru> (официальный информационный портал РС (Я) URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/29811>

³ Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. – Москва, 1995. – Вып. 3. – С. 31-67.

рые в традиционной картине мира выступали основными категориями «сакральной топографии» культурного ландшафта.

Важное значение в традиционной культуре приобретали сакральные природные объекты – почитаемые среди местного населения элементы ландшафта, являющиеся местами поклонения и отправления обрядов. В настоящее время в республике идет процесс определения священных земель – важнейших эзотерических материальных объектов духовной культуры всех коренных народов Якутии. В контексте того, что священные места олицетворяют собой духовный опыт многих предыдущих поколений, к ним следует относиться с максимальной осторожностью и бережностью.

Итак, культурное наследие как институт памяти выступает креативным элементом социального и культурного пространства, участвующим в конструировании стратегических контуров развития региона и раскрывающим онтологию его ландшафта.

Марина Содномпилова¹

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БУРЯТ: РЕКОНСТРУКЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ*

SACRED SPACE OF THE BURYAT: RECONSTRUCTION AND MODELLING OF IMAGES

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Постсоветский период в России маркирован процессом десекуляризации общественного сознания, сопровождаемого реконструкцией традиционных религиозных символов и практик и сложением новых. Религиозные практики, ключевые символы религиозного возрождения приобретают все большее значение в различных аспектах повседневной жизни современного бурятского общества. Поскольку рамки данной работы не позволяют рассмотреть все явления религиозного возрождения, мы остановимся на наиболее ярких его проявлениях в жизни современного общества этнической Бурятии.

Этническая Бурятия – территория происхождения и проживания бурятского народа, является наиболее важным компонентом бурятской этносферы. Идея «родная земля» в постсоветский период, отмеченный мобилизацией этничности как в отдельных регионах, так и в целом в России, стала одним из базовых компонентов в конструировании этнической идентичности бурят. Согласно социологическому исследованию, для 66 % бурят малая родина (место рождения), территория этнической Бурятии связывается у респондентов с мыслью о бурятском народе. Как считает Д.Д. Амоголонова, современный этап бурятского национального возрождения характеризуется сменой вектора интересов общества из политической сферы к национальной культуре, важнейшей частью которой является религия [1]. Особый интерес представляет процесс сакрализации пространства этнической Бурятии, осуществляющийся при активном участии как буддийской церкви, так и шаманизма.

¹ Марина Михайловна Содномпилова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Marina Sodnompilova, Doctor of Historical Sciences, Senior Fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Этническая Бурятия входит в пространство огромного буддийского региона. В этой связи чрезвычайно важными сакральными знаками, широко распространенными в Центральной Азии, являются символы буддийской культуры. К ним относятся буддийские монастыри, дуганы, ступы, статуи божеств и другие символы. Особенно возрастает значимость символов буддийской культуры на фоне процесса «буддийского обновления», активно развивающегося как в Бурятии, так и в соседней Монголии. Сакрализация пространства занимает одно из важных мест в религиозной деятельности буддийской церкви. На территории Республики Бурятия при активной ведущей и посреднической деятельности буддийской церкви в контексте такого явления, как «буддийское обновление», осуществляется процесс «возвращения» бурятского населения к буддизму через воссоздание и возвращение утраченных в период воинствующего атеизма буддийских святынь, храмов, воспроизводство ритуальных практик.

Одним из явлений современности выступает возродившаяся традиция сооружения буддийских религиозных монументов – ступ, которые могут иметь разную форму и размеры, характерные для разных традиций. «Ступы – монументы, символизирующие просветленный ум Будды. Они строились с незапамятных времен во всех буддийских странах». Назначение ступ также бывает разным. Ступа – это не просто памятник, это постоянно работающее сооружение, приносящее неисчислимо благо людям, всем живым существам, приходящим к ней, всем, кто живет поблизости. Верующие считают, что ступа обладает способностью нейтрализовать потоки негативной энергии, тем самым «очищая» окружающее ее пространство. В Бурятии в настоящее время ступы сооружают вблизи опасных участков дорог, отмеченных частыми автомобильными авариями и связанными с ними человеческими жертвами. Во многих бурятских селениях жители считают своим долгом построить ступу для умиротворения духов местности, для благополучия всех живущих на этой земле. Так, например, в одном из сел Закаменского района ступу воздвигли в целях прекращения череды негативных событий, имевших место в селе за последние несколько лет – суицидов, преступлений, которые, по словам буддийских священников, были вызваны гневом духов данной местности. С завершением строительства ступы начинается новая жизнь сельской общины, в ритм которой включается религиозная деятельность – уход за ступой: ежедневное возжигание лампад, поддержание ступы в хорошем внешнем состоянии, ее ремонт. Обязанности по уходу за ступой распределяются между членами сельской общины (дежурство в течение нескольких дней несет одна семья) и в стороне от этой деятельности не остается ни один человек. Нельзя сказать, что подобная традиция распространена повсеместно, возможно, что это инициатива местных жителей, ведь многие подобные сооружения и в Бурятии, и в соседней Монголии выглядят неухоженными, постепенно разрушающимися.

Необходимо также отметить такое явление, распространившееся на волне религиозного возрождения, как «открытие» миру священных новых или прежних локусов, скрывшихся от глаз людей в период общего безверия и визуально проявившихся в «благоприятное» время. Не вызывает особого удивления заслуга Хамбо-ламы Аюшева в открытии большинства таких мест. Хамбо-лама лично принимает участие

во многих религиозно-исследовательских экспедициях.

Так осуществляется процесс сакрализации пространства, который реализуется на разных уровнях – и локальными сообществами (семейными, родовыми, племенными группами) и в национальном масштабе – разными религиозными организациями, главным образом, буддийскими и шаманскими.

Подчеркивая активную деятельность буддийской церкви в сакрализации пространства, следует отметить, что продолжают сохранять знаки-символы шаманской и дошаманской культуры, популяризация которых сегодня осуществляется со стороны современных шаманских организаций и отдельных лидеров – авторитетных шаманов, старейшин.

С древних времен концептуальное освоение пространства достигалось посредством осмысления всех объектов заполняющих пространство кочевников и всех зон обживаемого пространства. В качестве полифункциональных знаков-ориентиров, выражающих архетипы человеческого сознания, могли функционировать как природные, так и рукотворные объекты, формируя сакральную карту пространства освоения монгольских народов.

На ранних этапах освоения пространства наиболее приметные компоненты ландшафта, привлекая внимание человека, функционировали в качестве ориентира в хаосе бескрайних неизведанных территорий. Впоследствии самые характерные точки окружающего пространства становятся естественными территориальными границами пространства, занимаемого сообществом разного уровня – территории семьи, патронимии, рода, племени. Из разнообразных компонентов ландшафта особое внимание традиционного человека было приковано к горам – вертикальным доминантам среды.

Примечательные компоненты ландшафта становятся местом обитания «хозяев местности», покровительствующих той или иной территории, в роли которых на разных стадиях развития данного культа выступают «и животные, и амбивалентные духи покойных людей, родовых предков, жрецов, шаманов, военных предводителей, властителей разного ранга» [2, с. 118]. На этом этапе функции природного объекта как ориентира в пространстве отступают на второй план и актуализируются значение и функции «хозяина» данного объекта, который представляется как распорядитель конкретной территории, управляющий судьбами всех ее обитателей. «Хозяин местности» покровительствует родовой или территориальной общине, каждой семье и каждому человеку, входящих в социальный коллектив на данной территории [2].

Культовый культ «хозяев» гор в традиции монгольских народов демонстрирует различную степень освоенности территории. Хозяева гор в религиозных верованиях монгольских этносов могут быть и небесного, и земного происхождения. Труднодоступные горные вершины, как правило, являются местом обитания верховных небесных божеств. Они почитаются как условные, не отмечены знаками человеческого внимания. К таким условным относится культ Мундарга – Тункинских Саян, который не имеет конкретного места почитания, но присутствует в ритуальных призываниях. Духами-хозяевами гор выступают также и духи земного происхождения – преимущественно духи умерших предков. Обычай захоронения родовичей в горах

особым образом сказался на стадильном развитии культа «хозяев» местности. По представлениям закаменских бурят, известные шаманы и шаманки после смерти становились горами – хада болод хууһа, становясь покровителем местности. Таким образом, осуществлялось совмещение культа семейно-родовых покровителей, культа шаманских предков с почитанием духов-хозяев местности. Обратиться после смерти в гору могли не только шаманы и шаманки, но и известные, авторитетные пожилые люди. Традиция захоронений в горах отправителей шаманских культов направлена, с одной стороны, на ассимиляцию культов дошаманского происхождения, с другой стороны, на закрепление определенной территории за конкретным этническим обществом.

В настоящее время наиболее глубокая духовная связь с сакральной горой, пронизывающая жизненный цикл общества, наблюдается в традиции западных бурят, проживающих в Иркутской области. Следует отметить, что такого рода связь характерна для тех бурятских сообществ, которые счастливо избежали деструктивных процессов, сопутствующих советскому периоду развития страны, в частности, коллективизации и связанной с ней политикой укрупнения поселений.

Горы здесь выступают ключевыми символами территорий, занимаемых отдельными локальными группами бурят, иными словами, горы, расположенные вблизи бурятских поселений, являются «лицом» отдельных сообществ. Наиболее ярко данный феномен представлен в бурятском поселении Байтог, расположенном вблизи одноименной горы. Гора Байтог представляется общеплеменным сакральным центром эхиритов, окруженным горами более низкого статуса – родовыми центрами отдельных патронимий. Гора Уута Хада является главной горой патронимии Абхай, группу Алаг представляет гора Бахья. Гора Утата покровительствует патронимии Мингараг. Культурным объектом родственной буровским бурятам группы Булюй является гора Шара Шубуудтэ Хада («Гора желтых птиц»), название которой происходит от цвета оперения птиц, обитающих в лесных чащах горы. Информаторы непосредственно связывают определенную гору с каждой конкретной семьей: «Наши апхаевские Маркусеевы и Алтаевы имеют гору Уута Хада, а гора Малаан Хада – Хушхеевых». Таким образом, гора как главный член патронимии включена в социальную структуру общества.

«Потомков по линии Хушхеевых нет. Агафья – единственная наследница богов горы Малаан хада» – такими представляются и осмысливаются в традиционном сознании связи людей с сакральными родовыми центрами. Земли, которые раскинулись у подножия горы, используются как сенокосные участки потомками или ближайшими родственниками тех, сакральным центром которых является та или иная гора. Приступая к сенокосу, люди совершают жертвоприношение духам-хозяевам данной местности, испрашивая разрешение на осуществление своей деятельности.

В традиции местных бурят сохраняется архаичный обычай включения новорожденного в социум посредством совершения особого обряда: глава семьи, у которого родился сын-первенец, обязан подняться верхом на лошади на священную гору Байтог с жертвенной овцой; на вершине горы, где располагаются жертвенники, сложены две кучи камней, где каждый камень символизирует собой душу мужчины; отец

ребенка совершает жертвоприношение овцой предкам и духам-хозяевам местности и дополняет кучку камней новым камнем, символизирующим душу новорожденно-го мальчика. Так, родовой сакральный центр берет под свою «опеку» нового члена общества.

Рассмотренные нами значение и функции образа родовых гор в идеологической жизни патронимий выявляет актуальность культа гор в современном бурятском сельском обществе, указывает на сохранение тесных связей с родовыми территориями, что проявляется в обрядах жизненного цикла, обрядах окказионального характера.

Традиционно в отношении культовых мест соблюдались определенные запреты, в частности, действовал запрет на посещение сакрального места женщинами, чужеродцами, а вся местность вокруг него наделялась статусом «заповедной», т. е. запретной для любой хозяйственной деятельности – сэртэй.

Местообитанием духов земного происхождения в лесной и степной зонах считались необычные по виду деревья – с искривленными стволами, со спутанными верхушками, одиночные развесистые деревья, лесные рощи, необычные камни. Были духи-хозяева и у водных источников. Ими представлялись как персонифицированные духи, так и абстрактные хозяева вод – лусы.

В процессе освоения территории сообществом наряду с сакрализацией объектов природного происхождения пространство наделялось знаками человеческого мира. В ряду культурных знаков-ориентиров особое место занимают археологические памятники – творения исчезнувших цивилизаций. На территории Центральной Азии множество подобных мест: древние изображения на скальных поверхностях – писаницы, петроглифы, могильники, маркированные каменными изваяниями – каменными бабами хүн чулуу, оленными камнями буган хошоо, хиригсуур, руины древних оборонительных сооружений и городов – земляные валы, каменные стены.

Наибольшее число знаков-маркеров человеческого мира относятся к более близкой в хронологическом отношении эпохе. На всем пространстве, освоенном монгольскими народами, во множестве встречаются рукотворные сооружения обо или бариса в виде конусообразных куч камней, увенчанные деревцами, коновязных столбов, которые сооружались в честь духов-хозяев местности. Это могут быть и деревья, на которые верующие повязывают шелковые ленты, пучки конских волос, бросают у их подножия монеты. Как правило, обо сооружались из подручного материала – камней, деревьев. Отмечены примеры сооружения обо из рогов горного козла [3, с. 74]. Неотъемлемый элемент обо – это голубые хадаки – ритуальные шелковые полотенца, которые привязывают к шестам, венчающим каменные насыпи, к веткам и стволам деревьев. В Монголии архитектуру обо, помимо камней и веток, могут дополнять и иные предметы, которые в монгольской культуре наделяются сакральным статусом, например, черепа коней победителей скачек. Жители ближайших населенных пунктов приносят на обо черепа других животных – самцов-производителей, а также собак.

Эти культовые сооружения являются полифункциональным объектом – маркером родовой, а позднее этнической территории, представляющим святилище и жертву одновременно, а его внешний облик является проекцией горы, символа axis mundi.

Особенностью культовых сооружений обо и бариса является то, что в большинстве случаев они непосредственно связаны с таким значимым компонентом пространства, как дорога. Также эти культовые объекты являются обязательными компонентами ландшафта в горных местностях: обо сооружаются на каждом перевале – преодолевая горную преграду, путники жертвовали духам местности кусочки пищи, монеты, отдыхали и просили у духов помощи и заступничества в дороге. Если не было подношений, можно было положить небольшой камень на груды камней, тем самым увеличивая обо. Монголы верили, что с ростом каменной насыпи увеличивается сакральная сила обо, а в ответ приумножится благосостояние человека.

В традиции западных бурят бариса у дороги устанавливали в честь известных шаманов. По верованиям западных бурят, у бариса останавливаются на отдых души умерших шаманов, духи-покровители местности и божества, с которыми путнику обязательно нужно было пообщаться, поделиться пищей и питьем.

Култ обо, как особо значимого объекта, сохраняет свои позиции и в жизни современного общества. У бурят и монголов считается большим грехом проехать мимо бариса или обо, не почтить это место. Люди уверены, что тем самым можно накликать беду в дороге. Поломка автомобиля, дорожная авария однозначно расцениваются как гнев духов дороги: «считается, что при аварии на жизнь человека покушаются либо хозяева бариса, либо духи и божества, оказывающие бурятам покровительство в дороге» [4, с. 223].

Поскольку мобильность стала характерной чертой современного общества, культ религиозных объектов, связанных с дорогой, сегодня чрезвычайно актуален не только у бурят, монголов, эвенков. Местное русское население также строго придерживается традиционных правил, которые должны соблюдаться в дороге. Проезжая мимо таких священных мест, люди бросают монетки, конфеты. При этом мотивы такого поведения разные: одни наши информаторы имели опыт негативных последствий, проигнорировав ритуал почитания обо, другие считают, что проживая на бурятской земле (священной, охраняемой разными духами), обязательно следует соблюдать традиции бурятского народа, чтобы здесь «жилось хорошо». Согласно этнографическим заметкам исследователей XIX в., эти обычаи, очевидно по тем же соображениям, соблюдались местным русским населением и в прошлом. Г.М. Осокин пишет относительно знаков священных мест бурят следующее:

«Некоторые из местных русских жителей, проезжая мимо бурятского и монгольского «обо» по примеру инородцев, бросают в общую кучу, или, если это дерево, то привязывают к веткам обрывки материй или конский волос не объясняя конечно себе эти действия, но в глазах инородцев, выказывают как бы уважение к покровителям «обо» своей жертвой» [5, с. 109].

В составе некоторых обо в настоящее время встречаются костыли, которые оставили исцелившиеся от недуга люди, пузырьки от лекарств. Как оказалось, тем самым люди выражают признательность хозяину обо, к которому они обращались за помощью во время болезни. На наш взгляд, обращение к обо (духу-хозяину местности, чьим месторасположением выступает сакральная насыпь) с просьбами исцеления

от заболеваний и необычные жертвы в виде костылей и пузырьков от лекарств – явление довольно позднее и в большей степени присуще современной Монголии.

Из всего сказанного выше, становится ясным, что и буддизм, и шаманизм принимают активное участие в конструировании священного (необыкновенного, чудесного) континуума пространства всей этнической Бурятии, при этом импортерами ряда идей становятся соседние Монголия и Китай. В пространстве этнической Бурятии наблюдается феномен вторичной сакрализации пространства, который является неотъемлемой частью процесса возрождения традиционной культуры и религии, как базового элемента культуры, начавшегося с перемен в мировоззрении населения, сменой идеологического курса в государственной политике в постсоветский период. Сакрализация пространства жизнеобеспечения является в определенной степени и выражением этнической, племенной и родовой самоидентификации автохтонного населения Центральной Азии. Не стоят в стороне от этого процесса и разнообразные общественные организации, учреждения культуры и административные органы.

Литература

1. Амоголонова, Д.Д. Современная бурятская этносфера. Дискурсы, парадигмы, социокультурные практики / Д.Д. Амоголонова. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 290 с.
2. Галданова, Г.Р. Ламаизм в Бурятии XVIII-начала XX. Структура и социальная роль культовой системы / Г.Р. Галданова и др. – Новосибирск : Наука, 1983. – 233 с.
3. Дамдинов, Д.Г. О, Прародина монголов! / Д.Г. Дамдинов. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2005. – 258 с.
4. Хандагурова, М.В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во второй половине XX века (бассейнов верхнего и среднего течения рек: Куда, Мурино и Каменка) / М.В. Хандагурова. – Иркутск : Амтера, 2008. – 267 с.
5. Осокин, Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья / Г.М. Осокин. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суворина, 1906-304 с.

References

1. Amogolonova D.D. Sovremennaja burjatskaja jetnosfera. Diskursy, paradigmy, sociokul'turnye praktiki. – Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. – 290 s.
2. Galdanova G.R. C. Lamaizm v Burjatii XVIII-nachala XX. Struktura i social'naja rol' kul'tovoj sistemy / G.R. Galdanova et al. – Novosibirsk : Nauka, 1983. – 233 s.
3. Damdinov D.G. O, Prarodina mongolov! / D.G. Damdinov. – Ulan-Udje: Izd-vo BGSNA, 2005. – 258 s.
4. Handagurova M.V. Obrjadnost' kudinskih i verholenskih burjat vo vtoroj polovine XX veka (bassejnov verhnego i srednego techenija rek: Kuda, Murino i Kamenka) / M.V. Handagurova. – Irkutsk : Amtera, 2008. – 267 s.
5. Osokin G.M. Na granice Mongolii. Oчерki i materialy k jetnografii jugo-zapadnogo Zabajkal'ja / G.M. Osokin. – Sankt-Peterburg : Tipografija A.S. Suvorina, 1906-304 s.

Ольга Кузьменко¹

**РУССКИЙ АРХИПЕЛАГ.
ПАРИЖ Н.С. ГУМИЛЕВА И А.А. АХМАТОВОЙ***

*RUSSIAN ARCHIPELAGO.
PARIS OF N.S. GUMILEV AND A.A. AKHMATOVA*

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Статья посвящена изучению русского литературного Парижа первой половине XX века, отображению парижского периода в творчестве русских писателей Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Автор изучает парижские маршруты, встречи, события писателей.

Ключевые слова: Франция, Париж, русская литература, Анна Ахматова, Николай Гумилев.

The article is devoted to the study of the Russian literary Paris of the first half of XX century, displaying the works of the Paris period of the Russian writers Nikolai Gumilev and Anna Akhmatova. The author studies the Paris routes, meetings, events of the writers.

Key words: France, Paris, Russian literature, Anna Akhmatova, Nikolai Gumilev.

Культурный ландшафт Парижа первой половины двадцатого века немислим без Русского архипелага, который, подобно Атлантиде, уходит на дно. И задача историков, литературоведов, лингвистов – общими усилиями воспрепятствовать растворению в небытии этого уникального феномена. Сфера моих исследовательских интересов – русский литературный Париж, и свои задачи я вижу в максимально возможном выявлении парижских адресов русских литераторов, определении точного времени их проживания по этим адресам в соотношении с их человеческой и творческой биографией, изучение парижского контекста в их творчестве (русская литература в Париже и Париж в русской литературе), как итог – создание карты русского Парижа

¹ Ольга Николаевна Кузьменко, кандидат филологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. E-mail: roman.phil.dept@herzen.spb.ru

Olga Kuzmenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor in Herzen Russian State Pedagogical University.

с нанесенными на него адресами (не только личными, но и адресами «культурных урочищ», а также – редакций журналов и газет).

Настоящая статья посвящена двум «островам» этого архипелага – Н.С. Гумилеву и А. Ахматовой, их парижским маршрутам, встречам, событиям.

Гумилев Николай Степанович (1886-1921), поэт, создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик, впервые приехал в Париж двадцатилетним, сразу по окончании царскосельской гимназии в июле 1906 г. В планах его было остаться здесь на пять лет, о чем он сообщал в письме своему литературному учителю В. Брюсову¹, но в реальности в этот свой приезд проведет он в Париже около двух лет.

Годы эти окажутся для него весьма насыщенными. В 1906 г. он посещает лекции по французской литературе в Сорбонне и поселяется в Латинском квартале неподалеку от университета (**68, bld Saint-Germain (5^e)**), где проведет лето и начало осени. Впрочем, как студент особой усердностью Гумилев не отличается: его влечет несхоластическое, живое бурление Парижа – Монмартр, Монпарнас, общение с писателями и художниками. Но прежде всего – творчество и литературная жизнь. Он много пишет, отсылает стихи (по несколько в каждом письме) на суд Брюсову, среди них – такие несомненные шедевры, как «Волшебная скрипка». Отвечая на вопрос Брюсова о влиянии Парижа на его внутренний мир, молодой поэт приходит к выводу: «он дал мне сознание глубины и серьезности самых мелких вещей, самых коротких настроений»².

В октябре 1906 г. в Париже проходит выставка, устроенная С. Дягилевым: «Два века русской живописи и скульптуры». Гумилев посещает ее, но на просьбу Брюсова написать о ней статью, отвечает отказом, мотивируя это так: «Я не могу написать о ней в стиле Сологуба: я не мистик. Я не могу написать в стиле Макса Волошина: я не художник. Написать же в моем собственном стиле я мог бы только о двух, трех картинах Врубеля, о Бенуа и о Феофилактове. А подобная статья не заслуживала бы даже названия «впечатлений от выставки Дягилева»»³.

Осенью Гумилев переезжает в район Монпарнаса (**25, rue de la Gaité (14e)**). Улочка, на которой он живет, красноречиво описана его современником: «Rue Gaité даже в Париже в своем роде единственная улочка. Крошечная, узкая, грязная, расположенная почти на окраине, в квартале, заселенном рабочими, ремесленниками, мелкими чиновниками, она живет циклически: утром, когда армия служащих, подённых, мидинеток устремляется по ней на работу, на правый берег; часам к пяти, когда <эта> армия, потрепанная, усталая, возвращается домой и с 7-8 час<ов> вечера, когда она становится олицетворением бесшабашного веселья»⁴.

В это время Гумилев пытается познакомиться с русскими поэтами и писателями «старшего поколения», находившимися в Париже. Он пишет Бальмонту – тот не отвечает. Он идет с рекомендательным письмом к Мережковским – его, можно сказать,

¹ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений. Т.8. Письма. – Москва : Воскресенье, 2007. – С. 10.

² Гумилев Н.С. Цит. пр. – С. 23.

³ Там же. – С. 32.

⁴ Боровой А. «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии...» / Публ. С.В. Шумихина // Диаспора: Новые материалы. – Париж ; СПб., 2004. [Вып.] VI. – С. 29.

выставляют за дверь, предварительно устроив экзамен на предмет философско-политических убеждений и заключив в итоге: «Вы, голубчик, не туда попали! Вам здесь не место! Знакомство с Вами ничего не даст ни Вам, ни нам. Говорить о пустяках известно, а на серьезных вопросах мы все равно не сойдемся»¹.

В январе 1907 г. Гумилев вместе с друзьями-художниками начинает выпускать «двухнедельный журнал искусства и литературы» – «Сириус». Журналу не хватает средств (все участники проекта работают без гонораров) и сотрудников (Гумилев – в тайне даже от своих соратников по «Сириусу» – печатается не только под своим именем, но и под псевдонимом *Анатолий Грант*). Во 2-м номере «Сириуса», вышедшем в конце февраля или начале марта 1907 г., опубликованы стихи Анны Горенко – это литературный дебют Анны Ахматовой. Но «Сириус» сиял недолго – в марте или начале апреля вышел третий, и последний его номер.

В конце лета Гумилев знакомится с Е.И. Дмитриевой (будущей Черубиной де Габриак), они много гуляют по Парижу, Гумилев читает ей свои стихи. Уже после гибели поэта, Е.И. Дмитриева напишет строки памяти Анатолия Гранта (посвященным было ясно, кто скрывался за этим именем), где вспомнит и об их парижских прогулках:

Помню вечер в холодном Париже,
Новый мост, утонувший во мгле...
Двое русских, мы сделали ближе,
Вспоминая о Царском Селе.

В это время (лето 1907) Гумилёв живет по адресу: **1, rue Joseph-Bara (6^e)**. С ноября Гумилев регулярно посещает литературные пятницы поэта Рене Гиля, компанию ему обычно составлял Н. Деникер (племянник И.Ф. Анненского – директора царско-сельской гимназии, где учился Гумилев). Деникеры жили в казенном доме прямо на территории Jardin des Plantes (Ботанический сад, где находился также и зверинец с редкими животными) – излюбленном месте прогулок богемной парижской молодежи. Очень любил там бывать и Гумилев. Причем благодаря тому, что у Деникера был ключ от сада, туда можно было проникнуть и ночью, наблюдая природную, скрытую от глаз дневного посетителя жизнь животных: гиен, крокодилов, тибетских медведей.

В январе 1908 года Гумилев за свой счет издает вторую книгу стихов – «Романтические цветы». Говоря об этой книге, критики отметят, что «все почти реминисценции, которыми питается его мысль – наследие французской поэзии» и назовут автора «французским поэтом на русском языке»².

Первый парижский период (1906-1908 гг.) исследователи называют иногда «темным периодом» жизни Гумилева³. Его «квадривиум» этих лет – это нищета, знакомство с эфиром, увлечение спиритизмом, суицидальные попытки.

¹ Гумилев Н.С. Цит. пр. – С. 33.

² Левинсон А.Я. Гумилев. Романтические цветы // Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. – Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии [РХГА], 2000. – С. 351-352.

³ Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Гумилева) // Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. – Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии [РХГА], 2000. – С. 23.

25 апреля 1910 г. состоится свадьба Н.Гумилева и А.Ахматовой, и в мае этого года они приедут в Париж, поселившись по адресу: **10, rue Bonaparte (6^e)**. «В Париже, – вспоминает С.Маковский, – они отдались всей душой музеям города-светоча и французской литературе»¹.

В последний раз Гумилев приедет в Париж в июле 1917 г. Когда началась первая мировая война, он записался вольноопределяющимся в Ее Величества лейб-гвардии Уланский полк и просил направить его в русский экспедиционный корпус на Салоникский фронт. Путь в Салоники лежал через Париж, но там Гумилева прикомандировали к Военному Комиссару Е.И.Раппу (в качестве офицера для связи и особых поручений), при котором он и оставался до конца 1917 г., встретив во Франции известия об октябрьских событиях в России. Поселяется он в отеле “Galilée” (**54, Rue Galilée, hôtel (8e)**). Место службы Гумилева размещается неподалеку, в том же восьмом округе: **59, rue Pierre Charron (8e)**.

В этот период Гумилев сближается с художниками М.Ларионовым и Н.Гончаровой, в лице которых обретет близких ему людей и надежных друзей («Я по-прежнему постоянно с Гончаровой и Ларионовым, люблю их очень»²). До того, как начинается его интенсивная военная служба, они много времени проводят вместе. Гумилев посвящает своим друзьям стихи:

Восток и нежный и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

Ларионов вспоминает об их совместных прогулках: «Вообще он был непоседой — Париж знал хорошо и отличался удивительным умением ориентироваться. Половина наших разговоров проходила об Анненском и о Жерар де Нервале. Имел странность в Тюильри садиться на бронзового льва, который одиноко скрыт в зелени в конце сада почти у Лувра»³.

Друзья помогают Гумилеву осуществить его давнюю мечту – собрать коллекцию восточной живописи, в связи с чем они не раз посещают лавку антиквара Туссена (Toussaint) в шестом округе: **33, rue de Seine (6^e)** (в настоящее время здесь расположена галерея африканского искусства Lucas Ratton).

В Париже Гумилев переживает увлечение Еленой Карловной Дюбуше, работавшей в той же русской миссии, что и он. Этому сильному и безответному чувству поэта («Вот и монография готова,/Фолиант почтенной толщины: «О любви несчастной Гумилева/В год четвертый мировой войны») мы обязаны циклом стихов, составивших сборник «К Синей звезде», вдохновленных девушкой «с газельими глазами», которая предпочла «отважному конкистадору» благополучного американца:

¹ Маковский С. Николай Гумилев по личным воспоминаниям // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. – Москва : Вся Москва, 1990. – С. 83.

² Гумилев Н.С. Цит. пр. – С. 210.

³ Евгений Степанов, Андрей Устинов. Николай Гумилев – встречи в Париже в 1917-1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве). «Наше Наследие» 2011, № 100 [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10015.php>

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца.
Зачем Колумб Америку открыл?!

Е. Рапп отвечал за поддержание порядка в русских войсках, а в них с июня начался разброд: солдаты расквартированной в Ла-Куртин (близ Лиможа) I-ой бригады поднимают бунт, требуя отправки в Россию, и Гумилева направляют туда для «урегулирования ситуации». Вернувшись, он подает рапорт в стихах об увольнении:

Должна комиссия решить,
Что ждет меня — восторг иль горе:
В какой мне подобает быть
Из трех фатальных категорий
Коль в первой — значит суждено:
Я кров приветный сей покину
И перееду в Camp Cournos
Или в мятежную Куртину.
А во второй — я к Вам приду —
Пустите в ход свое влияние:
Я в авиации найду
Меня достойное призванье.
Мне будет сладко в вышине,
Там воздух чище и морозней,
Оттуда не увидеть мне
Контрреволюционных козней.
Но если б рок меня хранил
И оказался бы я в третьей,
То я останусь там где был,
А вы стихи порвите эти.

Он остается в третьей категории – Рапп не отпускает его от себя. Но здоровье Гумилева пошатнулось, он обращается в Санитарный отдел, его направляют в госпиталь, расположенный в парижском предместье Ванв (Vanves). Здесь и в наши дни находится лечебница Seguin Michèle (**18, Place de la Republique, Vanves**).

В конце декабря французское правительство приняло решение, согласно которому командование русскими войсками переходило к французам, тем самым русский экспедиционный корпус фактически расформировывался. Гумилев подает рапорт о назначении на Месопотамский фронт. В конце января 1918 г. его направляют в Англию, где должен решиться вопрос о его дальнейшей службе. Но из Англии его в конце апреля вместо Месопотамии отправляют – через Мурманск – в Россию. Пароход «Handland», на котором плывет Гумилев, делает остановку в Гавре на несколько дней. Он воспользуется этой стоянкой, чтобы в последний раз заехать в столь любимый им Париж, «где пел Гюго, где жил Вольтер, /Страдал Бодлер, богов товарищ»... Его последний парижский адрес: **33-37, Rue Cambon, Hôtel Castille (1er)**, здесь в это время живут и Ларионов с Гончаровой. Поэт отправится в Латинский квартал, чтобы

пройти напоследок по любимым с юности местам: улицам Ульм (Rue d'Ulm), Муфтар (Rue Mouffetard), Гей-Люссак (Rue Gay-Lussac), Люксембургскому саду, Ботаническому саду (Jardin des Plantes). На прощание скажет, обращаясь к покидаемой им стране:

Франция, на лик твой просветленный
Я еще, еще раз обернусь,
И как в омут погружусь бездонный,
В дикую мою, родную Русь.

Этот, по словам его друга Н. Оцупа, «свободный, прямой, бесстрашный, верующий, добрый человек», этот «поэт, менестрель, звонким, веселым голосом будивший от сна «Русь славянскую, печенежью»»,¹ будет расстрелян чекистами в августе 1921 г.

Что касается Анны Андреевны Ахматовой (1889-1966), то в Париже она была три раза. В первый раз – в мае 1910 г. вместе с Н.С.Гумилевым (**10, rue Bonaparte (6^e)**): это было их свадебное путешествие. В кафе «Ротонда», где собиралась в начале двадцатого века монпарнасская богема, Ахматова знакомится с Амедео Модильяни. Они не могли не заметить друг друга. Эта встреча будет иметь свое продолжение. В следующем, 1911 г., в середине мая, Ахматова уже одна приезжает в Париж, где она пробудет до середины июля. Она вновь поселяется на rue Bonaparte (6e), мастерская Модильяни находится на Монпарнасе: **14, Cité Falguière (15e)**. Ахматова бывает у него в мастерской, а кроме того, они много гуляют по городу, читают стихи, с радостью обнаруживая сходство поэтических пристрастий. Этому периоду посвящен мемуарный очерк А.Ахматовой «Амедео Модильяни», позволяющий нам увидеть глазами самой Ахматовой отношения между никому не известным художником и начинающей поэтессой («Ахматова еще не была Ахматовой, да и Модильяни еще не был Модильяни», как писал И. Эренбург² [18]): «Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь: все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни: его – очень короткой, моей – очень длинной. Дыхание искусства еще не обуглило, не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый, легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пересекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который притаился где-то рядом.

[...] В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное (tout le reste) недостойно внимания.

[...] Рисовал он меня не с натуры, а у себя дома, – эти рисунки дарил мне. Их было шестнадцать. Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей комнате. Они погибли в царскосельском доме в первые годы Революции. Уцелел тот, в котором меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие «ню»...»³.

Безбытная, легко расстающаяся с вещами, щедро раздаривающая книги и украшения, с этим рисунком Ахматова не расставалась никогда. Корней Чуковский вспо-

¹ Оцуп Н. Николай Гумилев // Оцуп Н. Океан времени. – Санкт-Петербург-Дюссельдорф : Logos, 1993. – С. 584.

² Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. – Москва : Вагриус, 2006. – С. 165.

³ Ахматова А. Амедео Модильяни // Стихи и проза. – Ленинград : Лениздат, 1977. – С. 562-571.

минает: «Не расставалась она только с такими вещами, в которых была запечатлена для нее память сердца. То были ее «вечные спутники»: шаль, подаренная ей Мариной Цветаевой, рисунок ее друга Модильяни, перстень, полученный ею от покойного мужа»¹.

В третий, и последний, раз Ахматова приезжает в Париж в июне 1965 г., возвращаясь из Лондона, куда она ездила получать диплом почётного доктора Оксфордского университета. Она останавливается в отеле «Наполеон» по адресу: **38-40, avenue de Friedland (8^e)**. И здесь, в отеле, она назначает встречу другу своей юности, адресату многих своих стихотворений, имя которого прочитывается в ее акростихе, написанном в 1916 г.:

Песенка

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу
И мне – один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

Борис Анреп – художник, мозаичист, еще до революции уехавший работать в Лондон, а после революции навсегда обосновавшийся там. Создавая многофигурную мозаику, выложенную на полу вестибюля Национальной галереи, моделью для Сострадания Анреп выбрал портрет Ахматовой. В 1916 г., перед его отъездом в Англию, Ахматова подарила ему на прощание и на вечную память кольцо-оберег (золотое, снаружи покрытое черной эмалью, с маленьким брильянтом в центре), которому она приписывала таинственную силу и которое он хранил долгие годы. Но во время войны кольцо у него украли. Он горько переживал утрату, очень боялся, что Ахматова спросит его о кольце, и эти переживания омрачили встречу с той, от которой его отделяли 48 лет разлуки. И которую он с трудом узнал: «В кресле сидела величественная полная дама. Если бы я встретил ее случайно, я никогда бы не узнал ее, так она изменилась. «Екатерина Великая», – подумал я»². Он так и не решился признаться ей в пропаже кольца...

В заключение выстроим парижский маршрут Н. Гумилева и А. Ахматовой по округам:

¹ Чуковский К. Анна Ахматова. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/akhmatova.htm>

² Анреп Б. О черном кольце [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/anrep.htm>

Таблица 1

Гумилев Н.С. (1886-1921)			
Округ	Адрес	Период	Назначение места
1 ^е	33-37, Rue Cambon	октябрь – декабрь 1917; конец апреля 1918	Hôtel Castille
5 ^е	68, bld Saint-Germain	июль – осень 1906	Место проживания
6 ^е	1, rue Joseph-Bara	ноябрь 1907 – май 1908	Место проживания
6 ^е	10, rue Bonaparte	май 1910	Место проживания
6 ^е	33, rue de Seine	осень 1917	Лавка антиквара Туссена (Toussaint)
8 ^е	54, Rue Galilée	июль – сентябрь 1917	Hôtel “Galilée”
8 ^е	59, rue Pierre Charron	июль– декабрь 1917	Место службы
14 ^е	25, rue de la Gaité	осень 1906 – апрель 1907	Место проживания
Vanves	18, Place de la République	осень 1917	госпиталь

Таблица 2

Ахматова А.А. (1889-1966)			
Округ	Адрес	Период	Назначение места
6 ^е	10, rue Bonaparte	май 1910	Место проживания
8 ^е	38-40, avenue de Friedland	июнь 1965	Hôtel “Napoléon”
15 ^е	14, Cité Falguière	май-июль 1911	Мастерская Модильяни

Антонина Саввинова¹

ИЗУЧЕНИЕ ТОПОНИМОВ В ЯКУТСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ ОЛОНХО*

THE STUDY OF TOPONYMS IN THE YAKUT HEROIC EPIC OLONKHO

* *Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект №15-18-20047).

Представления о пространстве составляют одну из самых основных категорий человеческого бытия. В эпосе олонхо четко отображены, как жили наши предки: их быт, традиции, обычаи, и вместе с тем важную роль занимают географические условия, природа и климат, которые определяют целый ряд этнических ценностей – представление народа о времени и пространстве, человеке и обществе, жизни и смерти. В статье представлено изучение топонимов на примере двух текстов олонхо.

Ключевые слова: героический эпос олонхо, географическое пространство, топонимы.

The idea of space constitutes one of the most basic categories of human existence. In the epos of Olonkho clearly displayed how our ancestors lived: their way of life, traditions, customs, and the role of geography, nature and climate, which define a number of ethnic values – the perception of the people about time and space, man and society, of life and death. The article presents the study of toponyms on an example of two texts of Olonkho.

Key words: the heroic epic Olonkho, the geographical space, toponyms.

Географические названия – это выражение ментальности людей, их мироощущения, культуры, быта, обычаев, психологического состояния. Они являются неотъемлемой частью современной цивилизации и представляют собой уникальную топонимическую среду, без которой невозможно существование человечества. Являясь

¹ Саввинова Антонина Николаевна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии естественных наук ИЕН СВФУ им. М.К.Аммосова. E-mail sava_73@mail.ru

Antonina Savvinova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor in Department of Geography, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

важнейшим элементом картины мира, они реализуются практически во всех текстах культуры. Любое устное творчество, будь это рассказ, былина или олонхо, начинается с описания окружающего пространства, для этого авторы используют разные термины и названия географических объектов. Топонимы – это своего рода исторические памятники, отражающие особенности истории, общественной жизни и материальной культуры того или иного народа [3].

В художественных произведениях реальное географическое пространство подвергается, как правило, наибольшим и наиболее глубоким трансформациям. То есть географическое пространство – это результат процесса описания, осознания и осмысления земного пространства, то есть его географизация. С точки зрения изучения генезиса эти образы можно классифицировать, упорядочивать по отдельным авторам, отдельному произведению или ряду произведений одного писателя. По мнению Д.Н. Замятина: «Художественно-географические образы могут быть в известной мере типологизированы и обобщены, при этом их связь с реальным географическим пространством может быть затуманена и проявляться лишь в ряде повторяющихся ландшафтно-культурных или ландшафтно-мифологических примет» [2].

Географическая терминология в силу ее активного использования при хозяйственной и бытовой деятельности является одной из наиболее важных составляющих при изучении территорий. Народы, населяющие территорию Якутии, осваивали этот сложный в климатическом и географическом отношении регион с разнообразными ландшафтами: обширными лесами, горами, разветвленными речными системами. Вследствие этого у каждого народа, населяющего регион, выработалась своя система географических терминов, которые находили отражение в художественных произведениях, устных сказаниях. Семантическое наполнение топонимов определялось не только особенностями ландшафта и физико-географического пространства, но и исторически сложившимися культурно-бытовыми отношениями между людьми, образом жизни, хозяйственными занятиями населения. Таким образом, исследование топонимов по художественным произведениям дает возможность сопоставления различных представлений о природном мире, позволяет выявить изменения в видении и использовании окружающего ландшафта.

Художественный талант народов России создал великие произведения героического эпоса: это русские былины, карело-финские руны «Калевалы», нартские сказания народов Северного Кавказа, «Джангар» калмыков, «Гэсэр» бурятов, «Манас» киргизов, а также национальный якутский героический эпос «Олонхо». Якутский эпос олонхо является одним из выдающихся памятников эпического наследия народов тюрко-монгольского мира, в 2005 году был признан ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального наследия человечества. Анализ эпосов разных народов показал, что мировосприятие и осознание особенностей географического пространства у них отличается, однако прослеживаются и сходные аспекты, такие как строение мира (верхний, средний, нижний миры) например, в калмыцком и якутском эпосах.

В данном исследовании в рамках работ по гранту РНФ №15-18-20047 изучены особенности географического пространства в героических эпосах писателей Плато-

Гидронимы в первой песне встречаются достаточно много раз: озеро – 2 раза, река – 8, а море целых – 13 раз. В описании объектов гидрологии прослеживается характеристика бассейнов рек с одной основной рекой и притоками первого (реки) и второго (ручьи) порядка Тем самым автор видимо хотел показать необъятность и ширь пространства с многочисленными водными объектами:

...Чтобы без числа породил,
В изобилии расплодил
В водах рек, морей и озер
Где восемь еще говорливых рек
Сбегаются шумно в одну реку,
Где семь ручьев из семи лощин
В лиственной зеленой кайме,
Будто за руки ухватясь,
Сходятся в хоровод, ...

В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» особенности растительного покрова также нашли яркое отражение в топонимике исследуемой территории. Частота встречаемости фитонимов в тексте олонхо следующая: лес (-ной) – 67 раз, дерево – 57, трава – 53, луг – 36, тайга – 13, кустарник – 4, заросли- 2 раза и пр. Также наблюдается использование в тексте названий деревьев, то есть прослеживается определение видового состава лесов: береза- 22 раза, лиственница – 14, сосна – 3 раза. В олонхо «Кыыс Дэбиллийэ»: лес – 21, трава – 17, дерево – 15, луг – 3, кустарник – 1 раз. Видовой состав более разнообразен: лиственница – 5, береза – 4, ива – 3, одуванчик – 4, осина – 2, тайга – 1, роща – 1 раз. Безусловно в обоих произведениях центральным символом, объединяющим три мира пространства, фигурирует мировое священное дерево – Аал-Луук мас, которое упоминается 12 раз.

Гидронимы также часто встречаются в текстах олонхо – например, говорится что земля, на которой люди проживают, всегда окружена бесконечными водами. Море Одун – мировой океан, служащий «ложем» земли. Сюнг – его другое название. Есть еще и другие водные объекты, такие как – море Араат на западе Среднего мира. Некоторые исследователи считают, что здесь имеется в виду Аральское море, вот так он описывается в произведении:

... Далеко, где желтеет склон
Западных холодных небес,
Играет, бушует, гремит ...
... Великое море Араат.
Через просторы моря того
Птица не перелетит.
Восемь заливов его
Вторгаются в грудь земли...

В олонхо нередко встречаются реальные географические названия, встречающиеся на современной географической карте республики в районах проживания якутов – например, река Таатта, протекающая по территории Лено-Амгинского между-

речья в Центральной Якутии. Они сосуществуют с мифическими странами и часто сами приобретают мифическое значение.

...Густые ветви его
Куполом высятся над землей
На семьдесят дней пути,
Изгибаются плавно вниз,
Достигая моря с одной стороны,
А с другой до Татты-реки...

Оронимы также широко представлены в текстах олонхо, главным элементом при изображении рельефа являются горные массивы и хребты, теснины, ущелья и перевалы. Горы как пространственный элемент часто упоминаются в экспозиционной части олонхо и обрамляют пределы Аан Ийэ дойду (Среднего мира). Периферийное положение гор в структуре эпического пространства во многом определено закрепленной в культуре семантикой образа горы. Гора является элементом отрицательного или неблагоприятного пространства, а идеальным примером благоприятного ландшафта в олонхо безусловно служит алаас [5].

Центральным орографическим объектом – центром земли представляется долина Кыладыкы, это местность в Среднем мире, куда Урун Айыы опускают на жительство Нюргун Боотура стремительного, его брата и сестру.

...На груди праматери Кыладыкы,
В долине ее золотой,
На широком ее хребте,...
... На округлой вершине его
Поднялись еще три холма...

Также в текстах олонхо красной нитью проходит описание направлений сторон света, описываемые при помощи пространственного кода, который можно назвать «топографическим». В традиционном мифологическом мировоззрении якутов средний мир имел горизонтальное членение, ориентированное на четыре стороны света — север, юг, восток, запад. Структура почти любого экспозиционного описания, строящегося по принципу выделения частей света, следует за «взглядом сказителя», который движется от востока через юг и запад к северу, т.е. по ходу солнца, что обусловлено традиционной восточной ориентацией якутов и восприятием востока и передней части как одной пространственной координаты. Противопоставление востока и запада, учитывая традиционную для тюркоязычных народов Сибири солярную ориентацию, при которой сакральным признается восточное направление, следует понимать как оппозицию благополучного восточного направления и неблагоприятного западного [5].

Например, так представляется описание сторон света в тексте олонхо «Нюргун Боотур стремительный». Описание Восточной стороны:

...Если полетим на восток
Великой равнины Кыладыкы,
Где по светлomu небосклону бегут

Перистые облака,
Если на крылатом коне
Дальше полетим на восток,
На открытом просторе увидим мы
Величавое в блеске своем
Озеро с островом среди волн....

Запад представляется как бескрайнее водное пространство – холодное и бушующее:

... Далеко, где желтеет склон
Западных холодных небес,
Играет, бушует, гремит...
... Великое море Араат.
Через просторы моря того
Птица не перелетит.
Восемь заливов его
Вторгаются в грудь земли ...

Описание Северной стороны соотносится с климатическими особенностями северных территорий с вихрями, пургой и метелью:

... В бездонную щель
Метели кружащего, колдовского
Северного склона небес, -
Выступят из мглы вихревой
Восемь свирепых горных вершин..
Там великий Куктуйский пролег перевал...

Южная сторона представляется как нижнее направление (нижний мир), где простираются горы, холодное урочище – мир враждебного человеку племени абаасы характеризуется как неблагоприятное и враждебное место:

... Далеко на южной ее стороне
Возвышаются девять горбатых гор,
Там, бесконечное, пролегло
Ущелье горя и мук –
Урочище Ледяной Хотун,
Как перерезанная гортань,
Там зияет теснина
Хаан Дъарылык ...

События, описываемые в произведениях, происходят в пространстве трех мифологических миров, из которых Средний мир играет главную роль как страна обитания племени «Айыы аймага» – долина Кыладыкы по всем признакам и описаниям удобная для проживания и разведения скота и лошадей. Изучение частоты встречаемости видов топонимов и их анализ в текстах двух олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и «Кыыс Дэбэлийэ» позволил сделать предварительное заключение, что у обоих эпосов, географическое пространство описывается почти одинаково, однако

прослеживаются отличия в художественном живописном описании географических объектов.

Литература:

1. Бурнашев, Н.П. Кыыс Дэбилийэ : якутский героический эпос / Н.П. Бурнашев. – Новосибирск : Наука, 1993. – 206 с.
2. Замятин, Д.Н. Феноменология географических образов / Д.Н. Замятин // http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/2000_06.htm (дата обращения 10.10.2015)
3. Колодезникова, С.К. Духовная культура в жизни этноса / С.К. Колодезникова // Сборник научных трудов. [под ред. Романова Е.Н.] – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1991. – С. 17
4. Нюргун Боотур Стремительный : якутский героический эпос олонхо / под ред. С.В. Михалкова; статья и комментарий И.В. Пухова. – Изд. 2-е. – Якутск : Якутское книжное издательство – 1982. – 432 с.
5. Семенова, Л.Н. Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетообразовании (на материале якутского эпоса олонхо): дисс. канд. культур.наук / Л.Н. Семенова. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 160 с.

References

1. Burnashev N.P. Kyys Djebilijje: Jakutskij geroicheskij jepos / N.P. Burnashev. – Novosibirsk : Nauka, 1993. – 206 p.
2. Zamjatin D.N. Fenomenologija geograficheskikh obrazov / D.N. Zamjatin // http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/2000_06.htm (data obrashhenija 10.10.2015)
3. Kolodeznikova S.K. Duhovnaja kul'tura v zhizni jetnosa / S.K. Kolodeznikova // Sbornik nauchnyh trudov. [pod red. Romanova E.N.] – Jakutsk : JaNC SO AN SSSR, 1991. – p. 17
4. Njurgun Bootur Stremitel'nyj : Jakutskij geroicheskij jepos olonho / pod red. S.V. Mihalkova; stat'ja i kommentarij I.V. Puhova. – Izd. 2-e. – Jakutsk : Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. – 432 p.
5. Semenova L.N. Semantika jepicheskogo prostranstva i ee rol' v sjuzhetoobrazovanii (na materiale jakutskogo jeposa olonho): diss. kand. kul'tur. nauk / L.N. Semenova. – Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2000. – 160 p.

*Наталья Данилова*¹

КОНЦЕПТ «СЕВЕР/ХОТУ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАРОДА САХА И ДОЛГАН*

CONCEPT «NORTH/ KHOTU» IN REPRESENTATIONS OF THE PEOPLE OF SAKHA AND DOLGANS

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 14-38-00031).

В статье рассматриваются семантические репрезентации концепта «север», которые позволяют увидеть отражение ментальных представлений народа саха и долган. Так, в смысловой контекст слова «хоту» проецированы концепты, связанные не только с холодом, но и когнитивные образы с отрицательной характеристикой. Вместе с тем как «территория идентичности» «север» определяет не только периферийную область освоенного пространства, но также становится консолидирующим элементом этнолокальной группы северных якутов. Ядром ментальной характеристики концепта «хоту» у северных якутов является мифологема гора, а у долган – белое пространство бескрайней тундры. Совокупность мифов и этнокультурных представлений, связанных с мотивом север/холод, стала одним из инструментов конструирования бренда Якутского края.

Ключевые слова: Народ саха, северные якуты, долганы, миропредставление, Крайний Север, арктическое пространство, территория идентичности, самопрезентация и брендизация.

In this article semantic representations of a concept «North» who allow to see reflection of mental representations of the people Sakha and Dolgans are considered. So,

¹ Наталья Ксенофонтовна Данилова, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии народов Северо-Востока России Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: tachika@mail.ru

Nataliya Danilova, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Institute of the Humanities and the Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

in a semantic context of the word «jota» concepts, connected not only with cold, but also cognitive images with the negative characteristic are projected. At the same time, as «the territory of identity», «North» defines not only peripheral area of the mastered space, but also becomes the consolidating element of ethnocultural group of northern Yakuts. A kernel of the mental characteristic of a concept the Jota at northern Yakuts is the mytheme the mountain, and Dolgans have a white space of the boundless tundra. Set of the myths and ethnocultural representations connected with motive of North/Cold became one of instruments of designing of a brand of the Yakut edge.

Keywords: The People of Sakha, northern Yakuts, dolgans, world outlook, Far North, Arctic space, territory of identity, self-presentation and brandization.

Арктическая цивилизация существует уже несколько тысячелетий, представленная уникальными явлениями культуры, созданными коренными и пришлыми народами. Например, можно выделить самых северных тюркоязычных народов – саха и долган, привнесших в этнокультурную мозаику коренных народов Севера культуру и язык тюрко-язычных народов Евразии.

Уникальность народа саха состоит в том, что их предки, рано оторвавшись от основного этнического ядра, создали в условиях Крайнего Севера островок южной степной культуры. Предки народа саха, осваивая бескрайние просторы арктического пространства, не разрушали уже существующие модели других этнических культур, а, наоборот, перенимали их систему жизнеобеспечения как наиболее адаптированную к более суровым климатическим условиям. В результате образовались локальные группы северных якутов, давшие языковые и ментальные основы для формирования долганского этноса. Так, в мифоритуальной культуре долган обнаруживается наличие весьма архаичных элементов якутской культуры, уходящих своими корнями в эпоху степных кочевнических племен. Например, несмотря на то, что долганы – оленеводческий народ, в их мифопоэтическом наследии обнаруживаются следы культа коня. Так, в олонго «Сын лошади Аталамии богатырь», «Брат и сестра» образ лошади представляется в контаминации ось земли – праматерь всего живого. Эпические тексты, где содержится «конская» тема, раскрывают тайный смысл традиции культа коня и доносят космологические реминисценции о воссоздании мира из частей первожертвы. Так, в олонго «Сын лошади Аталамии Богатырь» лошадь-мать, являясь центром освоенного пространства (держит скрепу земли, возводит жилище), рождает героя (первопредка человека), затем приносит себя в жертву, открывая ему путь-дорогу [3, с. 169]. В эпосе «Брат и сестра» лошадь также приносит себя в жертву во имя их спасения и превращается в жилище героев [3, с. 186]. Здесь необходимо отметить, что изоморфизм жилища и мироздания есть явление универсальное в древнетюркской космологической модели.

Несмотря на то, что долганы со времен своего формирования осваивали более другой ландшафт, чем саха, категория пространства и ее символические репрезентации во многом перекликаются с мировоззренческими представлениями якутов.

В «сакральной топографии» освоенное пространство состоит из локусов, относя-

щихся к четырем сторонам света: север-юг, запад-восток.

«...Когда на запад взглянувши, видит землю с яркими цветами, с высокой травой осокой... когда же посмотрит на восток, видит землю с пестреющими лесами. Если посмотрит на юг – там земля с краснеющими горами. Посмотрит на север – там земля с причудливыми горными высотами...» [3, с. 156].

Положительной валентностью обладают стороны юг/восток – как место обитания светлых божеств, символ нового рождения солнца, обитель предков, а запад/север – ассоциируются с нижним миром и миром мертвых. При этом важно отметить, что в композиционной структуре эпического повествования как у народа саха, так и у долган, стороны света как элемент пространства включаются в сюжет посредством человека. Они возникают в пространстве тогда, когда на них смотрит человек, что даже в причитаниях героев первым делом поется о том, что «некому будет на вас (сторонам света) смотреть» [2, с. 174, 182].

Согласно мифологическим представлениям, нижний мир злых демонов абааһы находится на Севере, у Ледовитого океана. Оттуда же ежегодно выходит грозный бык зимы, неся с собой холод, голод и нужду: «...с туманным дыханием, в заиндевелой дохе, с ледяным носом, с очами словно проруби, с предлинными звонкими рогами, с туловищем, заслоняющим солнце, с морозом в подмышках, с утренниками в пахах, с вьюком из болезней, с тороками из простуды...» [1, с. 46]. Весной, когда с юга прилетал могучий орел и от его звонкого клекота бык зимы отступал, у него поочередно отламывались рога и голова, а туловище уплывало в Северный Ледовитый океан, неся с собой души умерших людей и скота [5, с. 128].

Согласно традиционным представлениям, мир мертвых, безмолвный и мрачный мир, находится на севере, под Ледовитым океаном. «С неприступными ледяными горами, остроконечными торосами, туманами словно морево из ухи и нескончаемой пургой...» – таковы климатические и ландшафтные характеристики иного мира. Любопытно, что как в мифоритуальной, так и в языковой картинах мира саха и долган, культурные концепты, связанные с холодом, так или иначе, связаны с нижним миром и обладают негативными характеристиками. Так, например, про умершего человека говорят: тымныйбыт ('похолодел'), а про бесчувственного и безнравственного человека, говорят тон киһи, муус киһи (букв.: 'холодный человек', 'ледяной человек'). Таким образом, в смысловой контекст слова «хоту» проецированы концепты, связанные не только с холодом, но и когнитивные образы с отрицательной характеристикой.

В результате направление север находится на периферии освоенной территории и воспринимается как «далекое», «холодное» и «чужое» пространство.

Арктическое пространство представляется как обширное, холодное, лишённое всяких красочных компонентов, «белая, безмолвная страна». Однако для насельников данной территории – это их дом, родная земля. Безусловно, резко континентальный суровый климат, длительная полярная ночь, бескрайняя снежная пустыня, недоступные горные хребты конструируют образ суровой арктической территории

[4, с. 61].

Сложившаяся столетиями схема стереотипных представлений об арктическом пространстве и севере как о «холодной и мрачной стране» берет свои истоки со времен царского режима, когда Крайний Север считался тюрьмой без решеток, а потом усугубилась включением в территорию Севера трагедии, связанной с ГУЛАГом и массовыми репрессиями.

Совершенно иную интерпретацию имеет концепт «север» как маркер «территории идентичности».

В якутском языке освоенный северный ландшафт обозначается общим термином «хоту/север». Насельники северных территорий говорят про себя «хотуларбыт» (мы – северяне). Кроме этого, термин «хоту» (др.тюркск. ходы – вниз, внизу) используется и в значении «совпадающее с направлением»: сююрюк хоту – ‘движение, совпадающее с направлением течения’; кини ыйаагын хоту – ‘поступок, совершенный согласно его указу’; багам хоту, санаам хоту – ‘по своему желанию’.

На вопрос, почему сторона «хоту» считается как негативный локус, как северные якуты, так и долганы отвечают: «Потому что там находится Ледовитый океан». Следовательно, отрицательным ореолом нагружен образ Северного Ледовитого океана, на дне которого гнездятся злые духи, причиняющие людям все болезни, поэтому направление хоту имеет в своем смысловом контексте реплики нижнего мира.

В моделировании сакрального пространства севера консолидирующую роль выполняет концепт гора. Следует отметить, что в разных мифологических текстах гора предстает как локус, наполненный многозначным и полифункциональным символом.

Культ гор, широко распространенный у тюрко-монгольских народов, нашел свое отражение и у народа саха. Причем в зависимости от культурно-географической характеристики территории проживания тех или иных локальных групп саха, ментальный образ горы в «сакральной топографии» варьируется с «положительной валентности» до «отрицательной». Так, например, в географическом видении пространства центральных и вилюйских якутов, чей ландшафт в основном характеризуется лесным массивом и степной зоной, горы представляют собой периферийную область «освоенного пространства», а потому «опасное, чужое» место. В мировоззрении же северных якутов гора выступает как часть «освоенного пространства» и центр Вселенной, медиатор между небесной и земной мирами, сфера обитания духов предков.

Северные якуты считают себя детьми родовых гор и говорят про себя хайа сахалара ‘горные якуты’, при этом характеризируя себя «степенными, серьезными людьми с твердым и непоколебимым, как горная скала характером, в отличие от центральных якутов». По словам информантов, «горный ландшафт так сильно влияет на менталитет, что даже выходцы из других улусов меняются в своем характере и даже во внешнем облике». Действительно, у народа саха ярко выражено чувство «слитности» с местом проживания. В данном случае, концепты «север» и «гора» выступают как слова синонимы и дополняют друг друга. Как считают северные якуты, горный

ландшафт и связанная с ним мифологема являются одним из важных компонентов конструирования этнической идентичности их локальной группы, для ее самоопределения и самопрезентации как части Северного края.

У долган образ севера тесно переплетен с бескрайним простором белой тундры. Так, один из важных характерных признаков, сопутствующих понятию «бескрайний», содержит в себе ряд других смыслов – «открытый, хорошо обозримый, светлый, солнечный, белый», который перекликается с образом «освоенного пространства»:

«...Травы на родине всегда приласкают.

Не накормят, так хоть напоят водой,

А если в белое безмолвие канешь – снега согреют...»

– так, образно написала о любви к своей родине известная долганская писательница Огдо Аксенова. Удивительно, но искусство, воспевающее красоту сурового по всем климатическим и природным характеристикам ландшафта Крайнего Севера, позволяет вообразить пространство Арктики как топоса необъятного пространства и квинтэссенции северной философии.

Идея ландшафта, в котором визуальность имеет важное значение, ярко выражена в авторском «ландшафте». Метафорическое обозначение ментального пространства Северного края в массовой культуре разнообразно. Но в основном лидирует «патриотический сегмент»: суровый, но прекрасный край, который освоен не менее суровыми и прекрасными людьми. Таким образом, второе дыхание образ север/холод получил в системе ребрендинга «Якутия – страна вечной мерзлоты», в котором природно-климатические условия становятся одним из основных инструментов конструирования образно-географических моделей. Так, если у наших предков зима – холод – север ассоциировались с отрицательно-негативными представлениями, то сейчас в массовом сознании они дают рефлектируемое представление о ландшафте Якутского края. Например, в графических образах «территорий идентичности» северных районов, в гербовых изображениях Оймяконского, Верхоянского районов, претендующих на звание «Полюса холода», изображен бык зимы – как символ вечной мерзлоты. В гербах Среднеколымского и Усть-Янского районов изображен мамонт-сэлии, который в мифологии тунгусоязычных народов также ассоциируется с зимой и холодом. В современной интерпретации образы быка зимы и мамонта сэлии объединены образом Чысхаана. Так, якутский Чысхаан стал общенациональным зимним брендом и хранителем вечной мерзлоты в России.

Белый полярный медведь, изображенный на гербе Нижнеколымского района, символизирует арктическую территорию и олицетворяет собой вечную мерзлоту, кроме того, медведь здесь представляется и как тотемное животное. В мифоритуальном пространстве всех народов Якутии медведь как один из значимых зверей из небесного bestiaria рассматривается в качестве первопредка, духа-хранителя, хозяина нижнего мира, помощника шамана, кузнеца, священного животного и пр.

На гербе долган Анабарского района на синем поле, олицетворяющем ледовое пространство, как одно целое изображены силуэты оленя и человека. Данный мотив

перекликается с мифологическим образом священного оленя, с которым связано все жизненное пространство северного человека. Олень является не только покровителем и хранителем от суровых климатических условий, но также представляется и как даритель кут – души человека.

Таким образом, сегодня символические образы пространства, как, например, концепт «север/холод», активно используются в имидж-конструировании Республики Саха (Якутия). А арктическое пространство рассматривается как уникальная территория формирования и трансляции разных этнических культур, культурно-информационных импульсов, трансграничных мифологий и символов, многоканальной сети межъязыковых и культурных коммуникаций.

Литература

1. Кулаковский, А.Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск : Якутское кн. изд-во, 1979. – 484 с.
2. Попов, А.А. О жизни и устно-народном творчестве долган / А.А. Попов // Долганский фольклор. – Ленинград : Сов. писатель, 1937. – 259 с.
3. Попов, А.А. Долганы: собр. тр. по этнографии / А.А. Попов. Т. 2. – Санкт-Петербург : Дрофа, 2003. – 336 с.
4. Романова, Е.Н. Антропология вечной мерзлоты: природный ландшафт и «территория идентичности» / Е.Н. Романова, В.Б. Игнат'ева // Природа и культура : материалы межд. научн. конференции (Якутск, 13-15 июня 2012 г.). – Ч. 1. – Якутск, 2012. – С. 61-75.
5. Эргис, Г.У. Очерки по якутскому фольклору. 2-е изд. / Г.У. Эргис. – Якутск : Бичик, 2008. – 400 с.

References

1. Kulakovskij A.E. Nauchnye trudy / A.E. Kulakovskij. – Jakutsk : Jakutskoe kn. izd-vo, 1979. – 484 s.
2. Popov A.A. O zhizni i ustno-narodnom tvorchestve dolgan / A.A. Popov // Dolganskij fol'klor. – Leningrad : Sov. pisatel', 1937. – 259 s.
3. Popov A.A. Dolgany: sobr. tr. po jetnografii. – T. 2 / A.A. Popov. – SPb : Drofa, 2003. – 336 s.
4. Romanova E.N. Antropologija vechnoj merzloty: prirodnyj landshaft i «territorija identichnosti» / E.N. Romanova, V.B. Ignat'eva // Priroda i kul'tura : materialy mezhd. nauchn. konferencii (Jakutsk, 13-15 ijunja 2012 g.). – Ch. 1. – Jakutsk, 2012. – S. 61- 75.
5. Jergis G.U. Ocherki po jakutskomu fol'kloru. 2-e izd. / G.U. Jergis. – Jakutsk : Bichik, 2008. – 400 s.

Марианна Самсонова¹, Валентина Шапошникова²

**ПРОСТРАНСТВО ОЛОНХО:
ПЕРЕВОД ЭПИЧЕСКИХ ФОРМУЛ МИРОЗДАНИЯ***

*THE SPACE OF OLONKHO:
TRANSLATION OF POETIC FORMULAS OF THE UNIVERSE*

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект №15-18-20047).

Статья посвящается исследованию эпических формул в олонхо «Элэс Боотур» П. Оготоева. Постановка проблемы и актуальность данного исследования обусловлена отсутствием работ по переводу эпических формул с якутского на французский язык.

Ключевые слова: аллитерация, параллелизмы, эпические формулы, олонхо.

The article is devoted to the study of the epic formulas in olonkho «Eles Bootur» by P. Ogotoev. Formulation of the problem and the relevance of this study is due to the lack of work on the translation of the Yakut epic formulas in French.

Key words: alliteration, parallelisms, epic formulas, olonkho.

Проблемы эпических формул исследованы в трудах известных учёных П.Д. Ухова, Е.М. Мелетинского, В.М. Гацака, П.А. Гринцера, Ю.И. Смирнова и других. Якутская эпическая поэзия имеет свои традиции, выработанные историей народа-создателя, хранителя богатой эпики – олонхо [2]. В якутском эпосе формулами следует называть не группу слов, как в греческом или индийском эпосе, и не группу слов, ограниченную стихом или полустихом, как в славянском, а группу стихов, точнее, одну целую

¹ Марианна Валентиновна Самсонова, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой французской филологии ИЗФир СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: mv.samsonova@s-vfu.ru

Marianna Samsonova, Candidate of Philological sciences, Head of Department of French Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

² Валентина Иннокентьевна Шапошникова, доцент кафедры французской филологии ИЗФир СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: vi.shaposhnikova@s-vfu.ru

Valentina Shaposhnikova, Associate Professor of Department of French Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

тираду. Согласно мнению одного из исследователей якутской лингвистики Г.М. Васильева, «...художественно отшлифованные тирады и есть так называемые эпические формулы или эпические клише, содержащие целостные описательные картины и образы». Под тирадой в якутском эпосе понимается «самая крупная законченная смысловая и ритмическая группа стихотворного текста» [1].

Эпические формулы имеют особую поэтическую словесно-смысловую нагрузку. Они придают олонхо возвышенность, торжественность и помогают олонхосутам запоминать и импровизировать огромное количество (иногда более 50 тысяч) стихотворных строк. Таким образом эпические формулы способствуют продолжению и развитию традиции, формированию поэтического стиля и структуры якутского народного эпоса олонхо.

Эпическая формула основана на ритмико-синтаксическом параллелизме и аллитерации.

Одним из первых исследователей, которые писали о параллельных конструкциях был Жирмунский В.М. Он писал, что в якутском стихе видит самую архаическую (или наиболее последовательно развившуюся форму тюркского народного эпического стиха) [5]. В рецензии на книгу «Якутское стихосложение» эту мысль он высказал еще точнее: якутский стих «сохранил наиболее древние формы тюркской народной метрики, во всех отношениях более архаичные, чем даже формы стиха, характерные для богатырских сказок тюркских народов Южной Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев)». Он утверждал, что «основой ритмизации тюркского народного стиха служил первоначально не принцип изосиллабизма, а ритмико-синтаксический параллелизм стиховых рядов».

Олонхосуты обильно используют аллитерацию, которая является почти единственным стихообразующим средством. В исследовании тюркских звуковых повторов по их качеству наблюдается своеобразная история применения термина «аллитерация» и постепенное смещение его значения. Т. Ковальский аллитерацией считал любые созвучия, имеющие место в начале слова [3]. Впоследствии с польским тюркологом солидаризируется А.М. Щербак: «Мы рассматриваем аллитерацию как точное или приблизительное созвучие любых начальных звуков или звуковых групп, а также как созвучие определённых качественных признаков, исходящее от первого слога каждого стиха или каждой строфы и основанное на законе гармонии гласных» [3]. В 60-х годах данное понятие становится еще шире, в него уже включается как повтор гласных и согласных, так и повтор велярных и палатальных звуков. В это же время под аллитерацией начинают подразумевать звуковой повтор не только в вертикальном разрезе, но и в горизонтальном. Т. Ковальский предполагал, что древнейшей формой тюркской аллитерации являлось аллитерирование целых слов [2]. Вопросы происхождения древнего тюркского ритма и рифмы лучше всех разработаны академиком В.М. Жирмунским [4]. «Простое повторение строк (с варьированием отдельных слов) представляется древнейшей формой ритмической организации стиха. Такое повторение являлось выражением коллективной или

индивидуальной эмоциональности, эмфатического состояния, магической заклинательной формулой» [4], к такому выводу приходит учёный.

Цель данной работы – сопоставление якутского и французского вариантов эпических формул мироздания в олонхо «Элэс Боотур» П.В. Оготовева, выявление особенностей и способов их перевода с якутского на французский язык.

Проведённый нами анализ олонхо «Элэс Боотур» П. Оготовева выявил, что эпические формулы занимают 17 % эпического текста. В описании земли олонхо формулы мироздания занимают 295 стиховых строк.

Сказание олонхо начинается с описания процесса сотворения мироздания. В качестве примера возьмем эпическую формулу раннего времени олонхо, с которой по традиции начинается сказание. Зачин олонхо подготавливает читателя к восприятию стародавней эпической картины. Время дано как чисто мифологическое время миротворения.

Рассмотрим пример эпической формулы на якутском языке:

1. Былыргы быралыйбыт дьыл	8
2. Былдьаһыктаах мындаатыгар,	8
3. Урукку уларыйбыт үйэ	9
4. Охсуһуулаах уорзатыгар,	8
5. Эргэтээҕи эстибит үйэ	9
6. Этиһиилээх эңээригэр	8

Данная эпическая формула состоит из трех параллельных двестиший. Первая стиховая строка каждого двестишия (1-3-5) состоит из трех слов, а вторая (2-4-6) – из двух слов. Количество слогов составляет 8 или 9 слогов в каждой строке. Однородное грамматическое построение двестиший обеспечивается одинаковой последовательностью членов стиховых строк. Первая строка каждого двестишия (1-3-5) составлено по схеме: определение – определение – определяемое слово. Вторая строка каждого двестишия (2-4-6) имеет схему: определение – определение – определяемое слово.

В приведенном примере эпической формулы имеется нарастающая градация. Подчеркивается нарастание примет времени разных лет в пространстве. Представим это в виде таблицы.

Таблица 1

Порядок стиховых строк	Прилагательные	Глагольные имена	Существительные
1	Былыргы ¹	Быралыйбыт ²	дьыл ³
3	Урукку ⁴	Уларыйбыт ⁵	үйэ ⁶
5	Эргэтээҕи ⁷	Эстибит ⁸	Үйэ

¹ Древний, старший

² Давно прошедший

³ Год

⁴ Былой, давний

⁵ Изменившийся

⁶ Век, столетие

⁷ Старый, ветхий

⁸ Уничтоженный

Таблица 2

Номера стиховых строк	Прилагательные	Существительные
2	Быльдаһыктаах ⁹	мындаа ¹⁰
4	Охсуһуулаах ¹¹	урба ¹²
6	Этиһиилээх ¹³	энэр ¹⁴

⁹ Захватнический¹⁰ Верхняя часть чего-либо¹¹ Дословно, «нечто с битвой», от глагола «драться»¹² Спинной хребет животных¹³ Бранный¹⁴ Пола, край

Порядок выстраивания слов в трех двустихиях создает градуальные поля прилагательных (былыргы, урукку, эргэтээби; быльдаһыктаах, охсуһуулаах, этиһиилээх) глагольных имен (быралыйбыт, уларыйбыт, эстибит), существительных (дьыл, үйэ; мындаа, урба, энэр). Параллельные конструкции способствуют созданию возрастающей градации. Градуальная семантика представлена расположением близких по значению прилагательных, глагольных имен, существительных. Градационный эффект обеспечивается за счет временной и пространственной семантики слов. Основой градуирования являются перечисляемые признаки времени, которые располагаются в порядке их возрастания¹.

В данной эпической формуле стихотворные строки объединены общностью смысла и формы. Созвучие стихов олонхо создается на основе аллитерации и рифмы. Звуковая организация достигается вертикальной и горизонтальной аллитерацией парных стиховых строк и эмбриональными рифмами.

Представим это в таблицах:

Таблица 3

Вертикальная аллитерация

Формула	Форма аллитерации
Былыргы быралыйбыт дьыл Быльдаһыктаах мындаатыгар, Урукку уларыйбыт үйэ Охсуһуулаах урбатыгар, Эргэтээби эстибит үйэ Этиһиилээх энээригэр	Межстиховая анафора контактная, вертикальная Межстиховая анафора контактная, простая Межстиховая анафора контактная, простая

В приведенном примере мы видим вертикальную аллитерацию по двустихиям: первая и вторая строки начинаются с бы –бы, третья и четвертая – с у-о, пятая и шестая – с э-э. Форма аллитерации – анафора.

¹ Лучше всего об этом сказал М.М. Бахтин: «..в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных пример в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым: пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысляется и измеряется временем...» (3, с. 235).

Каждый стих фиксируется спереди аллитерацией или акцентом, начинающим его, а в конце – рифмообразующей паузой.

Таблица 4

Горизонтальная аллитерация

Формула	Форма аллитерации
Былыргы быралыйбыт дьыл	Анафора контактная сложная
Былдаһыктаах мындаатыгар,	Эпифора
Урукку уларыыйбыт үйэ	Анафора контактная простая, зевгма точная
Охсуһуулаах уорҕатыгар,	Анафора контактная простая
Эргэтэҕи эстибит үйэ	Анафора контактная простая, зевгма неточная, рондо точное
Этиһиилээх энээригэр	Анафора контактная простая, зевгма неточная, рондо неточное

В первом стихе создаётся анафора контактная сложная, в третьем – анафора контактная простая, в пятом – анафора контактная простая. Горизонтальная аллитерация достигается за счет гармонии гласных в слове.

Этому способствует грамматический закон якутского языка- сингармония гласных. По этому закону употребление в якутском языке как гласных, так и согласных звуков строго упорядочено. В одном слове могут встречаться или только задние (а, ы, ыа, о, у, уо) или только передние (э, и, иэ, ө, үө) гласные. При этом за каждым гласным может следовать или тот же гласный, или другой, ему постоянно соответствующий.

Зачин олонхо П. Оготовева «Элэс Боотур» отличается своей ритмичностью. Известно, что ритмичность основана на звуковом повторе как повышенной концентрации одинаковых или похожих звуков. Горизонтальная аллитерация звука «ы» создаёт предельно маленькое пространство, как будто смотришь вдаль через щель, пытаешься разглядеть вершину тех лет. Повтор звука «у» удлиняет, вытягивает время, а звук «э» его расширяет. Звуковая материя слова становится образной.

Перейдем к переводу данной эпической формулы с якутского на французский язык:

Au – delà des siècles passés
 Aux cimes semées de discordes,
 Au – delà des époques reculées
 Aux crêtes secouées de batailles,
 Au – delà de la nuit des temps révolus
 Aux versants disputés.

Перевод эпической формулы состоит из трех двестишней, как в оригинале, но при этом количество слов и слогов в стихотворных строках варьируется. Если в оригинале первые строки двестишней состоят из трех слов, а вторые из двух, то в переводе мы имеем схему 3 – 3. Количество слогов в переводе колеблется от 6 до 11, что допустимо в олонхо, в котором возможны колебания от 2 до 17. Порядок слов в стихах

меняется. В якутском тексте определения стоят перед определяемыми словами, а во французском – после. Это объясняется тем, что якутский и французский языки относятся к разным типам языков. Однородность грамматического построения обеспечивается одинаковой последовательностью членов стиховых строк. Первая строка каждого двустишия (1-3-5) составлена по схеме: служебное слово – определяемое слово – определение, а вторая строка (2-4-6) – определяемое – определение – определение.

В переводе есть опущение избыточных определений. Например, определения (былыргы, быралыйбыт) заменены в переводе одним определением (passés), т.к. «былыргы» и «быралыйбыт» имеют почти одинаковое значение. Слово «былыргы» определяется как «олус өрдөөбү кэмнэ баар буола сылдыбыт, олус өрдөөбү кэмтэн баар» (древний, старинный; давний, старый). Слово «быралыйбыт» – «бэрт өрдөөбүтэ, былыр ааспыт» (давно прошедший, давно минувший, древний)¹. В переводе на французский язык использование двух определений с одинаковым значением в одной строке сделало бы предложение громоздким. В других олонхо эта эпическая формула часто сокращается. Например:

Былыргы дьылга,
Урукку хонукка,
Ааспыт сахха

В старинные годы,
В прошлые дни,
В давние времена...

Или

Былыргы дьыл мындаатыгар
Урукку дьыл уорҕатыгар
Ааспыт сах таһаатыгар...

Старинных лет на вершине,
Прошлых лет на хребте,
Давних лет на бугре

Или

Былыргы дьыл быралыйар мындаатыгар,
Урукку дьыл уларыар уорҕатыгар,
Ааспыт сах анаарыйар таһаатыгар..

Старинных лет на далекой вершине,
Прошлых лет на минувшем хребте,
Давних времен на забытом бугре

В переводе градационный эффект создается возрастанием признаков перечисляемых элементов (табл. 5): siècles, époques, la nuit des temps; passés, reculés, révolus; semées de discordes, secouées de batailles, disputé; cimes, crêtes.

Таблица 5

Нарастающая градация в переводе

Порядок стиховых строк	Существительные	Прилагательные
1	Siècles	Passés
3	Epoques	Reculées
5	nuit des temps	Révolus

¹ Из толкового словаря якутского языка

Таким образом, градационный эффект, который имеется в оригинале данного олонхо сохраняется. Градуальные поля составляют имена существительные, причастия прошедшего времени.

В переводе олонхо имеются вертикальная (контактная простая и сложная) и вертикальная (дистантная простая и сложная) аллитерации. В вертикальной аллитерации преобладает анафорический повтор (табл. 6).

Таблица 6

Вертикальная аллитерация

Формула	Форма аллитерации
Au – delà des siècles passés Aux cimes semées de discordes, Au – delà des époques reculées, Aux crêtes secouées de batailles, Au – delà de la nuit des temps révolus Aux versants disputés.	Межстиховая вертикальная контактная анафора

Для сознания вертикальной аллитерации в переводе на французский язык использованы повторы артиклей, предлогов в начале стиховых строк, перестановка членов предложения, перестройка стиховых строк.

Благодаря особой звуковой организации, созданной разными формами аллитерации и ритмико-синтаксическими параллелизмами, эпические формулы в олонхо П. Оготовева «Элэс Боотур» оказывают очень сильное психологическое и эмоциональное воздействие на человека.

Для их полноценного перевода на французский язык использованы разные виды переводческой трансформации.

Литература

1. Васильев, Г.М. Живой родник: Об устной поэзии якутов / Г.М. Васильев. – Якутск, 1973. – 303 с.
2. Илларионов, В.В. Искусство якутских олонхосутов / В.В. Илларионов. – Якутск, 1982.
3. Линин, А.К. Вопросы формального изучения поэзии турецких народов / А.К. Линин // Известия Вост. фак. Азерб. госуниверситета им. В.И. Ленина. Востоковедение. Т. 1. – Баку, 1920.
4. Щербак, А.М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении / А.М. Щербак // Народы Азии и Африки. – 1961. – № 2. – С. 143.
5. Жирмунский, В.М. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха / В.М. Жирмунский // Тюркологический сборник. – Москва: Наука, 1970 – 288 с.
6. Жирмунский, В.М. О тюркском народном стихе / В.М. Жирмунский // Тюркский героический эпос. – Ленинград, 1974. – С. 657-661.

7. Оготоев, П.В. Элэс Боотур. Олонхо / П.В. Оготоев. – Якутск, 2002.

8. Оготоев, П.В. Элэс Боотур. Олонхо / П.В. Оготоев; пер. на франц. язык В.И. Шапошниковой. – Якутск, 2013.

References

1. Vasil'ev G.M. Zhivoj rodnik: Ob ustnoj poezii jakutov / G.M. Vasil'ev. – Jakutsk, 1973. – 303 s.

2. Illarionov V.V. Iskusstvo jakutskih olonhosutov / V.V. Illarionov. – Jakutsk, 1982.

3. Linin A.K. voprosam formal'nogo izuchenija poezii tureckih narodov. Izvestija Vost. fak. Azerb. gosuniversiteta im. V.I.Lenina. Vostokovedenie. T. 1 / A.K. Linin. – Baku, 1920.

4. Shherbak A.M. Sootnoshenie alliteracii i rifmy v tjurkskom stihoslozhenii. Narody Azii i Afriki / A.M. Shherbak. – 1961. – № 2. – S. 143.

5. Zhirmunskij V.M. O nekotoryh problemah teorii tjurkskogo narodnogo stiha / V.M. Zhirmunskij // Tjurkologičeskij sbornik. – Moskva : Nauka, 1970 – 288 s.

6. Zhirmunskij V.M. O tjurkskom narodnom stihe // Zhirmunskij V.M. Tjurkskij geroičeskij jepos. – Leningrad, 1974. – S. 657-661.

7. Ogotoev P.V. Jeljes Bootur. Oлонхо / P.V. Ogotoev. – Якутск, 2002.

8. Ogotoev P.V. Jeljes Bootur. Oлонхо / P.V. Ogotoev; perevod na francuzskij jazyk V.I. Shaposhnikovoj. – Jakutsk, 2013.

Самона Курилова¹

**КОНЦЕПТ «РЕКА» КАК АКТУАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА
ВОДНОГО ПРОСТРАНСТВА ЛАНДШАФТНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ***

*THE CONCEPT «RIVER» AS AN ACTUAL MENTAL UNIT OF WATER SPACE
LANDSCAPE CONCEPTOSPHERE IN LINGUOCULTURE OF THE FOREST YUKAGIRS*

** Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование». Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект 14038-00031).*

Статья посвящена исследованию репрезентации реки в языковой картине мира лесных юкагиров, одних из наиболее малочисленных представителей юкагирского этноса, проживающего в верховьях Колымы Якутии. Анализируются наименования гидрообъекта и лексемы, имеющие отношение к нему, его образ в мифо-ритуальной традиции юкагиров, семантика гидронимов.

Ключевые слова: лесные юкагиры, лесной диалект, языковая картина мира, пространство, сакральный ландшафт, гидроним.

The article investigates the representation of the river in a language picture of the world of the forest Yukagir, one of the most minority representatives Yukagir ethnic group living in the upper reaches of the Kolyma River in Yakutia. Water bodies and lexems, pertaining to it and its image in the myth-ritual tradition Yukagirs semantics hydronyms are analyzed in the article.

Key words: forest Yukagirs, forest dialect, language picture of the world, space, sacred landscape, hydronym.

¹ Курилова Самона Николаевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН. E-mail: mindliny@mail.ru

Samona Kurilova, Candidate of Philological Sciences, Research Fellow at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

В рамках системного подхода в современной культурологии культуру принято рассматривать как совокупность объективных и субъективных элементов. Если объективные элементы представляют собой физические манифестации, то субъективные – это социальные нормы, обычаи, установки и ценности. В свою очередь, в лингвокультурологии объективными элементами культуры выступает совокупность языковых единиц (слова, фразеологизмы, тексты и т. д.), при том, что субъективные элементы культуры, реализованные в языке, получили название лингвокультурные концепты [8: 29].

Юкагиры тайги являются одной из речных культур второго типа, т.е. это народ, для которого река играет немаловажную роль, но он также является представителем другого хозяйственно-культурного типа [9: 217]. Юкагиры в целом как лесные, так и тундровые, несколько столетий назад начинали освоение окружающего пространства обитания (практически вся территория современной Якутии) векторным способом, вдоль рек и речных долин, что можно наблюдать в пиктографических письменах. Освоение рек предполагало конкретно-прагматическое познание осваиваемого ими пространства и отведение в идеальном конструкте мира центрального места реке в мифологическом, космогоническом и космологическом аспектах [6: 8]. В языковой картине мира лесных юкагиров (далее – ЛЮ) объективация концепта «река» происходит через наибольшее число наименований по сравнению с другими группами водных объектов (озеро, море, ручей, болото, лужа), в связи с чем данный концепт является наиболее значимым, актуальным для ЛЮ [см. также 5: 98].

В результате анализа лексикографических и фольклорных источников определено, что в ЛЮ концепт РЕКА вербализуют две лексемы – унуң ‘река’ [1: 198; 7: 72; 11: 56; 10: 388] как основная водная артерия и производная унуңдиэ ‘речка’ [11: 56], в которой морфологический показатель уменьшительности передает сему размерности.

Лексема	Значение	Состав	Дифференциальная сема
Унуң	река	Основа –	
Унуң-диэ	речка	основа + DIM	размер – небольшой

Концепт РЕКА характеризуют следующие языковые обозначения его частей и участков:

– место, представляющее собой линейно-вытянутое понижение, по дну которого течет водоток: чэбилэ ‘долина’ [7: 72];

– углубление в почве, по которому течет водоток: андэнуң ‘русло’ [7: 14], тотобо ‘ложе’ [1: 210];

– углубление в почве, по которому течет сформировавшийся отдельно от основного водного потока другой водоток: мурэгиэ ‘рукав’ [1: 150];

– водоток, являющийся частью другого водного потока или соединяющий другие водотоки или водоемы: өкөчэ ‘протока (маленькая)’ [7: 57], пуйлэ ‘протока’ [7: 64; 4: 18];

– участок водотока, разделяющийся на два или более потока, или два водотока, сливающиеся в один поток: шобичэ ‘стрелка’ [1: 150], ундэиэр ‘развилка’ [1: 72];

– место, где водоток берет начало (исток): йомул ‘речная вершина’ [2: 345], йобул, йамул ‘верховья реки’ [7: 23; 10: 316, 390], йамун ‘исток’ [4: 17];

– участок впадения водотока в другой водный объект: аңил(ь) ‘отверстие; вход; устье (реки)’ [1: 135, 221; 7: 15, 72; 10: 452; 4: 18];

– дугообразная часть реки (излучина): йодул ‘поворот; расстояние (поворот на реке, количество которых определяет расстояние)’ [7: 25], йодуу ‘изгиб (реки)’ [7: 25], йоду ‘поворот (реки)’ [1: 106];

– самая низкая часть русла водотока: аримэл ‘дно (озера, реки, моря)’ [7: 15; 10: 388; 11: 38];

– часть водотока около берега с замедленным течением: молил ‘залив (без течения); туловище’ [7: 42; 10: 326], моньор ‘заводы’ [7: 44], өгиздаңиль ‘залив’ [7: 57], угэйэ ‘залив’ [4: 18];

– мелководный участок: йэроодьо ‘брод’ [7: 30], йэройэ ‘брод’ [1: 80], килэт ‘брод’ [7: 31], ойдоҗо ‘коса’ [7: 54], ойдого ‘коса’ [4: 18], шэугиз ‘мель’ [1: 191];

– глубоководный участок: йуругу ‘плес’ [1: 123], чэгинмо ‘глубокие места или ямы’ (от кол.-рус. чепка) [1: 205];

– середина водотока: унмутии ‘на середине реки, на середину реки’ [7: 72], унмутиин ‘по середине реки’ [7: 72], унбутин ‘по середине реки’ [1: 211], энүдөрдьэ ~ эндөрдьүо ‘по середине реки’ [10: 450];

Образ реки характеризуют также такие лексем, как баал ‘волна’ [7: 17; 10: 327], йөмгийэ ‘водоворот’ [7: 28], одьи ~ оожии ~ уожии ~ уожэ ‘вода’ [2: 460; 7: 56; 10: 264, 318], хилбэ ‘водоросли’ [7: 75], шоңдылэ ‘половодье’ [7: 86] и др. Только для понятия берег в лесном диалекте имеются несколько обозначений: и5ил ~ йа(л)җил ‘берег’ [1: 98, 180; 11: 28; 7: 22], йоби ~ йообии ~ йубии ‘берег; лес, тайга; гора’ [1: 91, 266; 11: 56; 10: 300, 310, 326], ондагил ‘берег (реки)’ [4: 18], порхойо ‘берег (извилистый)’ [7: 61], чоҗочал ~ чохоча(ал) ~ чохачал, чо5очо ~ чоҗочэ ~ чоҗосьо ‘берег (крутой, обрывистый)’ [1: 74, 80, 100, 266; 7: 80; 11: 90; 10: 390], эймуғудэ ‘на противоположном берегу’ [10: 436].

Реки для юкагиров являлись одним из основных способов ориентации в пространстве, поскольку служили с географической позиции границами проживания того или иного соседствующего племени, с утилитарной точки зрения транспортными артериями, а в мифологическом представлении дорогой, связующей два мира – верхний и нижний. Все эти аспекты связаны с понятием движения водотока, направленности течения.

В ЛЮ понятие течения передается лексемой ойль ‘течение’ [7: 54; 2: 302; 10: 36, 38]. Направления течения могут передаваться посредством послелогов, наречий, падежных суффиксов и отдельных слов:

(1) вверх по течению, против течения: ойль ньяасин ‘против течения’ [7: 54], ойль ньачин ‘против течения’ [1: 223; 2: 441], пудэ ‘верховье реки’ [7: 123], пудэлэ ‘вверх по течению’ [1: 98], пудит ‘с верховьев реки’ [7: 160, 163], пудэлыэн ‘вверху, в верховьях’ [7: 63], ча(а)ңдэ ‘вверх по течению’ [1: 87; 7: 78; 10: 450], чадилаңдэт ‘вверху (по реке)’ [7: 78];

(2) вниз по течению, по течению: ойль миидэ 'по течению' [7: 41, 54], лэдудэ 'вниз по течению; на север' [1: 74; 7: 38; 10: 298], лэдэ 'внизу (по течению); снизу' [7: 38], лэллугут 'снизу, с низовьев реки' [7: 39].

Присутствие пространственных характеристик по направлению течения связано с архаичными представлениями юкагиров, восходящих к идее дуалистического разделения реки-мира. В мифо-ритуальной традиции юкагиров, как и многих других речных культур, сложились представления о реке как центральном элементе сакрального пространства, связанного с понятиями «добро – зло», «свет – тьма», «жизнь – смерть». Река – это дорога (путешествие, движение), граница Верхнего (мир живого) и Нижнего миров (мир неживого) и вместе с тем связующее звено между мирами, божество. По рекам и их долинам юкагиры совершали свои кочевки и в пиктографических письмах обозначали их маршрутами. Универсальная характеристика нижнее течение всегда сопутствует в фольклорной традиции речному мотиву: герои совершают свои далекие путешествия вниз по течению (ср. эпитеты «за один день верховья семи рек проходил», «путь по семи речным вершинам» как показатель физической силы и выносливости), встречаются там со злыми существами или препятствиями, плоты с умершими уплывают в сторону моря, брошенная отцом в реку девушка уплывает вниз по течению и становится шаманкой, и вскоре вслед за ней отправляется ее младшая сестра и т.п. [2: 349; 11: 150; 3: 85, 90, 92]. В царстве теней (аибидь) река с красными водами отделяет мир мертвых, за которой продолжают жить тени умерших [10: 312, 326]. Так, например, в шаманских сказаниях шаману во время своего речного путешествия в царство теней необходимо пересечь реку в мире мертвых на челноке, чтобы забрать душу больного (аиб) из дома мертвых родственников и вернуть его в мир живых к живым родственникам [1: 15; 2: 229; 10: 436]. С темой реки связана погребальная традиция, когда умершего хоронили в лодке-челноке [3: 233]. Все объекты, как мы видим, имеют привязку к реке (напр., лодка-челнок как связь между мирами живого и неживого, берега как символы этих миров). В мифологии юкагиров река персонифицирована в женском образе и входит в класс матерей. Ее называют река-мать (унуд-эмэи, унуц-эмэи). Наделив реку человеческими чертами, способной общаться с ними, понимать их и выражать эмоции, юкагиры в попытке задобрить ее общались с ней, обращались с молитвами, одаривали подарками. Принято было угощать реку свежей оленьей кровью в ее самой глубокой части [1: 149-154]. Вскрытие реки юкагиры воспринимали как разрешение от бремени и во время ледохода женщины бросали в воду бисер в подарок детям хозяина реки [2: 300].

С образом реки связана фундаментальная категория воды. В своих обращениях лесные юкагиры называют реку вода-мать (оодьид-эмэи, оожид-эмэи), что указывает на репрезентацию водой женского начала. Реки имеют хозяина, называемого Хозяин Пресных Вод (Одын Погиль), относимый к благодетельным сверхъестественным существам и являющийся покровителем различных пресноводных рыб [2: 206, 212; 3: 130]. Как мы видим, материнская ипостась сменилась мужским соответстви-

ем. По поверьям юкагиров каждый объект мира природы имеет своего хозяина (погиль). Так, в водах рек обитает водяной (оодын-шоромо), поэтому запрещалось пить воду из стоячей воды, поскольку предполагалось, что в таких местах испражняются дети хозяина реки [1: 84]. Юкагиры обычно имеют представления об опасности, исходящей от воды, называя ее «смерть», что также отражено в фольклоре [см. 1: 199]. С водой ассоциируются и положительные коннотации, как например, сравнение с водой сердца красивого и доброго парня, в которого влюбились девушки [2: 443].

Особый интерес вызывают средства номинации движения в воде и по воде, а также лексемы, связанные с рыболовством.

Действия вверх по водотоку Мородьэ= ~ моружэ= 'плыть вверх по реке; подняться вверх по реке, двигаясь на берегу' [2: 118; 7: 44]

Действия вниз по водотоку Эрэ= ~ йэрэ= ~ йиэрэ= 'плыть вниз по реке; течь' [1: 118; 7: 25]

Пересечение водотока Чаџа(а)= ~ чама= 'переплыть реку; переправляться' [2: 118; 7: 78; 10: 436]

Действия в воде Амлаи= 'нырять' [2: 450]

Амла= 'нырнуть; погрузиться' [7: 13]

Йарды= 'купаться' [7: 23]

Килэ= 'брести по воде, снегу' [7: 31]

Молльо= 'плыть (быстро на лодке)' [7: 43]

Пат= 'плавать' < пад= 'варить в котле' [2: 379]

Толиџа= устар. 'грести' [2: 441]

Уушэ= 'грести' [2: 441; 7: 78]

Чэриэ= 'утонуть' [7: 83]

Действия, связанные с ловлей рыбы Огодэ= 'ставить запруду' [2: 460]

Паџу= ~ паду= 'ловить рыбу неводом, неводить; поставить сеть' [1: 199, 7: 58]

Чумучи= 'удить' [7: 82]

Среди глагольных основ с качественным и процессивным значением, имеющих отношение к воде и водному объекту, можно выделить также йэроому= 'мельть (о реке)' [7: 30], киэ= 'впадать' [1: 264], онжэ= 'спуститься к реке' [7: 57], чабида= 'причалить' [7: 78], чоџуннэ= 'быть мелкой (о реке)' [1: 221] и др.

По рекам юкагиры сплавлялись на небольших водных транспортах – анабучкаа ~ анабучкэ ~ анабускаа 'стружок (челнок), лодка-долбленка (выдолбленная из ствола тополя)' [1: 64, 202; 7: 14; 10: 390, 507], кар(а)бач, хаарбэс, карбас 'карбас; небольшая лодка; большая грузовая лодка' [1: 202; 7: 75; 10: 390, 507], мино 'плот' [7: 41; 10: 105, 118], экил(ь) 'лодка из трех досок, ветка, челнок (одноместная лодка типа байдарки, сделанная из трех досок)' [7: 89; 10: 390; 436, 507].

Для ловли рыбы использовались различного вида средства, часть из которых являются заимствованными, о чем свидетельствует и фонографическая форма лексемы: мо(о)рто ~ мортэ 'морда, верша (плетеная ловушка для рыбы)' [1: 72, 100; 7: 44], ньанмэ йоуйэ 'сеть из тальника' [10: 80], паџул 'невод' [7: 58], сьииэмэлэ йоуйэ 'воло-

сяная сеть' [10: 296], съэткэ 'сетка' [10: 296, 491], угө ~ өгэ ~ ого(л) 'заездок; плотина; изгородь (запруда на реке из жердей для ловли рыбы, ловушка для рыбы в виде изгороди)' [2: 460; 7: 57; 10: 80, 260, 483], уулуу 'верша (плетеная ловушка для ловли рыбы)' [7: 73], чумучилэ ~ чумусьэ 'удочка' [1: 204; 7: 82], шаимэ ~ чаимэ 'сеть или неводной став' [2: 266]. К данной группе слов относятся также полопкии 'поплавок', чамдъэ 'весло', чобось 'кольцо (из тальника в верше)' [7: 61, 78, 80].

В семантике гидронимов отразилась значимость реки в жизни и хозяйственном укладе ЛЮ. Можно выделить следующие лексико-семантические группы потамонимов:

(1) Зоонимические: өнмун 'Олений рог' [1: 124, 441; 2: 212; 4: 29], Йанджал пуйлэ 'Гусиная проточка' [4: 33], Мээмээ пуйлэ 'Медвежья проточка' [4: 33], Шахадабут 'лисья нора' [4: 28];

(2) Фитонимические: Чербинизигэ 'Черемухой обладающая' [4: 28];

(3) По связи с окружающими объектами:

– по направлению: Лъэлюол Мудудиэмэ 'Задняя напрямик текущая река (на запад)' [4: 30];

– по расположению относительно другого географического объекта: Лъэлюол Пэйдэгэду 'К задней сопке текущая река', өрдьбал Мудудиэмэ 'Серединная напрямик (протекающая между сопками)', Пиэн Мудудиэмэ 'К сопке напрямик (текущая прямо к сопке)', Холвол Мудудиэмэ 'Холвол напрямик (текущая прямо к холвол < возм. холъол ~ холгут 'мамонт')' [4: 30];

(4) По отличительным особенностям: Йэрхад ~ Йархадан 'Мерзлая (Ледяная) река' [1: 221; 4: 28], Лолъодэн 'Кипящая река' [4: 29], Понход 'Белая река' [1: 263], Чичкэ пуйлэ 'Длинная протока' [4: 33], Хорходон ~ Коркодон 'Прыгающая (Извилистая) река' [1: 136; 2: 441; 11: 130; 4: 28], Чомолондиэ 'Большой распадок' [4: 30], Шэудэн 'Сухая река' [1: 163];

(5) По хозяйственной деятельности человека: Чаъадан 'Переправа реки' [4: 29];

(6) Посессивные:

– этнонимические: Кэрэкэ 'Корякская (в память о сражении юкагиров с коряками)' [4: 31], Чаахадан 'Заячьего рода река' [1: 136; 2: 213; 11: 130];

– анатомические: Андъэкэл 'Переносица' [1: 203, 205];

(7) Передающие эмоциональную оценку: Мэинджа-дон 'Опасная река' [4: 29], Эрчинэй 'Плохая река' [4: 31].

Таким образом, анализ лексических единиц показал, что в языке лесных юкагиров имеется достаточно большое количество наименований, связанных с концептом РЕКА. Данный водный объект представляет собой важный фрагмент действительности, с которым они связывали свое выживание, существование, быт. В мифо-ритуальной традиции река заняла центральное место в сакральном ландшафте. По семантическому содержанию гидронимов можно определить значимость реки в промысле, особенностях передвижения по ней на лодках, памятных событиях.

Сокращения

Кол.-рус. – колымский диалект русского языка

ЛЮ – лесные юкагиры, язык лесных юкагиров

См. – смотрите

Устар. – устаревшее слово

Литература

1. Иохельсон, В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе / В.И. Иохельсон. – Якутск : Бичик, 2005. – 272 с.
2. Иохельсон, В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В.И. Иохельсон. – Новосибирск : Наука, 2005. – 675 с.
3. Жукова, Л.Н. Очерки по юкагирской культуре: мифологическая модель мира. Ч. 2 / Л.Н. Жукова. – Новосибирск : Наука, 2012. – 360 с.
4. Курилов, Ю.Г. Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии / Ю.Г. Курилов. – Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 96 с.
5. Курилова, С.Н. Объективация образов водного фрагмента ландшафтной концептосферы в североюкагирской лингвокультуре / С.Н. Курилова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2014. – №2(9). – С. 98-104.
6. Поплинский, Ю.К. Речные культуры и становление цивилизации / Ю.К. Поплинский; отв. ред. Л.Р. Павлинская // Реки и народы Сибири : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – С. 5-18.
7. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект) : учеб. пособие для уч-ся нач. шк. / сост. И.А. Николаева, В.Г. Шалугин. – Санкт-Петербург : Дрофа, 2002. – 224 с.
8. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 26-34.
9. Федорова, Е.Г. Река в погребальной обрядности народов Сибири / Е.Г. Федорова // Реки и народы Сибири : сборник научных статей / отв. ред. Л.Р. Павлинская. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – С. 216-237.
10. Фольклор юкагиров / сост. Г.Н. Курилов. – Москва ; Новосибирск : Наука, 2005. – 594 с.
11. Фольклор юкагиров Верхней Колымы : хрестоматия / сост. Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. – Ч. 1 : сказки. – Якутск : ЯГУ, 1989. – 160 с.

References

1. Iohel'son V.I. Materialy po izucheniju jukagirskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge / V.I. Iohel'son. – Jakutsk : Bichik, 2005. – 272 s.
2. Iohel'son V.I. Jukagiry i jukagirizirovannye tungusy / V.I. Iohel'son. – Novosibirsk : Nauka, 2005. – 675 s.
3. Zhukova L.N. Oчерki po jukagirskoj kul'ture: mifologicheskaja model' mira. – Ch. 2 / L.N. Zhukova. – Novosibirsk : Nauka, 2012. – 360 s.

4. Kurilov Ju. G. Jukagirskie toponimy Severo-Vostoka Azii / Ju. G. Kurilov. – Jakutsk : IGIIPMNS SO RAN, 2013. – 96 s.

5. Kurilova S.N. Ob#ektivacija obrazov vodnogo fragmenta landshaftnoj konceptosfery v severojukagirskoj lingvokul'ture / S.N. Kurilova // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2014. – №2(9). – S. 98-104.

6. Poplinskij Ju. K. Rechnye kul'tury i stanovlenie civilizacii / Ju. K. Poplinskij ; otv. red. L.R. Pavlinskaja // Reki i narody Sibiri: sbornik nauchnyh statej. – SPb. : Nauka, 2007. – S. 5-18.

7. Slovar' jukagirsko-russkij i russko-jukagirskij (verhnekolymskij dialekt): uceb. posobie dlja uch-sja nach. shk. / sost. I.A. Nikolaeva, V.G. Shalugin. – SPb. : Drofa, 2002. – 224 s.

8. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyj koncept kak sistemnoe obrazovanie / G.G. Slyshkin // Vestnik VGU, Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija». – 2004. – № 1. – S. 26-34.

9. Fedorova E.G. Reka v pogrebal'noj obrjadnosti narodov Sibiri / E.G. Fedorova ; otv. red. L.R. Pavlinskaja // Reki i narody Sibiri: sbornik nauchnyh statej. – SPb. : Nauka, 2007. – S. 216-237.

10. Fol'klor jukagirov / sost. G.N. Kurilov. – Moskva ; Novosibirsk : Nauka, 2005. – 594 s.

11. Fol'klor jukagirov Verhnej Kolymy : hrestomatija / sost. L.N. Zhukova, I.A. Nikolaeva, L.N. Demina. – Ch. 1: Skazki. – Jakutsk : JaGU, 1989. – 160 s.

Лена Румянцева¹

**К ВОПРОСУ ПОЭТИКИ ПРОСТРАНСТВА РУССКОЙ ПРОЗЫ 1920-х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.И. КАТАЕВА)***

*TO THE QUESTION OF THE POETICS OF SPACE IN RUSSIAN PROSE of 1920s
(BASED ON THE MATERIAL OF I. KATAEV'S PIECES OF WRITING)*

* Статья представлена на конференции, организованной при финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция). Проект № 15-22-08501 «Организация и проведение научной конференции (с международным участием) «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование».

В статье на материале произведений И.И. Катаева рассматривается особый способ визуализации мира в прозе 1920-х годов, обусловленный восприятием новой реальности с помощью сложно структурированных пространственно-временных феноменов, соотносенных с приемами изобразительного искусства. Поиски языка эпохи лежат в русле синтеза искусств, частным проявлением которого является глубоко традиционная техника экфрасического описания. В рассказах и повестях И.И. Катаева выделены разные типы экфрасиса, различающиеся по структурным и функциональным особенностям (атрибутированный, прямой, развернутый, поэтический). В итоге установлено, что организующим началом пространственно-временной структуры прозы писателя является именно живописное начало, что позволяет рассматривать художественные поиски И.И. Катаева в плоскости новой экспериментальной постсимволистской парадигмы. В частности указывается на значимость в повествовании приемов панорамной живописи.

Ключевые слова: художественное пространство, пространственно-временной феномен, визуализация, постсимволизм, постсимволистская парадигма, экфразис.

In the article based on the material of I. Kataev's pieces of writing the author considers a special way that was used to visualize the world in the prose of the 1920s. This process was driven by the perception of a new reality with the help of complex structured spatio-temporal phenomena correlated with the methods of art. The search for the tone of the era lies in the synthesis of the arts, which is a particular manifestation of the profoundly traditional technique of ekphrastic description. Different types of ekphrasis can be found

¹ Румянцева Лена Иннокентьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и теории литературы ФЛФ СВФУ М.К. Аммосова. E-mail: li.rumyantseva@s-vfu.ru

Lena Rumyantseva, Associate Professor of Russian literature and literary theory, Candidate of Philological Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

in Kataev's stories and novels. They differ in structural and functional features and can be attribute, direct, detailed, and poetic. As a result, it is stated that the pictorial beginning is the organizing principle of spatio-temporal structure of the writer's prose. This helps to analyze Kataev's creative quest as the new experimental post symbolic paradigm. In particular, it points to the importance of the panoramic painting narrative techniques.

Key words: art space, the spatio-temporal phenomenon, visualization, post symbolism, post symbolic paradigm, ekphrasis, space mythologization.

Общий характер литературного развития 1920-х годов был связан с поисками новых форм поэтического языка. Многие писатели раскрывали свое восприятие новой противоречивой реальности с помощью сложно структурированных пространственно-временных феноменов, соотнесенных с приемами изобразительного искусства. Многие аспекты индивидуально-авторского пространства действительно могут быть включены в контекст советской живописи, кинематографа 1920-1930-х гг. и рассмотрены как проявление «языка эпохи», глубинной мифологии культуры советского периода. В.И. Тюпа относит все явления художественного творчества этого периода к постсимволистской художественной парадигме. При этом он справедливо указал, что при всей «разноголосице» этого явления основным становится «открытие и освоение коммуникативной природы искусства» [1, с.120]. Автору отводится роль организатора коммуникативного события и именно с этим исследователь связывает расцвет режиссерского искусства в XX веке. Решающим критерием художественности становится эффективность воздействия художественного произведения на читателя, зрителя, слушателя. В этих условиях актуализируется мысль об исчерпанности потенциала известных родов искусства, будущность видится в новой сфере синтетического искусства.

Синтетизм как объективное качество нового искусства провозгласил Е.И. Замятин в статье «О синтетизме» (1922): «После произведенного Эйнштейном геометрически-философского землетрясения – окончательно погибли прежнее пространство и время. Синтетизм пользуется интегральным смещением планов» [2, с. 414, 415]. Важнейшим свойством нового искусства является фрагментарность, потому что «мир лопнул на тысячу бессвязных кусков» [2, с. 415], но эти фрагменты в художественной практике футуристов стремятся ввести в живопись, искусство трехмерное – четвертое измерение – время. Таким мыслится Е.И. Замятину синтез разных видов искусств – словесного искусства и живописи. Предшествующая литературная эпоха, связанная с развитием символизма, апеллировала к синтезу музыки и поэзии. Постсимволизм же обнаруживает ярко выраженную тенденцию к слиянию литературы и живописи (футуристы), позднее в художественной практике конструктивистов 1920-х годов актуализируется апелляция к кинематографу.

Таким образом, творческая эволюция представителей постсимволистской эпохи в целом может быть трактована либо как постепенное вытеснение музыкальной (символистской) линии и усиление живописной (постсимволистской), либо как сложное переплетение этих линий.

Любопытный пример реализации фундаментальной оппозиции «музыка/живопись» предьявляет художественная практика прозаиков литературного объединения 1920-х годов «Перевал». Так, проза И.И. Катаева, Н.Н. Зарудина, П.В. Слетова фиксирует стремление писателей к синтезу художественных форм и понимание необходимости более широкого взгляда на реализм. Об этом же свидетельствуют идеи, развитые критиком и теоретиком «Перевала» А.К. Воронским в трудах «Искусство как познание жизни и современность (к вопросу о наших разногласиях)» (1923) и «Искусство видеть мир (о новом реализме)» (1928). По А.К. Воронскому, стремление художника открыть «подлинные образы мира» лежит в основе особого видения. Отстаивая субъективные, интуитивные возможности творчества, концепция А.К. Воронского утверждает объективный характер настоящего искусства. Постигание подлинных образов мира доступно свежему непосредственному взгляду, который видит мир «в новом освещении, в самом обыкновенном, примелькавшемся он вдруг находит свойства и качества, какие он никогда не находил» [3, с. 540, 568]. Эстетическая концепция А.К. Воронского оказывается близка и созвучна поискам И.И. Катаева и находит выражение в активности его авторской позиции, формирующей узнаваемую стилевую манеру, преломляющую действительность особым «наивным» сознанием.

В художественной прозе И.И. Катаева 1920-х годов оппозиция «музыка/живопись» развивается при доминировании живописного начала. Однако исходной мыслью, обусловившей это доминирование, является, на наш взгляд, мысль символиста А. Блока, развитая, в частности, в его статье «Краски и слова», о близости искусства красок и линий природе, не дающей писателю погрузиться в схему, оставляющей «живым и нетронутым» то чувство, которым отличаются дети [4]. Непосредственность и свежесть восприятия мира, присущие И.И. Катаеву, воплощены в маске «нарочитой наивности», являющейся характерной чертой повествовательной манеры писателя. В эстетической концепции литературной группы «Перевал», активным и деятельным участником которой был И.И. Катаев, этой категории соответствуют установки на «органичность» и «искренность» творчества. В рамках индивидуальной поэтики писателя это свойство проявилось в особой внимательности к детали, к предметному, «воплощенному» (А. Блок) миру. О мастерстве И.И. Катаева в изображении «натюрмортов и интерьеров» [5, с.302] писала литературная критика 1920-х годов, тем самым, соотнеся способ пространственной организации, свойственный писателю, с приемами изобразительного искусства.

Так, одной из существенных сторон прозы И.И. Катаева является ослабление сюжетности, отказ от активной событийности, подчеркнутая сосредоточенность на явлениях бытовой повседневности и возникающее на этом фоне усиление внесюжетных аспектов повествования. Результатом этого усиления становится тот факт, что сюжет приводится в движение введением стержневых мотивов (тем), обозначенных в заглавии.

Преобладание лирического, субъективного начала в прозе И.И. Катаева также проявляется в стремлении показать реалии предметного мира через эмоциональные описания и вытекающее из этого внимание к предметной детали. Истоки сло-

весной живописи И.И. Катаева следует искать в импрессионистической традиции символизма, воспринятой к 1920-м годам как определенный художественный принцип. Интересны, к примеру, описания, воспроизводящие особое преломление света и тени, ориентированные на соответствующие жанры живописи: «Но вот – по краю тротуара лотки с фруктами. Синие матовые сливы, тяжелые грозди винограда, в котором утро сгустилось и стало влагой; если прокусить, оно потечет в самую кровь. Горка шафрана желтеет, будто освещена закатом» [6, с. 92]; «Вижу кусочек атласного нетемного неба. Крупные спокойные звезды. Золотой купол церкви слабо светится – не то от звезд, не то от месяца, но месяц за домами... Почему-то этот светящийся купол в вечернем небе всегда рождает во мне весеннее счастливое беспокойство» [6, с. 106] («Сердце»). Как видим, в данных описаниях чисто декоративные цветовые образы сочетаются с поэтическими метафорами, при этом следует акцентировать их ярко выраженный индивидуальный характер. В связи с этим произведения И.И. Катаева следует рассматривать в русле проблемы синтеза словесного и живописного искусств, которая многими исследователями признана наиболее значимой особенностью постсимволистской парадигмы. Так, частным проявлением синтеза искусств является экфрасис, понимаемый как словесное описание произведения изобразительного искусства, прежде всего, живописи и графики.

В первой трети XX века традиция экфрасиса в русской литературе была глубоко укоренена в творчестве самых разных писателей. Так, экфрасис вводится в художественный текст В.Я. Брюсовым, А. Белым, А.А. Блоком, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштамом, уделявшим ему особенное внимание как более «материальному», «весомому» типу текста, не менее этот прием значим и в творческой практике реалистов А.М. Горького, И.А. Бунина, А.Н. Толстого. В 1920-е годы в прозе И.Э. Бабеля, А.П. Платонова, Е.И. Замятина, В.В. Набокова происходит значительное обновление традиции экфрасиса, обусловленное изменениями в визуальной сфере. Меняется характер взаимоотношений литературы и изобразительного искусства, в частности, художники авангарда, как и несколькими десятилетиями ранее импрессионисты, энергично восстают против «литературности». Визуальная культура начинает претендовать на доминирующее или, по крайней мере, независимое положение. Причиной этого становится экспансия фотографии и кино, а также общая демократизация культуры после революции, сознательная ориентация искусства на массового читателя/зрителя, что в идеологическом, агитационном смысле приводит к реанимации средневекового взгляда на изобразительное искусство как Библию для неграмотных. В 1920-е годы произведения изобразительного искусства, скульптуры, архитектуры, кинематограф, театр, фотография – все перечисленное семантически ориентируется в литературном произведении, в результате чего организуется движение сюжета.

Проза И.И. Катаева 1920-х годов предъясвляет разнообразные аспекты экфрастического описания, классифицируемые не только по структурным, но функциональным параметрам. При этом выделяются 1) прямой, атрибутированный экфрасис, представляющий собой непосредственное описание или обозначение визуального артефакта в тексте, данный как часть интерьера, реалистическая подробность, куль-

турный символ («Сердце» 1927); 2) отрицательный неатрибутированный экфрасис, при котором отсутствует указание на автора и название произведения, служащий целям карикатурного описания лишенных художественных достоинств произведений («Поэт» 1928); 3) музыкальный экфрасис («Молоко» 1930).

Большой интерес в этом отношении представляет такой характерный прием повествовательной манеры писателя, как введение в текст различных уровней «чужого текста», в том числе названий произведений изобразительного искусства как знаков цитируемой культуры. Например, упоминание в повести «Сердце» картины швейцарского художника Арнольда Бёклина, вызывая в сознании определенные зрительные образы, апеллирует к символистской традиции. О распространенности данной ассоциации пишет, в частности, О.Д. Буренина, рассматривая аспекты полемики В.В. Набокова с символизмом в романе «Отчаяние» [6, с. 222]. Примечательно, что в повести И.И. Катаева упоминание картины А. Бёклина возникает как часть специфического, внутреннего интеллектуального пространства героя, прошлое которого связано именно с искусством символизма, становясь знаком-заместителем этой эпохи, причем живописные и музыкальные ассоциации выступают как равноценные и неразрывные. Замечавшись, Журавлев, герой, от лица которого ведется повествование, вызывает в воображении образ милой девичьей комнаты: «Там светлые обои с широкими панелями, на которых кипят багровые розы. Бёклинская «Лесная сказка» над маленьким столом и косматый Бетховен» [7, с. 122]. Так, цитатное введение названия картины становится частью поэтапного развития образа прошедшей эпохи, предпосланное развернутой детализированной картине дома, символизирующего утраченный мир, ценности которого еще живы и должны были бы, по мысли автора, усвоены настоящим.

Более сложное взаимопроникновение живописного и словесного искусства наблюдается в рассказе «Зернистый снег», в котором переплелись история и современность, лирико-философский пафос и очерковая событийность. Картина В. Сурикова «Боярыня Морозова», запечатлевшая глубокое понимание художником противоречивости движения истории, воспринята в рассказе И. Катаева как символ «жертвенного пустынно-снежного пути русской женщины» [7, с. 190]. Сближение в рамках рассказа судьбы боярыни Морозовой и Тани Черенковой, курсантки совпартшколы, оттеняется общей пространственной деталью: идея пути, визуально воплощена в описании зернистого снега, «выбегающего» из-под полозьев саней. Санний след, протянувшийся от картины Сурикова к рассказу И.И. Катаева, становится неким лейтмотивом, организующим сюжетную целостность произведения. Он пробуждает пока еще неотчетливую визуальную ассоциацию в начале рассказа и усиливается благодаря общности других пространственных деталей. Предметный фон живописного полотна В. Сурикова и рассказа И.И. Катаева составляют «слепые черные бревенчатые стены», «пузатые возки», «приземистые церквушки», «зернистый снег» [7, с. 181-182]. В финале рассказа живописная ассоциация разрушает границы между пространством картины и реальностью: «Летящими шагами я вошел в просторные снежные пределы картины и по следам полозьев зашагал к своему дому» [7, с. 190].

Еще один из аспектов пространственной организации прозы Катаева связан с глубоко традиционной техникой изображения пространства – панорамной живописью, которая отличалась подчеркнутой реалистичностью, использованием особых приемов создания перспективы и световых эффектов. Целью этих приемов было создание ощущения городского пейзажа, видимого как будто с высоты и полным обзором [4, с. 67]. Отличительными чертами панорамы были положение зрителя в центре, взгляд сверху и целостность «кругового» образа. Панорамные черты московских пейзажей Катаева можно обнаружить в повестях «Сердце», «Встреча», рассказе «Ленинградское шоссе», вступлению к повести «Хамовники». Любопытный пример совмещения реалистического – панорамного и мифологического планов обнаруживаем в повести «Сердце». Панорама ночной Москвы вначале характеризуется нерасчлененностью верха и низа, их тождественностью, в результате чего город словно исчезает, растворяясь в беспредельном космическом пространстве. Затем картина постепенно все более детализируется, получает определенные очертания, сопровождаясь мотивом узнавания «своего» обжитого пространства. Целостность видения в панораме предполагает восприятие города как единого и непрерывного. У Катаева Москва рассматривается как центр единого организма – страны: «Этот город – мужественное сердце страны...» [7, с. 144]. Панорамный взгляд ведет к сочетанию визуального образа города и авторского понимания единства судьбы города и страны, увиденного внутренним, духовным зрением. Так, в художественной прозе Катаева наряду с пространством-картинкой возникает особое мифологизированное пространство.

Рассмотренные примеры пространственной организации прозы И. Катаева позволяют выделить именно живописное начало как организующее в повествовательной структуре писателя, представляющее то, как часть предметной детализации в виде цитат – заместителей целостного образа, то, как обобщенный мифологизированный образ. В целом установка на живопись свидетельствует о новом качестве прозы И.И. Катаева позволяющем рассматривать художественные поиски писателя-перевальца в русле экспериментальной прозы 1920-х годов.

Литература

1. Тюпа, В.И. Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии XX века / В.И. Тюпа. – Самара, 1998. – С. 16-17.
2. Замятин, Е.И. Избранные произведения / Е.И. Замятин. – Москва, 1990. – 544 с.
3. Воронский, А.К. Искусство видеть мир / А.К. Воронский. – Москва, 1987.
4. Блок, А.А. Собраний сочинений: в 8 т. / А.А. Блок; под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского; подгот. текста и прим. Д. Е. Максимова и Г. А. Шабельской. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т. 5. Проза: 1903-1917. – 799 с.
5. Лежнев, А.З. Мастерство или творчество // Лежнев А. О литературе. – Москва : Союз писателей, 1987.

6. Буренина, О.Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века / О.Д. Буренина. – Санкт-Петербург, 2005. – 327 с.

7. Катаев, И. Под чистыми звездами. Повести, рассказы, очерки / И. Катаев. – Москва, 1969. – 511 с.

References

1. Tyupa V.I. Post symbolism. Theoretical essays on the Russian poetry of the twentieth century / V.I. Tyupa. – Samara, 1998. – 16-17.

2. Zamyatin E.I. Selected Works / E.I. Zamyatin. – Moskva, 1990. – 544 p.

3. Voronsky A.K. The art of seeing the world / A.K. Voronsky. – Moskva, 1987.

4. Blok A.A. Works: The 8 m. / A.A. Blok; editors V.N. Orlov, A.A. Surkov, K.I. Chukovsky. – Moskva ; Leningrad : State publishing house of literature, T. 1962. 5. Prose: 1903 – 1917 / Prepare. text and comment. D. E. Maximov and GA Shabelskaya. 799 p.

5. Lezhnyov A.Z. Skill and creativity // Lezhnyov A. On Literature. – Moskva : Union of Writers, 1987.

6. Burenina O.D. Symbolist absurdity and its traditions in Russian literature and culture of the first half of the twentieth century. – St. Petersburg, 2005. – 327s.

7. Kataev I. Under clear stars. Novels, short stories, essays / I. Kataev. – Moskva, 1969. – 511 p.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛАНДШАФТ В НАРРАТИВЕ ПАМЯТИ. РЕАЛЬНОСТЬ. ОБРАЗ. МОДЕЛИРОВАНИЕ»*

*При финансовой поддержке РГНФ и фонда «Дом наук о человеке» (Франция), проект № 15-22-08501

УДК 811.111

Дьячковская В.Г.,

Институт зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова

ОБРАЗНОСТЬ ЭПИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА: СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

THE FIGURATIVENESS OF THE EPIC LANDSCAPE: STRATEGIES OF TRANSLATION INTO THE ENGLISH LANGUAGE (COMPARATIVE ASPECT)

Олонхо является бесценным культурным достоянием якутского народа. По определению И.В. Пухова, «Олонхо – древний героический эпос якутов, повествующий о подвигах богатырей и об их борьбе с богатырями племени злых чудовищ – абаасы аймага» [5, с. 5]. Н. В. Емельянов определяет олонхо как жанровое понятие якутского героического эпоса и отдельные сказания, составляющие этот жанр [1, с. 3]. Согласно К. Д. Уткину, олонхо – духовный космос народа саха, его своеобразный космогонический мир [6, с. 3].

Возросший в последние годы интерес к якутскому эпосу послужил активизации переводов олонхо на другие языки. Следовательно, возникает необходимость в разработке стратегий перевода героического эпоса – олонхо. Мы считаем, что стратегия перевода якутского эпоса на английский язык заключается: во-первых, в предпереводческом анализе, что подразумевает поиск экстралингвистической информации, ознакомление с лингвистическими, культурологическими, этническими особенностями, выявление культурных и языковых реалий и т. д.; во-вторых, в определении основных трудностей при переводе (фонетических, фоносемантических, семиотических, синтаксических и т. д.); в-третьих, в непосредственном выполнении перевода с максимальным сохранением самобытности текста, с точной передачей смыслового содержания олонхо при соблюдении норм перевода.

Эпический ландшафт олонхо разворачивается в трех пространственных измерениях: Верхний мир (небо), Средний мир (земля) и Нижний мир (подземный). Верхний мир состоит из восьми-десяти «ярусов». Восточную и центральную его части

населяют божества («айыы» – «творцы»). По краям нижних «ярусов» (в северной, южной и западной частях неба) живут верхние абаасы – злые чудовища. Средний мир населяют люди и мелкие духи «иччи». В нижнем мире живут подземные абаасы [2, с. 358].

Описания местоположений Среднего и Нижнего миров в пространстве Вселенной, их географических объектов и природно-климатических условий в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» приведены достаточно подробно.

В первой песне героического эпоса П. А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» Средний мир, в которой происходят драматические события, описывается следующим образом:

Улаҕата көстүбэт, уңуоргута биллибэт,
Уорааннаах уоругайдаах
Улуу байҕал уллунахтаах,
Ороһуолаах уулаах
Оһоллоох Одун байҕал
Огдолуйбат олбохтоох,
Сүллэр этиң ньиргиэрдэммит,
Сүлүһун илбис дугуйдаммыт
Сүң байҕал түгэхтэммит,
Тунаах былыт урсуннаах
Туустаах байҕал тулалаах...
Алдьархайдаах аан-өлүү аарыктаммыт
Абалаах аһыы байҕал алыннаах... [3, с. 12]
Но ни края нет, ни конца,
Ни пристанище для пловца
Средь пучины неистово грозовой
Моря, дышащего бедой,
Кипящего соленой водой,
Моря гибели, моря Одун,
Бушующего в седловине своей...
Плещет в грохоте грозовом,
Дышит яростью, полыхает огнем
Древнее ложе Земли –
Грозное море Сюнг
С непоколебимым дном,
Тучами заваленное кругом,
Кипящее соленой водой,
Мглой закрывающее оком,
Сонма лютых смертей притон,
Море горечи, море мук, убаюканное песнями вьюг,
Берега оковавшее льдом [2, с. 8].

The great cold ocean lies beneath this World,
 The edge of ocean cannot be seen,
 The opposite side of the ocean
 Cannot be seen.
 The middle world is washed
 By the frightening waters
 Of the deadly Odun Baigal
 The thunder rumbles menacingly,
 The lightning flashes brightly,
 It is surrounded by the salty ocean,
 With stunning white clouds above;
 At the bottom of the World
 There lies the bitter evil ocean
 With its horrible, and deadly roar [7, с. 6].

В Среднем мире упоминаются четыре океана: Улуу байҕал, Одун байҕал, Туустаах байҕал, Абалаах аһыы байҕал. Исследователь А.С. Попова считает, что здесь, прежде всего, речь идет не просто о конкретных морях, известных якутам, а об омывающих землю со всех сторон четырех мировых океанах: Северном Ледовитом, Тихом, Атлантическом и Индийском соответственно [4, с. 36-54]. Как видно, в русском переводе слово «байҕал» теряет это значение и передается как «море».

В переводческих комментариях к английскому тексту олонхо написано: “Baigal – an ocean. As former steppe nomads the Sakha feel a natural distrust of large water basins and call them ‘байҕал’ – (the closest equivalent is ‘ocean’) which has a negative connotation. The spirit of such an ocean is supposed to be only evil (see: abaаһу)” (перевод автора: «Байҕал» – это океан. Поскольку якуты были степными кочевниками, они относились с недоверием к большим водам, называя их ‘байҕал’ (наиболее близкий эквивалент – ‘океан’), который имеет отрицательную окраску. Считали, что духом океана мог быть только абаасы) [7]. В этом контексте английский перевод, где идет перечисление этих океанов, наиболее близок к оригиналу, в то время как в русском переводе названия отдельных океанов переданы как определения к одному «морю Одун». Таким образом, английское слово ‘ocean’ наиболее полно передает значение слова «байҕал».

При описании Средней земли во всех сказаниях-олонхо к западу от места жительства богатыря эпического племени «айыы», простирается Араат-байҕал – море, в чьи величавые волны опускается дневное светило. Исследователь И.В. Пухов отмечает, что, возможно, здесь имеется в виду Аральское море. Согласно А.С. Поповой, в олонхо слышится «отзвук пребывания предков якутов в более теплых местах». По-видимому, это память об озере Байкал, около которого в древности жили предки якутов.

Дьылхаана биллибит,
Дьябыдыйан көстүбүт,
Добун маңан халлааны
Доргуйуор дылы доргуппут
Дохсун долгун оонньообут,
Баараҕай дьалхаан ытыллыбыт,
Бастын баал баарыстаммыт,
Уңуоргута көстүбэтэх,
Улаҕата биллибэтэх,
Уораҕайдаах усталаах,
Уорааннаах тыыннаах,
Аҕыс үөстээх
Араат байҕал хотун
Өрө күүрэн, үллэн-түллэн
Үөскээбит эбит... [3, с. 64]
Под грядою клубящихся облаков
Раскинулось широко,
Вздуваясь темной водой,
Разбиваясь о берег пенной волной,
Играет, бушует, гремит
Великое море Араат.
Через просторы моря того
Птица не перелетит [2, с. 48].
With invisible distant banks,
With unknown edges,
With an immense length,
With breathe of frost,
The eight-channelled
Araat Ocean khotun... [7, с. 50]

Рассмотрим эпитет «аҕыс үөстээх Араат байҕал хотун». Якутское слово «үөс» имеет несколько значений: 1) центр (үөс сир, масс үөһэ-сердцевина дерева; олох үөһэ – гуща жизни); 2) желчь, желчный пузырь; 3) и наиболее близкое аорта, артерия. Русский перевод – «великое море Араат». Данный пример также подтверждает, что в английский вариант наиболее близко передал образ моря. Эпитет «үөстээх Араат байҕал хотун» переведен как “the eight-channelled Araat Ocean khotun” (букв. растекающийся по восьми руслам Араат океан хотун). Channel – русск. растекаться, растечься. Примечательно, что переводчики сохранили и перевели транслитерацией слово «хотун». В комментариях написано: «Khotun – [ho'tun] – a title of an honoured lady; a landlady; a wife. Often it is used with 'эбэ' (ebeh) – 'grandmother'. A flattering addition of these words of geographical names either ground (road, mountain, valley, and abyss) or water (river, lake, ocean, swamp reflects an instinctive fear and respect of the natural

forces, e.g. Saidiliki Ebeh Khotun – Saidiliki valley/lake)» (перевод автора: «Хотун – титул почетной дамы; хозяйка; жена. Часто используется со словом «эбэ» («бабушка»). Заискивающее добавление этого слова к названиям земель (дорог, гор, равнин, впадинам) или водоемам (рекам, озерам, океанам, болотам) отражает инстинктивный страх и уважение перед природными силами) [7]. Следовательно, возникает необходимость в сохранении этой лингвистической реалии.

Этот принцип сохраняется и при передаче названия Кыладыкы эбэ хотун, местности, страны в Среднем мире, куда боги опускают на жительство Ньургун Боотура Стремительного, его брата и сестру: Кыладыкы эбэ хотун – Долина Кыладыкы – Kyladyky Khotun valley.

В олонхо каждый из трех миров представляет отдельную вселенную с природными и географическими элементами. Нижний мир – это сумрачная страна с особым щербатым солнцем и просыхающим болотом, что даже насекомые увязают в нем; там растут уродливые железные деревья и травы. Тут есть и аласы, и моря, и озера, и горы.

Например, здесь располагается Огненное море Кудулу – или Уот Кудулу, за которым живет Эсэх Харбыыр (ср. Муус Кудулу – название Ледовитого моря в Нижнем мире).

Уңуоргута көстүбэтэх,
Улабата биллибэтэх,
Оломун булларбатах,
Оппуохун туттарбатах
Уорааннах Уот Кудулу бай5ал... [3, с. 151]
Огнереющего, огнемутного моря,
Вечно бушующего Кудулу...
Ни обхода, ни брода нет у него,
Ни края нет, ни конца... [2, с. 101]
The Horrendous Kudulu Baigal
The blazing ocean:
The opposite side could not be seen,
The perimeters could not be found,
The ford were non-existent... [7, с. 126]

Создающий образность эпитет «уорааннах» со значением «прохладный, суровый, холодный, ветренный» переведен на английский эпитетом “horrendous”, имеющим значение «устрашающий, ужасающий, вселяющий ужасный, жуткий», а также эпитетом “blazing ocean”, т. е. «горящий ярким пламенем, сияющий, сверкающий, пылающий, полыхающий». Название самого океана передано транслитерацией и при помощи добавления “the blazing ocean”, что позволило полностью раскрыть семантику эпитетов.

В нижнем мире есть и алаасы, круглые поля или круглые луга в лесу. Например, Алып-Ньахсаат – алаас, в котором живет Арсан Дуолай (глава нижних абаасы) (эпитет Буор Мангалай – Земляное пузо) находится в Нижнем мире: Alyp-Nakhsaat alaas-valle – Алас Алып-Ньахсаат. Здесь также идет уточнение путем добавления слова “valley” со значением «долина», что облегчает чтение и понимание в целом.

Безусловно, перевод эпического произведения – непростая задача. Требование максимально точной передачи фольклорного текста на другой язык вступает в противоречие с возможностью отобразить все его своеобразие средствами языка перевода.

Значительно облегчает понимание эпического ландшафта переводческий комментарий, в котором авторы поясняют часто встречающиеся и вызывающие затруднение в понимании реалий и постоянных эпитетов, которыми изобилует олонхо. Якутский язык эксплицитен, изобилует повторами, разнообразными эпитетами, сравнениями, гиперболами. Английский же язык имплицитен. Несмотря на эту асимметрию, проведенный анализ показывает и доказывает максимальную приближенность текста на английском языке к оригиналу на якутском языке.

Статья представлена на конференции «Ландшафт в нарративе памяти. Реальность. Образ. Моделирование» проекта РГНФ-ФДНЧ №15-22-08501/15

Литература

1. Емельянов, Н.В. Сюжеты якутских олонхо / Н.В. Емельянов. – Москва : Наука, 1980. – 375 с.
2. Ойунский, П.А. Якутский героический эпос олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» / П.А. Ойунский. – Москва : ИПЦ «ДИК», 2007. – 400 с.
3. Ойуунускай, П.А. Дьулуруйар Ньургун Боотур: Олонхо / П.А. Ойуунускай // Саха. Респ. Научаларын акад. Гуманит. чинчийии ин-тута. – Дьокуускай, 2003. – 544с.
4. Попова, А.С. Олонхо атыгар мэнэстэн / А.С. Попова. – Дьокуускай : Якутия, 2010. – 288 с.
5. Пухов, И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы / И.В. Пухов. – Москва : Академия наук СССР, 1962. – 256 с.
6. Уткин, К.Д. Предфилософия олонхо: антитеза натурализма супранатурализму / К.Д. Уткин. – Якутск : Октаэдр, 2009. – 219 с.
7. Oyunsky, P.A. Olonkho: Nurgun Botur the Swift. – UK: Renaissance books, 2014. – 448 p.

References

1. Emel'janov N. V. Sjuzhety jakutskih olonho. – M.: Nauka, 1980. – 375 s.
2. Ojunskij P. A.. Jakutskij geroicheskij jepos olonho «N'urgun Bootur Stremitel'nyj». – M. : IPC «DIK», 2007. – 400 s.
3. Ojuunuskaj P. A. D'ulurujar N'urgun Bootur: Olonho.: Saha. Resp. Naukalaryn akad. Gumanit. chinchijii in-tuta, D'okuuskaj, 2003. – 544s.
4. Popova A. S. Olonho atygar mjenjestjen. – D'okuuskaj : «Media-holding «Jakutija», 2010. – 288 s.
5. Puhov I.V. Jakutskij geroicheskij jepos olonho. Osnovnye obrazy. – M. : Akademija nauk SSSR, 1962. – 256 s.
6. Utkin K. D. Predfilosofija olonho: antiteza naturalizma supranaturalizmu – Jakutsk : IC «Oktajedr», 2009. – 219 s.
7. Oyunsky, P. A. Olonkho: Nurgun Botur the Swift. – UK : Renaissance books, 2014. – 448 p.

Стручкова Ф. Д.,

Институт зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ВЕБ-САЙТОВ)

В последние годы в Якутии активно развивается туризм, который можно направить в сферу событийного туризма, поскольку особое внимание иностранных туристов привлекают такие мероприятия, как празднование национального торжества ысыах, праздник оленеводов, бриллиантовая неделя Якутии и другие не менее интересные события.

Под событийным туризмом понимается значимая часть культурного туризма, ориентированная на посещение мест в определенное время, связанное с каким-либо событием в жизни сообщества или общества, редко наблюдаемым природным явлением [1, с. 141]. В настоящее время в России, в частности в нашем регионе, существует ряд проблем развития туризма, связанный не только с недостаточным развитием туристической инфраструктуры, но и с нехваткой информации. Поэтому нам представляется необходимым исследовать рекламный дискурс интернет-сайтов, предлагающих туристические услуги в этой сфере, данные которых можно использовать для развития событийного туризма в Республике Саха (Якутия).

Когда мы говорим о рекламном дискурсе, то необходимо рассматривать не только лингвистические, но и экстралингвистические особенности, поскольку реклама без использования неязыковых факторов практически невозможна.

В своей исследовательской работе мы выбрали два сайта <http://www.france-voyage.com/> и <http://int.rendezvousenfrance.com/>, которые предлагают клиентам незабываемый отдых в разных частях Франции, где можно познакомиться с традиционными праздниками, карнавалами и фестивалями.

Вслед за О. В. Стрижковой, мы выделяем следующие стратегии:

- 1) рациональную, воздействующий потенциал которой реализуется в употреблении количественных и статистических данных объекта;
- 2) эмоциональную, использование которой предполагает создание привлекательного для потребителя образа, настроения, чувства;
- 3) комбинированную, сочетающую эмоциональное и рациональное воздействие [2, с. 117].

В рекламном дискурсе событийного туризма рациональная стратегия реализуется при помощи тактики апелляции к количественным данным об объекте: Elle

accueil aujourd'hui plus de 20 000 visiteurs venant des 4 coins de l'hexagone (в настоящее время она собирает более 20000 посетителей со всех четырех уголков Экзагона). Это тактика позволяет клиентам оценить масштабность, ценность праздника, что играет положительную роль при выборе клиента.

Эмоциональная стратегия осуществляется:

– тактикой самопохвалы. Это тактика позволяет клиентам воспринимать товар как самый лучший и загадочный. Как показал анализ материала, она осуществляется при помощи следующих средств: эмоционально-окрашенной лексики, лексического повтора, восклицательных предложений, стилистических фигур, таких как метафора, гипербола, сравнение. Приведем пример: *Un tour du monde en 90 minutes!* (Вокруг света за 90 минут!). Эта гипербола отсылает к знакомому всем произведению Ж. Верна «Вокруг света за 80 дней» и предстает в виде привлекательного призыва совершить путешествие, во время которого можно увидеть все страны на одном событии – фестивале;

– тактикой сближения с адресатом, представленной приемом интимизации. Этот прием используется для доверительного общения с аудиторией, достижения с ней контакта, при помощи использования местоимений *vous* (вы), *nous* (мы) и *on*, употребляемых в значении «мы», характерных в разговорной речи, а также императивных конструкций. Например: *Entre amis ou en famille, les bandes vous attendent* (С друзьями или с семьей, костюмированная толпа ждет вас). В данном примере воздействие местоимения *vous* (*vous*) усиливается при помощи глагола *attendre*–ждать, придавая читателю ощущение долгожданного гостя.

Комбинированная стратегия представлена тактикой апелляции к историческим фактам. В событийном дискурсе авторы часто отсылают к историческим датам, важным событиям, чтобы придать важность этому празднику, рекламируемому объекту, рассказать об истоках и традициях празднования: *La Fête de la Musique a été créée en 1982 par le ministère de la Culture et de la Communication pour célébrer les musiciens amateurs.* (Музыкальный фестиваль был создан в 1982 году Министерством культуры и массовых коммуникаций для любителей музыки).

Анализ примеров показал, что исследования в области рекламного дискурса имеют огромное значение для создания успешной рекламы, так как он представляет собой пример максимально эффективного использования языковых средств, которые способны воздействовать на выбор клиента.

Литература

1. Звягина, И.Ю. Традиции и инновации в российском туризме «Развитие событийного туризма с целью сохранения национальных традиций»/ И.Ю. Звягина // Вестник Рос. нового ун-та. – 2010. – № 2. – С. 141-143.

2. Стрижкова, О.В. Специфика реализации коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе (на материале англо- и русскоязычной рекламы продуктов питания) : дис. ... канд. филол. наук / О.В. Стрижкова. – Челябинск, 2012. – 174 с.

3. <http://www.france-voyage.com/>

4. <http://int.rendezvousenfrance.com/>

References

1. Zvjagina I. Ju. Tradicii i innovacii v rossijskom turizme «Razvitie sobytijnogo turizma s cel'ju sohraneniya nacional'nyh tradicij»/ I.Ju. Zvjagina // Vestnik Ros. novogo un-ta. № 2, 2010. – S. 141-143.
2. Strizhkova O. V. Specifika realizacii kommunikativnyh strategij v reklamnom diskurse (na materiale anglo- i ruskojazyčnoj reklamy produktov pitanija): diss. ...kand. filol. nauk – Cheljabinsk, 2012. – 174 s.
3. <http://www.france-voyage.com/>
4. <http://int.rendezvousenfrance.com/>

Васильева А. А.,

Институт зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ВЕБ-ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Нами проведен анализ отобранных примеров социальной экологической рекламы из франкоязычных веб-сайтов, выделяя в каждом рекламном тексте использованные авторами лексико-стилистические, грамматические средства, способствующие достижению прагматических аспектов социальной рекламы. Также мы будем обращать внимание на иконический компонент, изображение, шрифт, цвет и другие невербальные компоненты креолизованных текстов рекламы, а также рассмотрим использование стратегий и тактик, участвующих в достижении цели рекламы.

Отобранные примеры мы решили разделить на три части: «Защита живого мира планеты», «Окружающая среда», «Генетически модифицированные организмы». В данной статье мы приведем пример из окружающей среды.

Рис. 1.

Взято из сайта: <http://traitementdeleau.unblog.fr/2010/05/page/2/>

Je paye pour polluer! Ou je bois l'eau du robinet. L'emballage représente 40% du prix de votre bouteille d'eau! (Перевод: Я плачу, чтобы загрязнять! Или я пью воду из-под крана. Стоимость упаковки составляет 40 % от цены вашей бутылки с водой!)

Вербальные компоненты.

Лексико-стилистические средства:

– Использование личного местоимения *je* (я), которое акцентирует внимание потребителя на себя.

– Повторение местоимения *je* (я) два раза внутри одной рекламы, для смыслового выделения.

– Использование числительного 40 % для достоверности фактов.

Грамматические средства:

– Использование *présent de l'indicatif* настоящего времени изъявительного наклонения *je pleure* (я плачу), что показывает актуальность проблемы на сегодняшний день.

– Использование двух восклицательных предложений внутри одной рекламы: *Je pleure pour polluer!* (Я плачу, чтобы загрязнять!) *L'emballage représente 40 % du prix de votre bouteille d'eau!* (Стоимость упаковки составляет 40 % от цены вашей бутылки с водой!). Восклицательный знак в конце предложения – показатель побуждения, действия.

– Использование разделительного предлога или *ou*, что предоставляет выбор между бутылкой и краном.

Невербальные компоненты креолизованного текста рекламы:

Перед нами плакат, разделенный на две части. В первой части мы видим изображение скомканной бутылки на темно-синем фоне, а на другой половине на светло-голубом фоне изображение сверкающего крана и чистой капли воды.

Если приглядеться, то внизу под скомканной бутылкой написан текст мелким шрифтом белого цвета *L'emballage représente 40% du prix de votre bouteille d'eau!* (Стоимость упаковки представляет 40 % от цены вашей бутылки с водой).

Стратегии и тактики:

В пластиковых бутылках содержатся эндокринные разрушители воды. Они могут иметь последствия для здоровья, в том числе и в малых дозах. Для изготовления пластиковой бутылки используют тяжелые металлы, а в воздух выделяются опасные химические вещества, которые могут нанести серьезный вред здоровью человека, в то время как из кранов во Франции течет вполне пригодная для питья вода. Все французы пьют воду из-под крана и очень удивляются, когда узнают, что мы не привыкли к этому. Рекламодатель предоставляет выбор обществу: тратить деньги, отравлять свой организм и загрязнять окружающую среду, покупая воду в пластиковой бутылке, либо просто пить воду из-под крана, что доступно каждому, экономя при этом деньги и заботясь об окружающей среде. Мы наблюдаем стратегию присвоения оценочных значений, в частности помогающие усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта с помощью сопоставления пластиковой бутылки и чистой воды из-под крана. Использована стратегия повышения распознаваемости рекламы, что позволяет адресату быстро соотнести сообщение с рекламируемым объектом и воспринять его основную тематику при беглом просмотре. В данном примере текст лаконичный, побудительный и быстро запоминающийся адресатом. Использована стратегия повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения; мнемонические стратегии, позволяющие повысить запоминаемость сообщения или его части. По О. Н. Паршиной, употребляется тактика контрастивного (сопоставительного) анализа, сравнение проявляется в виде изображения бутылки и крана, а также слогана.

Одной из задач нашей работы было создать примеры социальной экологической рекламы для нашего города. При разработке мы использовали приемы, которые были выявлены в изученной французской рекламе.

Рис. 2

Вербальные компоненты.

Лексико-стилистические средства:

– Использование метафоры «Все в твоих руках!» для смыслового выделения основной темы слогана о том, что решение сорить или не сорить остается за каждым из нас.

Грамматические средства:

– Использование вопросительной конструкции «А ты»? предлагает сделать выбор и подталкивает к принятию верного решения с опорой на два контрастных фото.

– Использование восклицательного предложения «Все в твоих руках!» призывает к действию.

– Использование настоящего времени обусловлено желанием автора показать важность проблемы экологии на сегодняшний день.

Невербальные компоненты креолизованного текста рекламы:

На первой фотографии мы видим улыбающуюся девушку на чистой поляне, а на второй фотографии эта же девушка стоит, схватившись за голову двумя руками, в ужасе от количества мусора, брошенного отдыхающими. Текст написан жирным шрифтом черного цвета на желтом фоне. Желтый цвет в рекламе настраивает на коммуникабельность. Это цвет открытости и общительности.

Стратегии и тактики:

Использование стратегии присвоения оценочных значений, в частности помогающие усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта. Положительная сторона проявляется на первом изображении в виде чистой поляны. Стратегия повышения распознаваемости рекламы, что позволяет адресату быстро

соотнести сообщение с рекламируемым объектом и воспринять его основную тематику при беглом просмотре. Мы наблюдаем использование стратегии повышения притягательной силы и «читаемости» сообщения. По тактикам О.Н. Паршиной, используется тактика контрастивного (сопоставительного) анализа. В данном примере сопоставление мы наблюдаем в двух контрастных изображениях. Также использование тактики иллюстрирования — использование фактов и конкретных примеров. Данная фотография сделана в районе Птицефабрики. Использование тактики указания на перспективу включает предлагаемое решение и предполагаемый результат, автор предоставляет выбор: «А какую природу выбираешь ты?». Ответ, конечно же, очевиден.

В заключение можно прийти к следующему выводу, что современная наука высоко оценивает значимость социальной рекламы в коммуникативном пространстве как одного из наиболее мощных рычагов формирования и моделирования общественного мнения. Текст социальной рекламы вне зависимости от канала коммуникации несет в себе если не основную, то достаточно серьезную информационную и, в особенности, эмоциональную нагрузку, чтобы представлять особый интерес в качестве объекта исследования.

Представленная работа открывает определенные перспективы для дальнейшего изучения языка рекламных текстов на французском языке и на материале других языков.

Образцы рекламы, что мы попытались создать для г. Якутска являются всего лишь первыми любительскими попытками. Но изучение основных характеристик социальной экологической рекламы франкоязычных сайтов может помочь в создании качественной рекламы профессионалам. Мы уверены, что данная тема является весьма актуальной и привлечет в дальнейшем немало исследователей.

Литература

1. Головина, Л.В. Креолизованный текст: закономерности построения / Л.В. Головина // Речевое общение: цели, мотивы, средства. – Москва : АН СССР, Институт языкознания, 1985. – С.45-88.

2. Паршина, О.Н. Стратегии борьбы за власть в политическом дискурсе / О.Н. Паршина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып.3. – С. 75-83.

3. Пирогова, Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова. – Москва : МГУП, 2000. – 68 с.

4. Water GV [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://traitementdeleau.unblog.fr/2010/05/page/2/>–Загл. с экрана.

References

1. Golovina L.B. Kreolizovannyj tekst: zakonomernosti postroenija / L.B. Golovina // Rechevoe obshhenie: celi, motivy, sredstva. – Moskva : AN SSSR, Institut jazykoznanija, 1985. – S.45-88.

2. Parshina O.N. Strategii bor'by za vlast' v politicheskom diskurse / O.N. Parshina // Problemy rechevoj kommunikacii : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2003. Vyp.Z. – S. 75-83.

3. Pirogova Ju. K. Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika / Ju. K. Pirogova. – Moskva : MGUP, 2000. – 68 s.

4. Water GV [Jelektronnyj resurs] / Rezhim dostupa: <http://traitementdeleau.unblog.fr/2010/05/page/2/>–Zagl. s jekrana.

Информационно-научное издание

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

№ 2(5)
2015

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Учредитель

ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *О. К. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.12.2015. Дата выхода 30.12.2015.
Формат 70x100/16. Печать цифровая. Печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 12,8. Тираж 30 экз. Заказ № 50.
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций